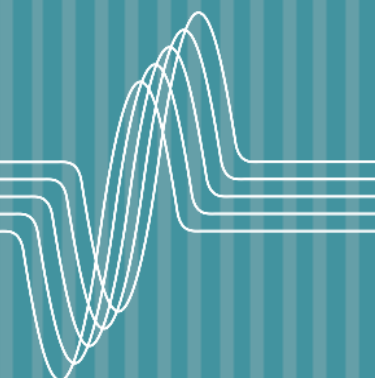

ISSN 2313-5646

3' 2025

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2025. № 3.

Учредитель и издатель:

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Бучакова М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Дугенец А.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Кожевников О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Лазарева Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Луговик В.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Пономарева В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)
Россинский С.Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Шевелева С.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Курск)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.
Редактор: Шаповал О.И.
Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.
Сдано в набор 22.08.2025
Подписано к печати 27.08.2025
Дата выхода в свет 29.08.2025

Формат 60x84/8
Объем 13,9 усл. печ. л.
Набор компьютерный. Бумага офисная.
Печать цифровая. Заказ № 64.
Цена: бесплатно. Тираж: 43.
16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.
Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2025. № 3.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Registration number: Series PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Marina A. Buchakova, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Alexander S. Dugenets, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Oleg A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Larisa V. Lazareva, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Victor F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Andrey V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Valeria V. Ponomareva, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yury N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Svetlana V. Sheveleva, Doctor of Law, Professor (Kursk, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko
Editor: Olga I. Shapoval
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 22.08.2025
It is passed for the press 27.08.2025
Date of publishing 29.08.2025

Format 60x84/8
Volume 13,9 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 64. Price: free of charge.
Printed copies: 43.
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.
Contact phone: (4722) 51-71-35; fax: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS****ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ****PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES**

БУГРОВА Е.Г.	4	BUGROVA E.G.	
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ В ОБЛАСТИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ		ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS OF COUNTERING VIOLATIONS IN THE FIELD OF THE SECURITIES MARKET	
БУРЧИКАУСКАС В.А., КОТ Е.А.	11	BURCHIKAVSKAS V.A., KOT E.A.	
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОБЛЮДЕНИЯ И УВАЖЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ		IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN POLICE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES	
ВЕРБИЦКАЯ М.А.	17	VERBITSKAYA M.A.	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА ОПРЕДЕЛЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ		SOME PROBLEMS WITH THE REVISION OF DEFINITIONS ON REFUSAL TO INITIATE CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES	
КОРЕПИНА А.В.	22	KOREPINA A.V.	
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ		ORGANISATION OF EXPERT EXAMINATIONS IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT	
МИТЯКИНА Н.М., ФЕДОРЯЩЕНКО А.С.	30	MITYAKINA N.M., FEDORYASHCHENKO A.S.	
ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ		DISTINCTIVE CHARACTERISTICS OF AN ENVIRONMENTAL OFFENSE	
СЕРГЕЕВ В.В.	36	SERGEEV V.V.	
ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ		PECULIARITIES OF INTERROGATION TACTICS OF A WITNESS OF A ROAD TRAFFIC ACCIDENT	

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ**CRIMINAL LAW SCIENCES**

РОССИНСКИЙ С.Б.	42	ROSSINSKIY S.B.	
ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ: ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ?		UNITY AND DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL FORM: ARE THERE ANY REASONS FOR THEIR OPPOSITION?	
ЕЛФИМОВ П.В.	48	ELFIMOV P.V.	
ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ		TYPICAL PERSONALITY TRAITS OF A CRIMINAL WHO COMMITS CRIMES AGAINST THE SEXUAL INSECURITY OF MINORS	
ГОЛОВКИН О.Е., КРАМСКАЯ Е.С.	54	GOLOVKIN O.E., KRAMSKAYA E.S.	
ЭВОЛЮЦИЯ АКТУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ		EVOLUTION OF CURRENT LEGAL REGULATION OF PREVENTIVE MEASURES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS	

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

- ГРИШИН А.В. ЯКУБИНА Ю.П.** 59 **GRISHIN A.V. YAKUBINA Y.P.**
О КВАЛИФИКАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ И
РЯДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
ABOUT QUALIFICATIONS OF RAPE AND
CERTAIN CRIMES AGAINST SEXUAL
INVIOLABILITY
- ЧЕБОТАРЕВА И.Н., ЛУНЕВА К.А., РЕЙЦ А.Н.** 68 **CHEBOTAREVA I.N., LUNEVA K.A., REITS A.N.**
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
АУДИОЗАПИСИ В КАЧЕСТВЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ
TOPICAL ISSUES OF USING AUDIO
RECORDINGS AS EVIDENCE IN CRIMINAL
PROCEEDINGS
- ЧЕРНЯКОВ С.А.** 77 **CHERNYAKOV S.A.**
СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ
БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
METHODS OF ILLEGAL BANKING ACTIVITIES
- НАДЕЖИНА И.В., ПРИХОДЬКО В.С.** 82 **NADEZHDINA I.V., PRIKHODKO V.S.**
ПРОВОКАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
PROVOCATIONS DURING OPERATIONAL AND
INVESTIGATIVE ACTIVITIES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

INTERNATIONAL EXPERIENCE

- КРАВЕЦ В.В.** 87 **KRAVETS V.V.**
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ORGANIZATIONAL AND LEGAL MEASURES TO
COUNTER EXTREMIST CRIMES
- ШАРИПОВ С.Н.** 94 **SHARIPOV S.N.**
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ
МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
НАРУШЕНИЙ ЗАКОННОСТИ СОТРУДНИКАМИ
МИЛИЦИИ ТАДЖИКИСТАНА
ADMINISTRATIVE-LEGAL MECHANISMS OF
PREVENTION OF VIOLATIONS OF LEGALITY BY
OFFICERS OF THE TAJIK MILITSIYA

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

- РОЩУПКИНА А.В.** 103 **ROSHCHUPKINA A.V.**
СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ
WAYS TO COMMIT CRIMES USING
CRYPTOCURRENCIES
- ФОК С.В.** 108 **FOK S.V.**
ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ
ОБ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКАХ
КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА
РАССЛЕДОВАНИЯ
CRIMINAL MISCONDUCT PROCEEDINGS AS AN
ALTERNATIVE FORM OF INVESTIGATION
- ШЕВЕЛЕВ Н.Р.** 114 **SHEVELEV N.R.**
О СВОБОДЕ ВОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО
И СООТНОШЕНИИ СО СМЕЖНЫМИ
КАТЕГОРИЯМИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
ON THE VICTIM'S FREE WILL AND ITS RELATION
TO RELATED CATEGORIES IN CRIMINAL LAW

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ В ОБЛАСТИ РЫНКА
ЦЕННЫХ БУМАГ****ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS OF COUNTERING VIOLATIONS
IN THE FIELD OF THE SECURITIES MARKET**

УДК 342.951:351.82

Е.Г. БУГРОВА,
кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)

EKATERINA G. BUGROVA,
Candidate of Law
(Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhniy Novgorod, Russia)

Аннотация: в статье анализируются административно-правовые средства противодействия нарушениям на российском рынке ценных бумаг, рассматриваются основные принципы и механизмы административно-правового регулирования данной сферы, включая институты лицензирования, контроля и надзора за деятельностью конкретных участников рынка, а также меры ответственности за выявленные нарушения. Автор анализирует нормативную правовую базу, которая регулирует действующий рынок ценных бумаг, и выявляет проблемные аспекты текущего состояния административно-правового регулирования. На основании представленных показателей субъектов с признаками нелегального обогащения в исследуемой сфере сделан вывод о критически высоком уровне теневой экономики в Российской Федерации. В связи с чем в работе предложены эффективные пути совершенствования существующих механизмов противодействия нарушениям с учетом международного опыта и специфики российской экономической системы. Автор приводит примеры положительного влияния превентивных мер на защиту инвестиционных фондов. Заключительная часть исследования посвящена формулированию предложений по повышению эффективности административно-правового регулирования в области рынка ценных бумаг. Принимаемые шаги нацелены на создание более стабильного, прозрачного и честного финансового рынка и призваны обеспечить поддержание высокого уровня доверия к финансовому сектору.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, рынок ценных бумаг, контроль и надзор, ответственность за нарушения, лицензирование участников рынка, международный опыт.

Для цитирования: Бугрова Е.Г. Административно-правовые средства противодействия нарушениям в области рынка ценных бумаг // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 4–10.

Abstract: the article is devoted to the analysis of administrative and legal means of countering violations in the Russian securities market. It reviews the basic principles and mechanisms of administrative and legal regulation of this area, including the institutions of licensing, control and supervision of the activities of specific market participants, as well as measures of responsibility for identified violations. The author analyzes the legal framework that regulates the functioning securities market and identifies problematic aspects of the current state of administrative and normative regulation. Based on the presented indicators of subjects with signs of illegal enrichment in the field under study, it is concluded that the «shadow» economy in the Russian Federation is critically high. In this regard, the article suggests effective ways to improve existing mechanisms for countering violations, taking into account international experience and the specifics of the Russian economic system. The author provides examples of the positive impact of

preventive measures on the protection of investment funds. The final part of the research is devoted to the formulation of proposals to improve the effective administrative and legal regulation in the field of the securities market. The measures introduced are aimed at creating a more stable, transparent and honest financial market and are designed to ensure that a high level of confidence in the financial sector is maintained.

Keywords: administrative and legal regulation, securities market, control and supervision, liability for violations, licensing of market participants, international experience.

For citation: Bugrova E.G. Administrative and legal means of countering violations in the field of the securities market // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 4–10.

Рынок ценных бумаг, обеспечивая мобилизацию денежных средств и их распределение между участниками экономических отношений, является ключевым компонентом финансовой системы любой страны. Как отмечают Г.Н. Гужина и М.М. Халидов, «ценные бумаги представляют собой документы, удостоверяющие права их владельцев на получение дохода в форме дивидендов» [1, с. 115]. Рынок ценных бумаг позволяет компаниям привлекать необходимые ресурсы для развития, а инвесторам – получать доход от вложений, способствуя тем самым экономическому росту и стабильности.

Административно-правовое регулирование рынка ценных бумаг основывается на следующих принципах:

1. Осуществление деятельности на рынке ценных бумаг в строгом соответствии с законодательством.
2. Обеспечение доступа к полной и достоверной информации о деятельности участников рынка.
3. Гарантирование безопасности инвестиций и защита от мошенничества.
4. Равные условия для всех участников рынка, недопустимость дискриминации.
5. Государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства на рынке ценных бумаг.

Эффективное административно-правовое регулирование рынка ценных бумаг требует комплексного подхода, включая разработку четких нормативных актов, создание мощной системы контроля и надзора, а также обеспечение оперативного реагирования на нарушения. Учет международного опыта и специфики национальной экономики позволит сформировать эффективную систему административно-правового регулирования, способную обеспечить стабильность и развитие рынка ценных бумаг.

Отметим, что регулирование рынка ценных бумаг представляет собой комплекс мер, на-

правленных на обеспечение его стабильности, прозрачности и эффективности. Данный аспект включает в себя разработку и применение нормативных правовых актов, которые регулируют деятельность участников рынка, операции с ценными бумагами, а также меры по защите прав инвесторов.

По мнению З.Т. Исламова и З.Б. Алиева, на международном уровне регулирование рынка ценных бумаг осуществляется «через принятие общепризнанных стандартов и рекомендаций, разработанных специализированными организациями» [2, с. 213]. Основные принципы данных организаций включают в себя защиту инвесторов, обеспечение честной, эффективной и прозрачной рыночной практики, а также снижение системного риска.

В России основным законодательным актом, регулирующим рынок ценных бумаг, является Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹, определяющий основные понятия и принципы функционирования рынка ценных бумаг, права и обязанности его участников, а также порядок государственного регулирования и надзора. Кроме того, важную роль играют такие нормативные акты, как Федеральный закон от 5 марта 1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»², Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»³,

¹ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

а также многочисленные подзаконные акты, правила и инструкции, разработанные Федеральной службой по финансовым рынкам, которая в 2013 г. была реорганизована в Банк России.

В Российской Федерации ключевую роль в регулировании рынка ценных бумаг играет Центральный банк Российской Федерации, который, как отмечают А.С. Дугенец и М.Я. Масленников, «обладает широкими полномочиями по лицензированию деятельности участников рынка и надзору за их деятельностью» [3, с. 117]. Кроме того, Г.Н. Гужина и М.М. Халидов подчеркивают, что значительную роль в создании нормативной правовой базы и развитии инфраструктуры рынка ценных бумаг играют саморегулируемые организации, объединяющие профессиональных участников рынка [1, с. 118]. Они разрабатывают стандарты и правила поведения своих членов, способствуя тем самым повышению доверия к рынку ценных бумаг. Из этого следует, что регулирование рынка ценных бумаг в рамках международных стандартов и нормативной правовой базы России нацелено на формирование условий для его стабильного развития, обеспечение защиты прав инвесторов и поддержание высокого уровня доверия к финансовому сектору.

Как отмечает Банк России⁴, сравнивая два аналогичных по временным рамкам периода (см. табл. 1), в 2023 г. доля профессиональных участников рынка ценных бумаг, которых можно считать нелегальными, была на 35% меньше.

Основная причина – снижение активности

Таблица 1. Субъекты с признаками нелегального профессионального участника рынка ценных бумаг

Всего	Первое полугодие 2023 г.	Первое полугодие 2024 г.
		434
Нелегальные форекс-дилеры	417	688
Нелегальные брокеры управляющие	17	36

компаний с иностранной «пропиской» на российском рынке. Такая ситуация явилась отражением сложностей в отношении трансграничных платежей, а также в целом настроенным отношением граждан к иностранным проектам [4, с. 118]. Ко всему прочему, по инициативе Банка России сайты данных организаций подвергались блокировке. Однако теперь мы можем видеть, что нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг выявлено на 67% больше в сравнении с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ).

⁴ Банк России. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2023_1/ (дата обращения: 15.02.2025).

В 2023 г. за первые полгода (в том числе по результатам материалов предыдущих периодов) было возбуждено более 300 административных дел по различным статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (более 200 из которых – по статье за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов), а также около 70 дел по уголовным статьям.

Кроме того, более чем к 5 000 ресурсам в сети Интернет был ограничен или делегирован доступ вследствие их принадлежности к финансовым пирамидам или же нелегальным участникам финансового рынка, было принято более 600 иных мер реагирования.

На сегодняшний день мы можем проанализировать и сравнить аналогичные периоды за первые полугодия 2023 и 2024 гг. Официальные отчеты Центрального Банка России за первое полугодие 2025 г. и полный 2024 г. планируются к опубликованию к осени текущего года.

Так, в первом полугодии 2024 г. было возбуждено 310 дел об административных правонарушениях, по ст. 15.26.2 КоАП РФ – 235 (АППГ – рост на 17%). Уголовных дел было возбуждено 87 (АППГ – рост на 24%). Банк России в своем отчете делает акцент на том, что сохраняется актуальность противодействия правонарушениям в области ценных бумаг. Однако с одним отличием: фокус сместился на нелегальные займы в мессенджерах и социальных сетях⁵.

Нельзя выделить административно-правовые меры противодействия нарушениям на рынке ценных бумаг, которые играют ключевую роль в обеспечении прозрачности, честности и эффективности этого рынка. Они направлены на предотвращение, выявление и наказание за действия, которые могут нанести вред инвесторам, подорвать доверие к финансовой системе или исказить ценообразование на рынке. Так, к основным из них относят превентивные, контрольно-надзорные и меры ответственности.

Превентивные административно-правовые меры играют ключевую роль в противодействии нарушениям на рынке ценных бумаг. В своей работе А.Н. Дерюга и С.Н. Шаклеин подчеркивают, что «они направлены на предотвращение возможных нарушений до их возникновения и обеспечение стабильного функционирования рынка» [5, с. 38]. Так, среди основных мер можно выделить лицензирование и аккредитацию участников рынка, требования к раскрытию ин-

⁵ Отчет Банка России «О нелегальном противодействии нелегальным финансовым услугам в I полугодии 2024 г.» [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2024_1/ (дата обращения: 15.02.2025).

формации, а также нормативные требования к деятельности на рынке.

1. Лицензирование является одной из основных форм государственного регулирования на рынке ценных бумаг по отношению к деятельности его участников. Этот процесс предполагает получение специального разрешения (лицензии) от государственного органа, что дает право заниматься какими-то определенными видами деятельности для компании на рынке ценных бумаг. Лицензирование позволяет государству контролировать профессиональные и финансовые качества участников рынка, а также их способность выполнять обязательства перед клиентами.

2. Аккредитация представляет собой процесс официального признания компетентности организации со стороны государственного органа или саморегулируемой организации. В контексте рынка ценных бумаг аккредитация может касаться, например, допуска к определенным операциям на фондовом рынке или выполнению специфических услуг для инвесторов.

3. Требования к раскрытию информации являются важной мерой обеспечения прозрачности деятельности участников рынка ценных бумаг. Эти требования, как отмечает И.Е. Таранов, «обязывают компании публиковать достоверную и полную информацию о своей финансовой деятельности, состоянии активов и обязательствах» [6, с. 166]. Не можем не согласиться с его мнением, ведь, действительно, раскрытие информации позволяет инвесторам принимать обоснованные решения и способствует внедрению концепции управления рисками на рынке.

4. Установленные нормативными требованиями правила и стандарты, регулирующие деятельность на рынке ценных бумаг, необходимо соблюдать всем участникам рынка в обязательном порядке. Это может касаться, например, требований к минимальному размеру собственных средств, правил проведения операций с ценными бумагами, требований к управлению рисками и внутреннему контролю. Нормативные требования также включают обязательное страхование ответственности перед инвесторами или требования к профессиональной подготовке персонала.

Эти меры направлены на создание устойчивой и безопасной среды для всех участников рынка, а также на защиту интересов инвесторов. Государственные органы и саморегулируемые организации осуществляют надзор за соблюдением этих требований, что включает в себя право проведения проверок и применения санкций за нарушения.

В целом превентивные административно-правовые меры формируют основу для эффективного регулирования и контроля за деятельно-

стью на рынке ценных бумаг для осуществления мер защиты инвесторов и их прав, таким образом стимулируя развитие самого рынка. Важными административно-правовыми мерами выступают контроль и надзор на рынке ценных бумаг, направленные на противодействие нарушениям и обеспечение стабильности и прозрачности этого рынка. Меры включают в себя как государственный надзор за деятельностью участников рынка, так и внутренний контроль и аудит, осуществляемые самими участниками рынка.

Как справедливо отмечают З.Т. Исламова и З.Б. Алиева, государственный надзор на рынке ценных бумаг осуществляется специализированными органами, такими как Центральный банк России, Securities and Exchange Commission (далее – SEC) в США, Financial Conduct Authority (далее – FCA) в Великобритании и другими аналогичными органами в разных странах [2, с. 214]. Эти органы выполняют функции по разработке правил и стандартов деятельности на рынке, включая требования к раскрытию информации и корпоративному управлению, постоянному мониторингу деятельности участников рынка на предмет соблюдения законодательства и нормативных актов, а также осуществление плановых и внеплановых проверок соблюдения законодательства участниками рынка и, следовательно, наложение административных штрафов, приостановление или отзыв лицензий за нарушения.

Для обеспечения соблюдения законодательства и предотвращения нарушений участники рынка ценных бумаг обязаны создавать системы внутреннего контроля и проводить аудит своей деятельности. Важным элементом системы внутреннего контроля является формирование специализированных подразделений или служб по вопросам соблюдения требований законодательства Compliance, которые отслеживают изменения в законодательстве, анализируют риски и консультируют сотрудников по вопросам соблюдения нормативных требований.

Таким образом, контроль и надзор на рынке ценных бумаг представляют собой комплекс мер, направленных на обеспечение законности, прозрачности и стабильности деятельности на этом рынке. Государственный надзор сочетается с обязательством участников рынка построить эффективную систему внутреннего контроля и аудита, что в совокупности способствует защите интересов инвесторов и укреплению доверия к финансовому рынку.

Ответственность за нарушения на рынке ценных бумаг предусматривает выраженное в императивном требовании государства совершения тех или иных действий, направленных на возмещение вреда. Относительно особенностей ситуации мо-

гут применяться различные виды ответственности за нарушения, к которым относятся административная, уголовная, гражданско-правовая. Штрафы за нарушения могут значительно варьироваться в зависимости от серьезности нарушения, его последствий и законодательства страны. Например, в России размер штрафов может достигать нескольких миллионов рублей для юридических лиц и сотен тысяч рублей для должностных лиц. В США штрафы могут составлять миллионы долларов, а также SEC имеет право требовать возращения незаконно полученных доходов, при этом велика роль именно судейского усмотрения [7, с. 151]. Для наиболее четкого понимания деятельности международных организаций в рамках привлечения к ответственности приведем случаи из практики.

В 2020 г. в США SEC «обвинила компанию Robinhood в манипулировании ценами исполнения сделок клиентов, что привело к тому, что клиенты не получали оптимальное исполнение своих заказов»⁶. В результате Robinhood согласилась выплатить 65 млн долларов для урегулирования обвинений. В 2019 г. в Великобритании FCA оштрафовала инвестиционно-банковское подразделение Merrill Lynch на 34,5 млн фунтов стерлингов за несоблюдение требований к отчетности о сделках с производными финансовыми инструментами⁷.

Эти примеры показывают, что органы регулирования активно применяют административные меры для обеспечения соблюдения законодательства и нормативных требований на рынке ценных бумаг. Штрафные санкции и другие меры воздействия служат не только наказанием за совершенные нарушения, но и предупреждением для других участников рынка о необходимости строгого соблюдения правил и стандартов деятельности.

Что касается России, то нарушения на отечественном рынке ценных бумаг имеют различные формы – от манипуляций рынком до неправомерного использования инсайдерской информации. Так, среди примеров отечественной судебной практики в рассматриваемой теме мы выделили следующие.

Одним из наиболее распространенных нарушений являются манипуляции на фондовом рынке [8, с. 102]. Они включают в себя искусственное воздействие на цены акций или других финан-

совых инструментов для получения незаконной прибыли. В 2019 г. Банк России выявил случай, когда участники рынка использовали нестандартные стратегии сделок с целью искажения рыночной стоимости акций определенных компаний. Важно отметить, что манипуляции на рынке подрывают его эффективность и прозрачность, создавая ложные сигналы для инвесторов и искажая реальную экономическую картину. Введение штрафов и других мер воздействия на нарушителей является критически важным для поддержания доверия к рынку.

Использование инсайдерской информации также является серьезным нарушением. В 2020 г. был выявлен случай, когда, как отмечает И.Е. Таранов, «топ-менеджер одной из крупных компаний использовал конфиденциальную информацию о предстоящих корпоративных событиях для получения прибыли от сделок с акциями компании» [9, с. 145]. Применение инсайдерской информации подрывает равные условия для всех участников рынка и наносит ущерб инвесторам, не имеющим доступа к такой информации. Эффективный контроль и высокие штрафы за такие нарушения необходимы для обеспечения честной игры на рынке.

При этом на сегодняшний день ситуация лучше не становится. В 2023–2024 гг. Центральный Банк России выявил аналогичные факты манипулирования рынком ценных бумаг на организованных торгах по собственному торговому счету Б.В. Смирновым – классическую «демпинговую» схему – покупку низколиквидного актива и продажу по завышенной цене. Как уже говорилось, фокус сместился на манипулирование с использованием мессенджеров. Так, в своем канале с 13 тыс. подписчиков Б.В. Смирнов публиковал заведомо ложную информацию⁸.

Анализ случаев нарушений на отечественном фондовом рынке показывает, что меры по борьбе с ними должны быть комплексными и включать как предотвращение через образование и повышение осведомленности участников рынка, так и строгие наказания для нарушителей. Регуляторные органы должны постоянно совершенствовать методы выявления и пресечения нарушений, включая использование современных технологий анализа данных. Создание прозрачного, честного и эффективного рынка ценных бумаг требует совместных усилий регуляторов, участников рынка и государства.

Также необходимо определить проблемы эффективности административно-правового

⁶ Онлайн-брокера Robinhood оштрафовали за нарушения на рекордную сумму [Электронный ресурс]. – URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/60dd6f7e9a7947375d2743f3> (дата обращения: 15.02.2025).

⁷ Банк согласился урегулировать ситуацию на ранней стадии расследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-bank-of-america-fine-britain-idUSKBN1CS115/> (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ Банк России. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке [Электронный ресурс]. – URL: <https://cbr.ru/press/pr/?file=638695422795379339PNP.htm> (дата обращения: 15.02.2025).

регулирования, а также пути усиления эффективности административно-правовых мер противодействия нарушениям на фондовом рынке в России. При обеспечении высокой эффективности, честности и независимости фондового рынка регуляторы сталкиваются с рядом вызовов, требующих комплексного подхода к решению. Так, сложность и динамичность рынка ценных бумаг предполагают быстрое реагирования регуляторов на нарушения, что затруднено из-за ограниченных ресурсов и технологий. Внедрение современных IT-решений и систем мониторинга операций в реальном времени поможет быстрее выявлять потенциальные нарушения. Однако, несмотря на широкие полномочия Банка России, в некоторых случаях существуют юридические препятствия для эффективного применения мер воздействия к нарушителям. Д.А. Вавулин считает, что «манипуляции на рынке и использование инсайдерской информации часто требуют сложного доказательства, что затягивает процесс привлечения к ответственности» [10, с. 55]. На наш взгляд, разработка четких критериев и методик для оценки действий-нарушений участников рынка может ускорить процесс привлечения к ответственности.

Недостаточный уровень правовой осведомленности и культуры участников рынка, выраженный в низком понимании законодательства и его последствий, также может способствовать возникновению нарушений. Организация образовательных программ и кампаний по повышению правовой грамотности среди инвесторов и участников рынка способна снизить количество

нарушений. Глобализация финансовых рынков усложняет контроль за трансграничными операциями и привлечение к ответственности лиц, совершающих нарушения из-за границы, однако укрепление связей с зарубежными регуляторами и заключение соглашений о взаимопомощи облегчит обмен информацией и привлечение к ответственности за трансграничные нарушения.

Таким образом, усиление эффективности административно-правовых мер противодействия нарушениям на рынке ценных бумаг в России требует комплексного подхода, включающего улучшение законодательной базы, повышение технологической оснащенности регуляторов, обучение участников рынка, а также развитие международного сотрудничества. Эти меры помогут создать более стабильный, прозрачный и честный финансовый рынок.

Подводя итог, отметим, что ключевым моментом в рассматриваемом вопросе является признание того факта, что без активного участия государства в создании надежной правовой среды и эффективной системы административного надзора за деятельностью на рынке ценных бумаг невозможно достичь стабильности и прозрачности этого важного сегмента финансовой системы.

Успех в противодействии нарушениям на фондовом рынке напрямую зависит от готовности всех заинтересованных сторон – государственных органов, саморегулируемых организаций, участников рынка и инвесторов – к сотрудничеству и совместной работе над созданием более надежной и справедливой финансовой среды.

Литература

---

1. *Гужина Г.Н., Халидов М.М.* Рынок ценных бумаг и его особенности в России // *Инновации и инвестиции*. – 2018. – № 4. – С. 115–119.
2. *Исламова З.Т., Алиева З.Б.* Международный рынок ценных бумаг // *Экономика и социум*. – 2022. – № 4 (13). – С. 212–215.
3. *Дугенец А.С., Масленников М.Я.* Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации: монография. – Москва: ВНИИ МВД России, 2011. – 211 с.
4. *Беляев Д.А.* Роль и проблемы современного рынка ценных бумаг в Российской Федерации // *Молодой ученый*. – 2023. – № 15 (462). – С. 118–120.
5. *Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н.* Превентивный аспект малозначительности административного правонарушения // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2019. – № 2 (48). – С. 36–42.
6. *Таранов И.Е.* Об особенностях возбуждения дел об административных правонарушениях, совершаемых в сфере рынка ценных бумаг // *Управленческое консультирование*. – 2021. – № 2. – С. 143–150.
7. *Тимофеев Ю.А.* Ответственность за мошенничество с использованием инсайдерской информации и манипулирование рынком по законодательству зарубежных стран // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. – 2011. – № 3. – С. 150–154.
8. *Рожкова И.В.* Злоупотребления, манипуляции и нарушения на рынке ценных бумаг // *Евразийский Союз Ученых*. – 2016. – № 31-3. – С. 102–104.
9. *Таранов И.Е.* Система и содержание мер административно-правового принуждения, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 2 (56). – С. 164–169.
10. *Вавулин Д.А.* Административная ответственность за различные виды правонарушений в сфере рынка ценных бумаг // *Право и экономика*. – 2015. – № 3. – С. 53–63.

References

1. **Guzhina G.N., Halidov M.M.** Rynok cennyh bumag i ego osobennosti v Rossii // Innovacii i investicii. – 2018. – № 4. – S. 115–119.
2. **Islamova Z.T., Alieva Z.B.** Mezhdunarodnyj rynek cennyh bumag // Ekonomika i socium. – 2022. – № 4 (13). – S. 212–215.
3. **Dugenev A.S., Maslennikov M.Ya.** Pravoprimenenie po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: realii i perspektivy optimizacii: monografiya. – Moskva: VNII MVD Rossii, 2011. – 211 s.
4. **Belyaev D.A.** Rol' i problemy sovremennogo rynka cennyh bumag v Rossijskoj Federacii // Molodoj uchenyj. – 2023. – № 15 (462). – S. 118–120.
5. **Deryuga A.N., Shaklein S.N.** Preventivnyj aspekt maloznachitel'nosti administrativnogo pravonarusheniya // Yuridicheskaya nauka i pravohrani-tel'naya praktika. – 2019. – № 2 (48). – S. 36–42.
6. **Taranov I.E.** Ob osobennostyah vozbuzhdeniya del ob administrativnyh pravonarusheniyah, sovershaemyh v sfere rynka cennyh bumag // Upravlenche-skoe konsul'tirovanie. – 2021. – № 2. – S. 143–150.
7. **Timofeev Yu.A.** Otvetstvennost' za moshennichestvo s ispol'zovaniem insajderskoj informacii i manipulirovanie rynkom po zakonodatel'stvu zarubezhnyh stran // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». – 2011. – № 3. – S. 150–154.
8. **Rozhkova I.V.** Zloupotrebleniya, manipuljacii i narusheniya na rynke cennyh bumag // Evrazijskij Soyuz Uchenyh. – 2016. – № 31-3. – S. 102–104.
9. **Taranov I.E.** Sistema i sodержanie mer administrativno-pravovogo prinuzhdeniya, primenyaemyh k uchastnikam otnoshenij v sfere rynka cennyh bumag // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2018. – № 2 (56). – S. 164–169.
10. **Vavulin D.A.** Administrativnaya otvetstvennost' za razlichnye vidy pravonarushenij v sfere rynka cennyh bumag // Pravo i ekonomika. – 2015. – № 3. – S. 53–63.

(статья сдана в редакцию 21.03.2025)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОБЛЮДЕНИЯ И УВАЖЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN POLICE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

УДК 342.7

В.А. БУРЧИКАУСКАС,
(Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
Россия, Калининград)
ppsm-08@mail.ru

VITALIY A. BURCHIKAUSKAS,
(Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia,
Kaliningrad, Russia)

Е.А. КОТ,
(Западный филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, Калининград)
katerina.kot.89@bk.ru

EKATERINA A. KOT,
(Western branch of the Presidential Academy,
Kaliningrad, Russia)

Аннотация: статья посвящена анализу практической реализации одного из ключевых принципов в деятельности полиции – соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, который является основополагающим элементом социального регулирования правоохранительной деятельности.

Авторы раскрывают содержание и описывают значение данного принципа через призму структурной неоднородности, выделяя взаимообусловленные составляющие: юридическую, касающуюся непосредственно соблюдения прав граждан, и этическую, представленную в форме ценностной основы профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов. Актуальность исследования обусловлена безусловной необходимостью соблюдения баланса между эффективностью выполнения полицией функциональных обязанностей и недопустимостью нарушения прав граждан вне зависимости от объективных обстоятельств. Отступление от полноценной реализации всех составляющих принципа уважения и соблюдения прав человека неизбежно влечет за собой нравственную деформацию сотрудника органов внутренних дел, формирует негативное отношение к органам государственной власти. На основе предложенных подходов к пониманию смысла и значения исследуемого принципа сформулированы обоснованные рекомендации по практической реализации деятельности полиции по обеспечению и соблюдению прав человека и гражданина. Отдельное внимание уделено анализу допустимых пределов ограничения прав при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения.

Ключевые слова: принцип деятельности полиции, права граждан, полиция, правоохранительная деятельность, права и свободы граждан, права и обязанности полиции, правовые нормы, гарантии прав, меры принуждения.

Для цитирования: Бурчикаускас В.А., Кот Е.А. Реализация принципа соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина в правоохранительной деятельности полиции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 11–16.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the practical implementation of one of the key principles in the activities of the police - the observance and respect of human and civil rights and freedoms, which is a fundamental element of the social regulation of the police's law enforcement activities. The authors reveal

the content and describe the significance of this principle through the prism of structural heterogeneity, highlighting the interdependent components: the legal component, which directly relates to the observance of citizens' rights, and the ethical component, which is presented in the form of the value basis of the professional culture of law enforcement officers. The relevance of the study is due to the unconditional need to maintain a balance between the effectiveness of the police's performance of their functional duties and the inadmissibility of violating the rights of citizens, regardless of the objective circumstances. Deviating from the full implementation of all the components of the principle of respect and observance of human rights inevitably leads to moral.

Keywords: principle of police activity, rights of citizens, police, law enforcement activity, rights and freedoms of citizens, rights and duties of the police, legal norms, guarantees of rights, coercive measures.

For citation: Burchikauskas V.A., Kot E.A. Implementation of the principle of respect for human and civil rights and freedoms in police law enforcement activities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 11–16.

Ключевым элементом правового регулирования правоохранительной деятельности полиции выступает принцип, закрепляющий реализацию служебных полномочий в строгом соблюдении и уважении прав и свобод человека и гражданина. Содержание данного принципа предполагает его структурную неоднородность, выражающуюся в неразрывном единстве двух составляющих. В качестве первой следует рассматривать непосредственно соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан.

Деятельность государства, в том числе сотрудников полиции, приоритетно направлена на соблюдение личных имущественных и неимущественных прав человека. Д.И. Мейер называл правом меру свободы человека, в пределах которой он может совершать определенные действия или от них воздерживаться. Однако в социуме, вне которого не существует понятия права, свобода и права человека не могут быть неограниченными, иначе это неизбежно нарушало бы свободу и права других лиц. Поэтому в обществе права человека подлежат регулированию и ограничению в определенных пределах [1].

Ни одно общество не может устойчиво функционировать без создания условий для нормальной жизнедеятельности своих членов, без обеспечения этически приемлемых правил, часть из которых закреплена в нормативных правовых актах.

Указанный механизм достигается посредством реализации двух направлений деятельности представителей государства. Во-первых, это непосредственно правоохранительная деятельность и организация охраны, неприкосновенности и гарантирования прав и законных интересов, формирующих базис для разрешения конфликтных ситуаций и предсказуемость социальных взаимодействий; во-вторых, немаловажным направлением следует считать такую организацию правоохранительной деятельности, при которой конституционные права граждан

не нарушаются самими субъектами правоохранительной деятельности, подменяя приоритет законности целесообразностью [2]. Не достаточно эффективно исполнять задачи по охране прав, личности граждан – необходимо реализовывать данный государственный механизм, минимально вторгаясь необходимыми, по мнению государства, действиями (иногда бездействием) в сферу личных прав граждан.

Не представляется возможным соблюдать права и интересы человека без их уважения, которое должно пронизывать как процедуру действий, направленную на поддержание правопорядка, так и составлять ценностную основу сотрудника полиции. Само по себе уважение как составляющая принципов сотрудника полиции не требует каких-либо затрат и усилий, оно является ценностным ориентиром, носит длящийся характер и является базовым принципом деятельности. Соглашаясь с С.С. Алексеевым, следует отметить, что соблюдение прав и свобод – это не только признание их ценности, но и повседневное воздержание от запрещенного, противоправного или девиантного поведения в отношении иных субъектов общественной жизни [3].

В таком позитивном поведении можно выделить два аспекта: пассивный и активный. Пассивный является длящимся и заключается в почтительном отношении к человеку и его интересам. Для понимания слова «почтение» следует обратиться к словарю синонимов: «почтение» – это уважение, благоговение, поклонение, чествование [4]. Согласимся с позицией В.В. Барбина, обратившего внимание, что соблюдение и уважение прав человека и гражданина должно являться как неотъемлемой составляющей профессиональной правовой культуры каждого сотрудника полиции, так и важнейшим элементом его служебной деятельности, выражающейся в дисциплинированности, честности и добросо-

вестности, поскольку только этически безупречный сотрудник полиции вправе требовать от граждан соблюдения правовых норм [5].

Активный же аспект заключается в предупредительных и профилактических мерах по недопущению противоречий, связанных с возможным нарушением прав, интересов человека и гражданина при девиантном поведении лица, и усматривается в законном ограничении прав и интересов человека при применении к нему каких-либо мер принуждения в целях обеспечения иных нарушенных прав и законных интересов личности, общества или государства.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ (далее – ФЗ «О полиции») под гражданами, по умолчанию, необходимо понимать как граждан Российской Федерации, так и граждан или подданных иных стран, а также лиц без гражданства. Государство и сотрудник полиции не могут устанавливать различия между людьми, определяя общие нормы поведения на основании принадлежности к гражданству.

Также следует отметить, что полиция, как и государство в целом, обеспечивает соблюдение и уважение прав и законных интересов как законопослушных людей, так и лиц, совершивших противоправные деяния и привлекающихся к ответственности. В качестве примера можно привести случаи защиты жизни и здоровья, а также чести и достоинства лица, задержанного по подозрению в совершении тяжкого преступления, от насилия со стороны родственников или иных лиц, стремящихся в качестве мести или в состоянии аффекта применить насилие к подозреваемому, что, в свою очередь, является противоправным действием и требует незамедлительной реакции государства.

Особо подчеркнем, что несомненному соблюдению подлежат права человека, не знающего свои права или не осознающего их сущности. Так, при документировании административного правонарушения и составлении протокола лицу, в отношении которого возбуждено производство по делу об административном правонарушении, не просто доводятся права, предусмотренные ст. 51 Конституции Российской Федерации и ст. 25.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)², но и разъясняется их смысл и зна-

чение, что является ярким примером уважения прав человека. В случае невыполнения данной обязанности сотрудником полиции производство по делу об административном правонарушении будет прекращено.

Продолжая тему принципа соблюдения и уважения прав человека в деятельности полиции, следует обратить особое внимание на ч. 2 ст. 5 ФЗ «О полиции», содержащую важную составляющую указанного принципа. Реализация полномочий и действия полиции, которые ограничивают права и законные интересы граждан, должны немедленно прекращаться в том случае, если достигнута цель применения принуждения или становится очевидно, что, несмотря на применение конкретного принуждения, поставленной цели достичь невозможно. Как справедливо отметил С.В. Пчелинцев, ограничения прав и свобод человека должны применяться в качестве исключительной меры только на основании закона и иметь временный характер [6].

В этой связи целесообразно привести несколько примеров, иллюстрирующих практическую реализацию данного принципа. Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» на полицию возложена обязанность пресечения преступлений и административных правонарушений. На практике имеются случаи, когда сотрудники полиции, выявив, например, правонарушение, предусмотренное ст. 19.15 КоАП РФ, которое выражается в проживании гражданина России без паспорта или по недействительному паспорту, доставляют лицо в помещение отдела внутренних дел и указывают в качестве основания «пресечение административного правонарушения». Однако такая мера принуждения, как доставление, никоим образом не способна пресечь указанное правонарушение, остановить или устранить противоправность деяния, так как рассмотренное правонарушение совершено путем бездействия.

Реализации такой меры пресечения, как применение специальных средств ограничения подвижности, также может служить примером. Одним из распространенных случаев применения наручников является ситуация пресечения сопротивления, оказываемого лицом сотруднику полиции (п. 3 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции»). Основанием применения специального средства в таком случае становится пресечение сопротивления, то есть активного физического противодействия выполнению сотрудником полиции своих полномочий [7]. Мотивом применения наручников следует считать фактические действия лица, подпадающие под указанные в основаниях обстоятельства: удары, попытки борьбы, удержание сотрудника полиции и подобные действия. Но как только наручники на законных

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.03.2025).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.05.2025).

основаниях применены, зачастую цели их применения достигнуты, то есть действия лица прекращены. В подобной ситуации положения ч. 2 ст. 5 ФЗ «О полиции» требуют прекращения применения данной меры пресечения, и дальнейшее удержание в наручниках лица, прекратившего сопротивление, будет незаконным. В таком случае удерживать гражданина с применением специальных средств ограничения подвижности законным и обоснованным будет в случае применения еще одной меры принуждения – доставления. В данной ситуации основанием для дальнейшего применения наручников будет считаться п. 6 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции» при доставлении в полицию или охране задержанных лиц, так как доставление фактически начинается с момента принятия решения о реализации такой меры.

Первый абзац ч. 3 ст. 5 ФЗ «О полиции» прямо запрещает сотруднику полиции при исполнении служебных обязанностей достигать целей и задач полиции при помощи пыток, насилия, жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения. В данной связи следует отметить, что указанное выше девиантное для сотрудника полиции обращение запрещено вне зависимости от того, какую служебную задачу он стремится выполнить.

Для лучшего понимания указанного запрета необходимо рассмотреть этимологию перечисленных понятий. Так, согласно толковому словарю Ожегова, пытки – это физическое насилие, истязание при допросе, нравственное мучение, терзание [8]. Несомненно, подобного рода действия (или бездействие, например пытка голодом или жаждой) обоснованно запрещены. Согласно тому же словарю, под насилием понимается принудительное воздействие, в том числе применение физической силы, нарушение личной неприкосновенности, а также беззаконие, притеснение.

Представляется, что законодатель имеет в виду именно последнее значение понятия «насилие» – притеснение, а точнее, незаконное применение мер воздействия. Разумеется, государство и сотрудники полиции как его представители имеют право на применение мер административного принуждения и пресечения при исполнении служебных обязанностей: право на доставление и задержание, право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Все перечисленное, несомненно, является насилием, применяемым на законных основаниях и в строго определенных случаях.

Полагаем, что в формулировку рассматриваемого положения в ФЗ «О полиции» будет обо-

снованным внести изменения, например: вместо слова «насилие» указать «незаконное и необоснованное насилие» или «насилие, совершаемое с превышением должностных полномочий».

Понятие «уничужение» толковый словарь Ожегова определяет, как «унижать, оскорблять», то есть умалять достоинство. Смысл данного запрета представляется, во-первых, в требовании отсутствия оскорбительной, циничной или негативной эмоциональной окраски применяемых на законных основаниях мер принуждения сотрудником полиции, во-вторых, в недопущении оскорбительных или умаляющих человеческое достоинство высказываний, в-третьих, в недопущении оскорбляющего личность человека, его убеждения или поступки поведения сотрудника полиции. Как действия, оскорбляющие или унижающие человеческое достоинство, можно рассматривать грубость и хамство сотрудника полиции, обман и запугивание, циничные высказывания или нравоучения в адрес родителей в присутствии несовершеннолетних детей и тому подобное.

В ходе проведенного исследования практические сотрудники полиции сообщили о случае, имевшем место во время действия Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (закон утратил силу), содержащего аналогичную норму. В процессе следственных действий с лицом, подозреваемым в совершении ряда насильственных преступлений, возникла необходимость сравнить имеющийся в распоряжении органов внутренних дел слепок отпечатка лба человека непосредственно с особенностями головы подозреваемого лица. В то время произвести данную процедуру было возможно при помощи специального красящего вещества черного цвета, для чего было принято решение о нанесении краски на лоб подозреваемого и получении отпечатка при помощи специального материала. Адвокат заявил протест в своей жалобе, указав, что данная процедура унижает человеческое достоинство его подзащитного. По результатам рассмотрения жалобы проведение указанного мероприятия в отношении подозреваемого было запрещено.

Подводя итог, отметим, что правильная и грамотная реализация правовых норм непосредственно влияет на уровень доверия к представителям органов государственной власти, что является неотъемлемым аспектом социальной стабильности современного демократического общества. При этом недопустимо подменять соблюдение и уважение прав и законных интересов человека созданием излишних условий и преград перед реализацией законных мер при-

нуждения, в том числе специальных мер пресечения, таких как применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В этой связи представляется обоснованным отметить важность обеспечения положений ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которой при реализации прав и свобод человека не должны нарушаться законные

права и интересы других лиц. Иными словами, почтительное отношение к человеку и его правам не должно превращаться в самоцель, злоупотребление правом, а являться, как и задумано ФЗ «О полиции», одним из фундаментальных начал, лежащих в основе правового регулирования деятельности органов и должностных лиц исполнительной власти.

Литература

1. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право / отв. ред. В.С. Ем. – 3-е изд., испр. – Москва: Статут, 2003. – 831 с.
2. *Бучакова М.А., Дизер О.А.* Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3. – С. 34–37.
3. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – Москва: Юридическая литература, 1996. – 187 с.
4. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии. – URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov/ (дата обращения: 31.05.2025)
5. *Барбин В.В.* Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина как основополагающий принцип деятельности российской полиции: содержание и правовое закрепление / Соблюдение законности и обеспечение правопорядка в деятельности органов внутренних дел: сборник трудов межвузовского научного семинара, Москва, 20 апреля 2011 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2013. С. 9–17.
6. *Пчелинцев С.В.* Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2006. – 545 с.
7. *Грозан Е.Н., Дизер О.А., Филиппов О.Ю.* Правовое обеспечение применения специальных средств сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2. – С. 32–36.
8. *Ожегов С.И.* Толковый словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 31.05.2025)
9. *Костенников М.В., Куракин М.В.* Принципы организации и деятельности российской полиции // Государство и право. – 2012. – № 7. – С. 31–39.
10. *Мещеряков А.Н.* Человеческое достоинство и его обеспечение в деятельности охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2021. – № 2 (17). – С. 107–115.
11. *Дубанов А.А.* К вопросу о понятии принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина / Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2022 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 221–223.
12. *Лоось А.Е.* Уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина – содержание, проблемы реализации / Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы XVIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 27–28 апреля 2023 г. Часть 1. – Новосибирск: Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета «Золотой колос», 2023. С. 125–128.
13. *Гончаров К.В., Барбин В.В., Киричек Е.В.* Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. И.В. Тончарова. – Москва: Академия управления МВД России, 2014. – 106 с.
14. *Одина Н.В.* Соблюдение прав и свобод человека в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 2. – С. 51–54.

References

1. *Mejer D.I.* Russkoe grazhdanskoe pravo / otv. red. V.S. Em. – 3-e izd., ispr. – Moskva: Statut, 2003. – 831 s.
2. *Buchakova M.A., Dizer O.A.* Duhovnoe i нравственное воспитание sotrudnikov organov vnutrennih del // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2018. – № 3. – S. 34–37.
3. *Alekseev S.S.* Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1996. – 187 s.
4. *Abramov N.* Slovar' russkikh sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij [Elektronnyj resurs] // Slovarei i enciklopedii. – URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov/ (data obrashcheniya: 31.05.2025)
5. *Barbin V.V.* Soblyudeniye i uvazheniye prav i svobod cheloveka i grazhdanina kak osnovopolagayushchij princip deyatel'nosti rossijskoj policii: sodержание i pravovoe zakrepleniye / Soblyudeniye zakonnosti i obespecheniye pravoporyadka v deyatel'nosti organov vnutrennih del: sbornik trudov mezhvuzovskogo nauchnogo seminar, Moskva, 20 aprelya 2011 g. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. S. 9–17.
6. *Pchelincev S.V.* Ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyah osobyh pravovyh rezhimov: metodologiya, teoriya, praktika: dis. ... d-ra jurid. Nauk. – Moskva, 2006. – 545 s.
7. *Grozan E.N., Dizer O.A., Filippov O.Yu.* Pravovoe obespecheniye primeneniya special'nyh sredstv sotrudnikami policii // Nauchnyy vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2015. – № 2. – S. 32–36.
8. *Ozhegov S.I.* Tolkovyy slovar' [Elektronnyj resurs] // Slovarei i enuiklopedii. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashcheniya: 31.05.2025)
9. *Kostennikov M.V., Kurakin M.V.* Principy organizatsii i deyatel'nosti rossijskoj policii // Gosudarstvo i pravo. – 2012. – № 7. – S. 31–39.
10. *Meshcheryakov A.N.* Chelovecheskoe dostoinstvo i ego obespecheniye v deyatel'nosti ohranno-konvojnyh podrazdelenij policii // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2021. – № 2 (17). – S. 107–115.

11. **Dubanov A.A.** K voprosu o ponyatii principa uvazheniya i soblyudeniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina / Yurisprudenciya: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Penza, 15 noyabrya 2022 g. – Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. S. 221–223.

12. **Loos' A.E.** Uvazhenie i soblyudenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina – sodержanie, problemy realizacii / Gumanitarnye i pravovye problemy sovremennoj Rossii: materialy XVIII Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Novosibirsk, 27–28 aprelya 2023 g. Chast' 1. – Novosibirsk: Izdatel'skij centr Novosibirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta «Zolotoj kolos», 2023. S. 125–128.

13. **Goncharov K.B., Barbin B.B., Kirichek E.B.** Obespechenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina v deyatel'nosti organov vnutrennih del: uchebnik / pod red. I.V. Toncharova. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2014. – 106 s.

14. **Odina N.V.** Soblyudenie prav i svobod cheloveka v deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2018. – № 2. – S. 51–54.

(статья сдана в редакцию 06.06.2025)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА ОПРЕДЕЛЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

SOME PROBLEMS WITH THE REVISION OF DEFINITIONS ON REFUSAL TO INITIATE CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

УДК 342.9

М.А. ВЕРБИЦКАЯ,
кандидат юридических наук
(Северо-Кавказский социальный институт,
Россия, Ставрополь)
verbickaya.77@yandex.ru

MARIYA A. VERBITSKAYA,
Candidate of Law
(North Caucasus Social Institute,
Stavropol, Russia)

Аннотация: в статье анализируется закрепленный в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) порядок реализации процессуальной деятельности субъектов административной юрисдикции в связи с пересмотром определений об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях. Для освещения этой проблемной темы анализируются научные труды отечественных правоведов, материалы правоприменительной практики, статистические данные. Изученный материал позволяет констатировать следующее. Предусмотренный в КоАП РФ порядок пересмотра определений об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях не является совершенным. Нормы КоАП РФ четко не определяют круг лиц, наделенных правом такого обжалования (опротестования). Существенные сложности на данном этапе производства обусловлены отсутствием процессуальной фигуры потерпевшего.

В статье приводится позиция Конституционного Суда Российской Федерации, что в случае письменного заявления пострадавшего лица при отсутствии оснований для возбуждения дела об административном правонарушении должно быть вынесено процессуальное решение по правилам ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ. Поддерживается ранее высказанное другим автором предложение о включении в число участников производства по делам об административных правонарушениях лица, выступающего в качестве заявителя. Но при этом акцент делается на необходимости разграничения процессуальных статусов заявителя – пострадавшего, заявителя, пришедшего с повинной, и заявителя – очевидца. Обосновывается необходимость корректировки ряда других положений КоАП РФ.

Ключевые слова: административное правонарушение, отказ в возбуждении дела, пересмотр определения, потерпевший, заявитель.

Для цитирования: Вербицкая М.А. Некоторые проблемы пересмотра определений об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 17–21.

Abstract: the article analyzes the procedure for implementing the procedural activities of subjects of administrative jurisdiction enshrined in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in connection with the revision of the definitions of refusal to initiate cases of administrative offenses. To cover this problematic topic, the scientific works of domestic lawyers, materials of law enforcement practice, and statistical data are analyzed. The studied material allows us to state the following. The procedure for revising the definitions of refusal to initiate cases of administrative offenses provided for in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is not perfect. The norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation do not clearly define the circle of persons vested with the right to such an appeal (protest). Significant difficulties at this stage of production are due to the lack of a procedural figure of the victim. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation is given that in the event of a written statement by the injured person, in the absence of grounds for initiating an administrative offense case, a procedural decision must be made under the rules of Part 5 of Art. 28.1 of the Administrative Code of the Russian Federation.

The proposal made earlier by another author to include such a participant as the applicant among the

participants in the proceedings on administrative offenses is supported. But at the same time, the emphasis is on the need to distinguish between the procedural statuses of the applicant-victim, the applicant who confessed and the applicant-eyewitness. The need to adjust a number of other provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is justified.

Keywords: administrative offense, refusal to initiate proceedings, revision of the definition, victim, applicant.

For citation: Verbitskaya M.A. Some Problems of Revision of Definitions on Refusal to Initiate Cases of Administrative Offenses // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 17–21.

Закрепленный в КоАП РФ порядок реализации процессуальной деятельности субъектов административной юрисдикции не является совершенным, поэтому нормы разд. IV КоАП РФ регулярно корректируются законодателем.

На протяжении пятнадцати лет остается актуальной точка зрения А.П. Шергина о том, что КоАП РФ не создал эффективного механизма защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, вовлеченных в орбиту административно-юрисдикционного процесса [1, с. 3]. В целях защиты своих прав данные участники обжалуют процессуальные решения субъектов административной юрисдикции как в судебном, так и во внесудебном порядке.

Так, в 2024 г. в Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации было рассмотрено 8 274 жалобы и протеста на процессуальные решения субъектов административной юрисдикции (в 2023 г. аналогичный показатель составил 8 878). Причем чаще всего жалобы и протесты подавались на постановления мировых судей¹.

Говоря о фундаментальных характеристиках административно-юрисдикционного процесса, А.П. Шергин предложил пересмотреть и его принципы. В качестве одного из принципов модельной системы административно-юрисдикционного процесса ученым было предложено «право на обжалование решений по делу» [1, с. 4].

Важность института пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях подчеркивается в работах и других ученых. Так, П.П. Серков пишет о том, что нормы гл. 30 КоАП РФ способствуют более активному отстаиванию своих прав участниками производства по делам об административных правонарушениях (имеющими собственные

интересы в производстве). По мнению ученого, публичные интересы выражаются в обеспечении единства правоприменения и минимизации ошибок при применении КоАП РФ [2, с. 155].

Определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении может быть обжаловано в соответствии с ч. 4 ст. 30.1 КоАП РФ по правилам гл. 30 КоАП РФ. Однако, как отмечает И.С. Федотов, нормы КоАП РФ не определяют круг лиц, наделенных правом такого обжалования [3, с. 197], и на соответствующих должностных лиц, по словам А.Ю. Якимова, не возложена обязанность направлять заинтересованным участникам производства копию данного определения [4, с. 6]. По его мнению, при описании статуса потерпевшего не упоминается о праве последнего обжаловать определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении [5, с. 12–13]. Указанный автор в своей более ранней публикации отмечал то обстоятельство, что в КоАП РФ также отсутствуют положения, предусматривающие опротестование указанного определения [6, с. 5]. В данной связи мы абсолютно солидарны с А.Ю. Якимовым и считаем, что прокурор должен иметь такое правомочие.

По мнению М.В. Грачевой, добиваться пересмотра данного определения вправе лицо, в отношении которого оно вынесено [7, с. 18]. В основном это делается для исключения из определения выводов о виновности данного лица.

Приведем выдержку из одного такого определения. На пятом километре автомобильной дороги Ижевское – Светлый, управляя автомобилем «Мазда-6», Л.Е. неправильно выбрала скоростной режим и при возникновении опасности на ее полосе движения, т.е. стоявшего автомобиля «Ауди-100», государственный номер К 315ТР/39, без включенной световой аварийной сигнализации, не справилась с управлением и совершила наезд на данный автомобиль. В жалобе Л.Е. просила исключить из определения выводы о том, что она неправильно выбрала скоростной режим, не справилась с управлени-

¹ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2024 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения 03.05.2025).

ем, совершив наезд на автомобиль «Ауди-100», т.е. о ее виновности в дорожно-транспортном происшествии, поскольку это не соответствует КоАП РФ. Судьей городского суда просьба Л.Е. была удовлетворена².

Когда причиной дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) являются ненадлежащие дорожные условия, то зачастую инспектор Госавтоинспекции в определении об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении включает шаблонную фразу о том, что «водитель нарушил п. 10.1 Правил дорожного движения». Для обеспечения возможности взыскания ущерба с ответственной за содержание дороги организации водители обжалуют такие определения.

Верховный Суд Российской Федерации в таких случаях указывает, что должностное лицо, вынося определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, не вправе разрешать вопрос о виновности водителя в ДТП. В то же время М.В. Грачева говорит о возможности возникновения определенных сложностей на данном этапе производства из-за отсутствия процессуальной фигуры потерпевшего [7, с. 18].

В связи с рассматриваемой проблематикой хотелось бы обратить внимание на такой аспект. Достаточно широко до недавнего времени были распространены случаи, когда лицо, считавшее себя потерпевшим, направляло в соответствующий административный орган заявление об административном правонарушении. Если в полученной информации не было выявлено оснований для возбуждения дела об административном правонарушении, лицу давался простой письменный ответ: не по правилам ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ. Данное обстоятельство сводило на нет перспективу судебного обжалования такого ответа в рамках КоАП РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации признал такую практику порочной и в своем постановлении от 30 марта 2021 г. № 9-П/2021 отметил, что в подобных случаях должно быть вынесено процессуальное решение по правилам ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ, а не просто направлен лицу письменный ответ на его заявление³. И даже

² Исключение из определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении выводов о виновности [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jus39.ru> (дата обращения: 03.05.2025).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.03.2021 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Яковенко» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в случае получения такого ответа он может быть обжалован по правилам гл. 30 КоАП РФ.

Законодательство вне зависимости от выбранного лицом способа устанавливает единый порядок рассмотрения таких жалоб, при котором субъектами административной юрисдикции должно обеспечиваться соблюдение полного комплекса предусмотренных законом прав для всех участников производства. Виды принимаемых субъектами административной юрисдикции решений по результатам рассмотрения жалоб определены в ст. 30.7 КоАП РФ.

Законодатель закрепляет перечень процессуальных прав потерпевшего для отстаивания им своих интересов. Для участия в рассмотрении жалобы на определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении пострадавший (потерпевший) как минимум должен получить копию такого определения и быть надлежащим образом извещен о времени и месте рассмотрения жалобы. Более того, подобный порядок когда-то был закреплен в п. 206 Административного регламента, утвержденного приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 (данный нормативный правовой акт уже не действует).

Вместе с тем, отмечает Н.И. Ефремов, на практике имеется неоднозначность подходов при оценке судами правомерности вынесенных вышестоящими должностными лицами органов власти решений по жалобам на определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении при отсутствии факта извещения потерпевшего. Так, в ходе анализа правоприменительной практики Санкт-Петербургского городского суда им выявлен, в частности, такой подход в связи с рассматриваемым вопросом. Положения ст. 25.2 КоАП РФ не распространяются на пострадавшее лицо, направившее жалобу при отказе в возбуждении дела [8]. Поскольку должностное лицо приняло решение об отказе в возбуждении дела, положения п. 25.2 Кодекса не применяются к потерпевшему. Следовательно, вывод о нарушении вышестоящим должностным лицом прав лица на участие в процессе рассмотрения жалобы является несостоятельным.

Еще один актуальный для нашего времени пример – наезд водителя на неспешившегося самокатчика на пешеходном переходе, в результате которого последний получает вред здоровью (легкий или средней тяжести). Зачастую при совершении такого ДТП потерпевшим признают только самокатчика. Если же водитель пытается заявить о совершенном псевдопешеходом нарушении, повлекшем причинение имущественного вреда его автомобилю, то, как правило, производство по такому делу прекращается в связи с

истечением срока давности. Причем о принятом решении водитель зачастую не уведомляется, так как, по мнению должностных лиц Госавтоинспекции, заявитель в рассматриваемой ситуации не является потерпевшим и на него не распространяются правила ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ⁴. Подобный подход стал возможен благодаря буквальному толкованию судами положений ч. 1 ст. 25.2 КоАП РФ. В соответствии с ней потерпевшим является лицо, которому административным правонарушением причинен вред. Следовательно, поскольку в рассматриваемых случаях состав административного правонарушения отсутствует, лицо не приобретает статус потерпевшего.

Согласился с мнением Н.И. Ефремова, что такая позиция представляется спорной, так как ст. 30.1 КоАП РФ четко предусматривает круг лиц, которым закон предоставляет право на обжалование процессуального решения. При этом законодательство не устанавливает какой-либо возможности выборочной передачи прав лицу, наделенному процессуальным статусом потерпевшего, на подачу жалобы без наделения его всей совокупностью прав, предусмотренных законом [8]. Подобный отказ в признании процессуальных прав пострадавшего лица, не согласного с вынесенным отказом в возбуждении дела, ограничивает его возможности защитить свои интересы и противоречит задачам производства. Хотя это определение, по всей видимости, законно, существует вероятность ошибки правоприменения, поэтому у пострадавшего лица должна быть возможность заявить о пересмотре данного процессуального решения. В своей публикации К.М. Кочедыкова также затрагивала вопросы недостаточно точного определения правового статуса потерпевшего на стадии пересмотра определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и высказывала предложение относительно введения в круг участников производства по делу такого лица, как заявитель, а также предлагала авторскую дефиницию и перечень процессуальных прав нового участника [9, с. 68].

⁴ Суд не усмотрел противоречий в порядке обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 03.05.2025)

Считаем данное предложение заслуживающим внимания, но требующим более глубокой проработки. К тому же в науке уголовно-процессуального права также высказывается аналогичная инициатива. Обсуждая содержание проекта доклада федерального омбудсмена за 2024 г., председатель Комиссии Совета Федерации палаты адвокатов Российской Федерации по защите прав адвокатов Генри Резник отметил, что он расценивает как большое достижение разработку законопроекта о введении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации фигуры «заявителя о преступлении». По его мнению, это предоставляет возможность человеку, который считает, что он пострадал от преступления, активно отстаивать свои права. Евгений Потапов, помощник депутата Юрия Синельщикова, сообщил, что в Государственной Думе России поддерживают данную инициативу. Он указал на то, что права заявителя на данный момент недостаточно прописаны, закреплены и требуют в этом направлении работы⁵. Согласился с точкой зрения Ю.А. Морозовой о том, что в роли заявителя может быть не только пострадавший, но и очевидец, и лицо, явившееся с повинной, а процессуальное положение заявителя нуждается в самостоятельной регламентации с учетом данного функционала [10, с. 26].

В заключение считаем нужным сформулировать ряд выводов и предложений. Проведенный анализ подтверждает необходимость оптимизации порядка процессуальной деятельности субъектов административной юрисдикции на стадии пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях. Так, следует четко определить круг лиц, которые вправе обжаловать определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, и наделить прокурора правом приносить протест на данное определение. Кроме того, предлагается предусмотреть нового участника производства по делам об административных правонарушениях – заявителя.

⁵ Эксперты обсудили проект Доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 03.05.2025).

Литература

1. **Шергин А.П.** Процессуальная составляющая правового регулирования административной ответственности // Административное право и процесс. – 2010. – № 3. – С. 3–7.
2. **Серков П.П.** Рассмотрение дел об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: научно-практическое пособие. – Москва: Норма, 2009. – 304 с.
3. **Федотов И.С.** Актуальные вопросы правоприменения отдельных норм главы 30 КоАП РФ о пересмотре постановлений по делам об административных правонарушениях // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2015. – № 1. – С. 191–207.

4. **Якимов А.Ю.** Обжалование и опротестование решений, принимаемых в рамках производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. – 2012. – № 12. – С. 5–11.
5. **Якимов А.Ю.** Оптимизация статусов участников производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. – 2024. – № 4. – С. 11–16.
6. **Якимов А.Ю.** Решения, принимаемые в рамках производства по делам об административных правонарушениях, которые могут быть обжалованы и опротестованы // Административное право и процесс. – 2012. – № 6. – С. 2–7.
7. **Грачева М.В.** Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 235 с.
8. **Ефремов Н.И.** Некоторые вопросы реализации потерпевшим права на участие в рассмотрении жалобы на определение по делу об административном правонарушении [Электронный ресурс] // Бизнес и общество. – 2024. – № 3 (43). – URL: <http://business-society.ru> (дата обращения: 03.05.2025).
9. **Кочедыкова К.М.** К вопросу об оспаривании процессуальных актов, принимаемых при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях // Вестник экономики, управления и права. – 2018. – № 1 (42). – С. 66–69.
10. **Морозова Ю.А.** Заявитель о преступлении в уголовно-процессуальном праве России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2024. – Т. 24. – № 4. – С. 25–32.

References

---

1. **Shergin A.P.** Processual'naya sostavlyayushchaya pravovogo regulirovaniya administrativnoj otvetstvennosti // Administrativnoe pravo i process. – 2010. – № 3. – С. 3–7.
2. **Serkov P.P.** Rassmotrenie del ob administrativnyh pravonarusheniyah v sudah obshchej yurisdikcii: nauchno-prakticheskoe posobie. – Moskva: Norma, 2009. – 304 s.
3. **Fedotov I.S.** Aktual'nye voprosy pravoprimeneniya otdel'nyh norm glavy 30 KoAP RF o peresmotre postanovlenij po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. – 2015. – № 1. – С. 191–207.
4. **Yakimov A.Yu.** Obzhalovanie i oprotestovanie reshenij, prinimaemyh v ramkah proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe pravo i process. – 2012. – № 12. – С. 5–11.
5. **Yakimov A.Yu.** Optimizaciya statusov uchastnikov proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe pravo i process. – 2024. – № 4. – С. 11–16.
6. **Yakimov A.Yu.** Resheniya, prinimaemye v ramkah proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, kotorye mogut byt' obzhalovany i oprotestovany // Administrativnoe pravo i process. – 2012. – № 6. – С. 2–7.
7. **Gracheva M.V.** Peresmotr postanovlenij i reshenij po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v sudah obshchej yurisdikcii: voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2013. – 235 s.
8. **Efremov N.I.** Nekotorye voprosy realizacii poterpevshim prava na uchastie v rassmotrenii zhaloby na opredelenie po delu ob administrativnom pravonarushenii [Elektronnyj resurs] // Biznes i obshchestvo. – 2024. – № 3 (43). – URL: <http://business-society.ru> (data obrashcheniya: 03.05.2025).
9. **Kochedykova K.M.** K voprosu ob osparivanii processual'nyh aktov, prinimaemyh pri osushchestvlenii proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. – 2018. – № 1 (42). – С. 66–69.
10. **Morozova Yu. A.** Zayavitel' o prestuplenii v ugovovno-processual'nom prave Rossii // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. – 2024. – Т. 24. – № 4. – С. 25–32.

(статья сдана в редакцию 22.05.2025)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ
В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****ORGANISATION OF EXPERT EXAMINATIONS
IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: HISTORICAL AND
LEGAL ASPECT**

УДК 342.9

А.В. КОРЕПИНА,
кандидат юридических наук, доцент
(Северо-Западный институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, Вологда)
annakorepina_mgua35@mail.ru

ANNA V. KOREPINA,
Candidat of Law, Associate Professor
(North-Western institute (branch) of Kutafin
Moscow State Law University (MSAL),
Vologda, Russia)

Аннотация: в статье проведено научное исследование общественных отношений, которые складывались в процессе становления правового института экспертизы в сфере охраны интеллектуальной собственности в России. Предметом исследования послужили положения правовых актов дореволюционного и советского периодов, регламентирующие порядок проведения экспертизы результатов интеллектуальной деятельности. Целью исследования стало выявление особенностей административно-правового регулирования отношений, связанных с организацией и проведением экспертиз результатов интеллектуальной деятельности, в историческом аспекте, а также выявление проблем становления и развития данного правового института в публично-правовой плоскости. Особую роль в получении научного результата сыграли как формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование дореволюционных и советских правовых актов, содержащих положения об экспертизе, выявить взаимосвязь законодательных изменений с совершенствованием организации государственного управления в сфере охраны интеллектуальной собственности, так и сравнительно-правовой метод, показавший различия в способах организации проведения экспертизы на разных этапах исторического развития. На основе проведенного анализа автором обоснованы основные закономерности развития института экспертизы результатов интеллектуальной деятельности: 1) зависимость целевого приоритета данного правового института от административно-правовой организации государственного управления в сфере патентного права на разных этапах его исторического развития; 2) формирование экспертизы как комплексного правового института, значимую часть которого составляют административно-правовые нормы, регламентирующие административную процедуру и определяющие реализацию функций и полномочий органов государственного управления; 3) непосредственная связь процесса совершенствования структуры и способов организационного обеспечения проведения экспертизы с развитием данного правового института и постепенной централизацией экспертных функций в специализированном государственном органе.

Ключевые слова: экспертиза, охрана интеллектуальной собственности, результаты интеллектуальной деятельности, административно-правовая организация государственного управления, комплексный правовой институт, дореволюционный период, советский период.

Для цитирования: Корепина А.В. Организация проведения экспертиз в сфере интеллектуальной собственности: историко-правовой аспект // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 22–29.

Abstract: the article is a scientific study of social relations that were formed in the process of formation of the legal institute of expertise in the field of intellectual property protection in Russia. The subject of the study was the provisions of legal acts of the pre-revolutionary and soviet periods, regulating the procedure of expert examination of the results of intellectual activity. The purpose of the study was to identify the peculiarities of administrative and legal regulation of relations related to the organisation and conduct

of expert examinations of the results of intellectual activity in the historical aspect, as well as to identify the problems of formation and development of this legal institution in the public-law plane. A special role in receiving scientific results was played by the formal-legal method, which made it possible to analyse and interpret pre-revolutionary and soviet legal acts containing provisions on expertise, to identify the relationship of legislative changes with the improvement of the organisation of public administration in the field of intellectual property protection, as well as the comparative-legal method, which showed the differences in the ways of organising expertise at different stages of historical development. On the basis of the conducted analysis the author substantiates the main regularities of the development of the institute of expertise of the results of intellectual activity: 1) dependence of the target priority of this legal institute on the administrative-legal organisation public administration in the field of patent law at different stages of its historical development; 2) the formation of expertise as a complex legal institute, a significant part of which consists of administrative and legal norms regulating the administrative procedure, within the framework of which the functions and powers of public administration bodies are implemented; 3) the direct connection of the process of improving the structure and methods of organisational support of expert examination with the development of this legal institute and the gradual centralisation of expert functions in a specialised state body.

Keywords: expertise, intellectual property protection, results of intellectual activity, administrative-legal organisation of public administration, complex legal institute, pre-revolutionary period, soviet period.

For citation: Korepina A.V. Organisation of expert examinations in the field of intellectual property: historical and legal aspect // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 22–29.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием комплексного подхода к изучению отношений, составляющих предмет регулирования норм правового института экспертизы в сфере охраны интеллектуальной собственности. Обозначенная проблема носит межотраслевой характер и затрагивает вопросы как частного, так и публичного права. Законодательная основа данного правового института заложена в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации¹, согласно которому исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации признается и охраняется государством только при условии их государственной регистрации после проведения соответствующих экспертиз. Тем самым экспертиза определяется в качестве обязательного этапа административной процедуры, которая придает отношениям, связанным с организацией ее проведения, административно-правовой характер. Однако данный аспект реализации института экспертизы результатов интеллектуальной деятельности остается малоизученным в науке. Видится, что такая ситуация является отражением более общей проблемы недостаточности работ, посвященных ведомственным способам охраны объектов интеллектуальной собственности, на что обоснованно обращает свое внимание С.А. Агамагомедова [1, с. 17]. Вместе с тем, как отмечает М.И. Скоков, «правовая обеспеченность участ-

ников интеллектуальной деятельности предполагает наличие эффективного юридического механизма, оформляющего отношения его субъектов как с другими экономически обособленными участниками рынка, в основе поведения которых лежит законодательно предписанная диспозитивная модель поведения (отношения юридического равенства), так и с органами власти, в компетенцию которых входят действия в отношении субъектов инновационного предпринимательства по разрешению, содействию, ресурсообеспечению, контролю (субординационные властеотношения)» [2, с. 83–84].

В этой связи весьма интересным представляется изучение процесса административно-правового регулирования отношений, связанных с организацией и проведением экспертиз результатов интеллектуальной деятельности, в историческом аспекте, выявление проблем становления и развития данного правового института в публично-правовой плоскости.

Дореволюционный этап организации проведения экспертиз в сфере охраны интеллектуальной собственности в России. Комплексным правовой институт экспертизы в сфере патентного права был с самого своего зарождения. В дореволюционной России его формирование связывают с принятием в XIX в. нормативных правовых актов в сфере патентного права, которыми определялся порядок выдачи «привилегии» на изобретение, являющейся его «охранным документом» [3, с. 124]. При этом указанное наименование сохранилось вплоть до 1917 г. [4, с. 83].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

Одним из первых нормативных актов, регламентирующих процедуру удостоверения права на результаты интеллектуальной деятельности, стал Высочайший Манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» от 17 июня 1812 г.² Он закрепил обязательные требования к прошению о выдаче привилегии. Процедура подтверждения права на изобретения включала обязанность уполномоченных на то государственных органов провести оценку его полезности и новизны. Несмотря на то что привилегии выдавались министерствами, формально они имели статус закона, так как порядок удостоверения права предусматривал обязательное рассмотрение привилегии Государственным советом и утверждение решением императора [5, с. 341].

В системе административного управления первоначально экспертные функции были возложены на Министерство внутренних дел, в структуре которого создавались департаменты, занимающиеся вопросами рассмотрения и выдачи привилегий. Одним из них был Департамент мануфактур и внутренней торговли, переданный в 1819 г. Министерству финансов³. При этом за Министерством внутренних дел остались вопросы выдачи привилегий в области сельского хозяйства, закрепленные за Департаментом государственного хозяйства и публичных зданий. Но и они в 1837 г. были переданы Министерству государственных имуществ, в котором вопросами «усовершенствования» и выдачи привилегий в сельском хозяйстве занимался Третий Департамент⁴.

Окончательно вопрос об административно-правовой организации предоставления привилегий был решен с принятием 30 марта 1870 г. Высочайшего утвержденного мнения Государственного совета «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения»⁵, который отме-

нил процедуру направления дел по привилегиям в Государственный совет. С тех пор закрепились ведомственная система проведения оценки объектов интеллектуальной собственности, а «выдача привилегий из законодательной функции превратилась в подзаконную деятельность административного органа», как отмечал дореволюционный правовед А.А. Пиленко [6, с. 171].

Правовое оформление экспертной деятельности в сфере патентного права произошло с принятием Положения о привилегиях на изобретения 20 мая 1896 г.⁶ В научной литературе его оценивают как документ, который закрепил основные элементы современной патентной системы и определил процедуру проведения «содержательной экспертизы изобретений на новизну» [7, с. 9].

Функции по выдаче привилегий были возложены на Комитет по техническим делам, созданный при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов. Эксперты приглашались председателем Комитета из лиц с высшим и преимущественно техническим образованием. Они участвовали в предварительном рассмотрении дел о привилегиях с правом голоса наравне с постоянными членами Комитета. Положение закрепляло форму акта, отражающего результаты оценки изобретения членом Комитета по техническим делам или экспертом. Окончательное рассмотрение заявок и обсуждение заключений экспертов осуществлялось в отраслевых отделах [8, с. 7]. Положением была предусмотрена возможность участия экспертов в процедуре рассмотрения Департаментом торговли и мануфактур жалоб на определения отдела Комитета, принятых по делу о привилегиях. Было установлено, что жалобы вместе с делом о привилегии передаются на заключение экспертов, не принимавших участие в предварительном рассмотрении данного дела. При этом при рассмотрении жалобы в общем присутствии Комитета последние могли принимать участие с правом совещательного голоса.

Советский этап организации проведения экспертиз в сфере охраны интеллектуальной собственности. Формирование института экспертизы в послереволюционный период связано с принятием первых законодательных актов советской власти. Декретом Совета Народных комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) от 30 июня 1919 г. «Об изобре-

² Высочайший Манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» от 17.06.1812 // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание первое. – Т. XXXII. – С. 355–356.

³ Именной указ от 04.11.1819, данный Сенату «О присоединении Министерства полиции к Министерству внутренних дел» // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание первое. – Т. XXXVI. – С. 367–368.

⁴ Указ № 10834 от 26.12.1837 «Высочайше утвержденное учреждение Министерства государственных имуществ» // Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание второе. – Т. XII. – С. 1049–1050.

⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 30.03.1870 «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения» // Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание второе. – Т. XLV. – С. 339–340.

⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 20.05.1896 «Об утверждении Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования и штата Комитета по техническим делам при Департаменте торговли и мануфактур» // Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание третье. – Т. XVI. – С. 453–458.

ниях (Положение)»⁷ все законы и положения о привилегиях на изобретения были отменены. Дела об изобретениях было поручено рассматривать Комитету по делам изобретений при научно-техническом отделе Высшего совета народного хозяйства. Изобретение, признанное полезным Комитетом, могло быть объявлено постановлением Президиума Высшего совета народного хозяйства достоянием РСФСР. Как отмечал в свое время С.И. Раевич, советское право в основном восприняло дореволюционную систему удостоверения права на получение патента, характеризуемую им как «проверочную», предполагающую установление не только «формальных, но и материальных условий», требуемых для получения патента [9, с. 80–81]. Проверочный способ определения новизны изобретения и на сегодняшний день признается наиболее прогрессивным методом оценки его патентоспособности [10, с. 89].

Декрет СНК РСФСР от 30 июня 1919 г. утратил свою силу на основании Декрета СНК РСФСР от 29 ноября 1924 г.⁸ в связи с изданием постановления Центрального исполнительного комитета СССР (далее – ЦИК СССР), СНК СССР от 12 сентября 1924 г. «О введении в действие Постановления о патентах на изобретения»⁹. В качестве патентного ведомства выступал Комитет по делам изобретений при Высшем Совете народного хозяйства Союза ССР¹⁰. Для предварительного рассмотрения заявок об изобретениях в составе патентного отдела Комитета был организован подотдел предварительной экспертизы, а для окончательного разрешения вопросов о новизне изобретений – подотдел определения новизны, в состав которого входили секции по разным отраслям техники.

Постановление закрепляло полномочия экспертов по взаимодействию с изобретателями посредством ведения «официальной переписки, личных с ними объяснений, а также в подлежащих случаях путем опроса свидетелей,

производства опытной проверки изобретения за счет изобретателя или иными целесообразными мерами», определяло сроки такого взаимодействия. В качестве предмета экспертизы были определены патентная способность и новизна изобретения, которая устанавливалась с помощью общетехнической литературы. Иностранная патентная литература принималась во внимание только по мере возможности. Признание экспертом возможным выдачу патента являлось основанием вынесения Комитетом постановления об опубликовании заявки. В течение трех месяцев после опубликования заявки заинтересованные лица могли заявлять протест против выдачи патента. Предусматривалась процедура обжалования постановления о выдаче или отказе в выдаче патента, которая включала проведение экспертизы лицом, не производившим первоначальной экспертизы заявки.

Содействие государственным органам в проведении технических экспертиз и оценке изобретений оказывало бюро, созданное в составе научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства Союза ССР¹¹.

Постановлением ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 256 от 9 апреля 1931 г.¹² был образован Комитет по изобретательству при Совете труда и обороны СССР (далее – СТО СССР), при нем состояло бюро новизны: оно производя экспертизу новизны изобретений, обязано было обращать внимание на те изобретения, которые могут иметь крупное значение для народного хозяйства СССР. При проведении экспертизы должны были быть учтены ранее выданные авторские свидетельства и патенты, советские и досоветские, и ранее сделанные заявки, имеющаяся в распоряжении бюро новизны иностранная литература, техническая литература, изданная в пределах СССР, а также иностранная литература, доступная экспертам. Срок проведения экспертизы определялся в порядке очередности заявок и заканчивался не позже шести месяцев со дня заявки.

С середины 30-х годов при центральных органах исполнительной власти начали создаваться экспертные бюро, которые проводили

⁷ Декрет СНК РСФСР от 30.06.1919 «Об изобретениях (Положение)» // Известия ВЦИК. – 1919. – № 144.

⁸ Декрет СНК РСФСР от 29.11.1924 «Об утверждении списка потерявших силу декретов и постановлений, отмененных с изданием постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза С.С.Р. от 12.09.1924 «О введении в действие Постановления о патентах на изобретения и декрета о промышленных образцах» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1924. – № 280.

⁹ Постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 12.09.1924 «О введении в действие Постановления о патентах на изобретения» // Известия ЦИК СССР. – 1924. – № 214.

¹⁰ Постановление Совета Труда и Обороны СССР от 03.12.1924 «Положение о Комитете по делам изобретений» // Собрание законов СССР. – 1926. – № 13. – Ст. 94.

¹¹ Постановление СТО СССР от 20.07.1925 «Об утверждении Инструкции о порядке приобретения патентов и лицензий на изобретения государственными учреждениями и предприятиями» // Собрание законов – 1925. – № 50. – Ст. 378.

¹² Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях (утв. постановлениями от 09.04.1931 ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 256) // Собрание законов СССР. – 1931. – № 21. – Ст. 181.

экспертизы отраслевого характера¹³. В научной литературе отмечается, что такое «распределение экспертизы по народным комиссариатам отрицательно сказалось на ее качестве, так как произошло рассеивание сил экспертов, что в ряде случаев приводило к дублированию в их работе, а иногда и к выдаче параллельных охранных документов» [11, с. 35]. Поэтому на основании Постановления СНК СССР от 5 марта 1941 г. № 448¹⁴ экспертиза на новизну заявок наркоматов, поступающих на предмет получения авторского свидетельства или патента, была возложена на Бюро экспертизы и регистрации изобретений (далее – Бюро изобретений) Госплана при Совнаркоме СССР.

После окончания Великой Отечественной войны была возобновлена работа Комитета по изобретениям и открытиям при Совете Министров СССР. На него были возложены задачи по организации экспертизы изобретений и открытий¹⁵. Министерством и ведомствам было поручено передавать ему все материалы, относящиеся к приему и рассмотрению заявок, производству экспертиз, выдаче авторских свидетельств и патентов и патентованию изобретений за границей.

Таким образом, экспертная деятельность по определению полезности и новизны изобретений на тот момент осуществлялась по

отраслевому принципу¹⁶. Так, например, постановлением Советом Министров СССР (далее – Совмин СССР) от 5 февраля 1955 г. № 189¹⁷ на Главное управление гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР были возложены функции по принятию и рассмотрению заявки на изобретения и усовершенствования в области метеорологии, аэрологии, гидрологии, агрометеорологии, морской гидрометеорологии и земного магнетизма и проведение экспертизы на полезность и новизну изобретений в данных сферах.

Комитету по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР предоставлялось право назначать в необходимых случаях экспертов из числа ведущих специалистов совнархозов, министерств, ведомств, проектно-конструкторских и научно-исследовательских и других организаций и предприятий по согласованию с ними для экспертизы изобретений и открытий, а в отдельных случаях – для рассмотрения жалоб изобретателей, а также получать от предприятий и организаций документацию и другие данные, необходимые для осуществления мероприятий по проведению патентной экспертизы машин, оборудования и технической документации, поставляемых в зарубежные страны. Для экспертизы важнейших изобретений и открытий, рассмотрения вопросов методологии и практики изобретательского дела, а также для рассмотрения в особых случаях вопросов, связанных с жалобами изобретателей, при Комитете был создан Экспертный совет.

С образованием Всесоюзного научно-исследовательского института государственной

¹³ См.: постановление СНК СССР от 25.05.1939 № 748 «О структуре Народного Комиссариата Морского Флота СССР» // Собрание постановлений СССР. – 1939. – № 35. – Ст. 240; постановление СНК РСФСР от 09.06.1939 № 284 «Об утверждении Положений о Народном Комиссариате Коммунального Хозяйства РСФСР, краевом (областном) отделе и городском отделе коммунального хозяйства» // СП РСФСР. – 1940. – № 2. – Ст. 2; постановление СНК РСФСР от 17.01.1940 № 19 «Об утверждении Положения и структуры Народного Комиссариата Земледелия РСФСР» // Собрание постановлений РСФСР. – 1940. – № 8. – Ст. 24; постановление СНК СССР от 10.05.1940 № 718 «Об организационной структуре Народного Комиссариата Электростанций» // Собрание постановлений СССР. – 1940. – № 12. – Ст. 288; постановление СНК СССР от 01.07.1940 № 1117 «Об организационной структуре Народного Комиссариата Здравоохранения СССР» // Собрание постановлений СССР. – 1940. – № 19. – Ст. 468; постановление СНК СССР от 25.01.1941 № 189 «О структуре и штатах Главного Управления Северного Морского Пути при Совнаркоме СССР» // Собрание постановлений СССР. – 1941. – № 4. – Ст. 76.

¹⁴ Постановление СНК СССР от 05.03.1941 № 448 «Об утверждении Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях и о порядке финансирования затрат по изобретательству, техническим усовершенствованиям и рационализаторским предложениям» // Собрание постановлений СССР. – 1941. – № 9. – Ст. 150.

¹⁵ См.: постановление Совмина СССР от 14.03.1947 № 525 «О Комитете по изобретениям и открытиям при Совете Министров СССР» // Известия. – 1947. – № 103; постановление Совмина СССР от 22.07.1960 № 766 «Об утверждении Положения о Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР и структуры Комитета» // Собрание постановлений СССР. – 1960. – № 13. – Ст. 104.

¹⁶ См.: постановление Совмина СССР от 29.09.1951 № 3682 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения СССР»; постановление Совмина СССР от 04.08.1953 № 2068 «Об утверждении Положения о Министерстве морского и речного флота»; постановление Совмина СССР от 12.01.1955 № 54 «Об утверждении Положения о Министерстве транспортного строительства»; постановление Совмина СССР от 14.05.1956 № 621 «Об утверждении Положения о Министерстве приборостроения и средств автоматизации»; постановление Совмина РСФСР от 23.02.1957 № 63 «Об утверждении Положения о Министерстве промышленности мясных и молочных продуктов РСФСР»; постановление Совмина СССР от 19.08.1958 № 939 «Об утверждении Положения о Министерстве электростанций»; Постановление Совмина СССР от 13.08.1962 № 828 «Об утверждении Положения о Министерстве геологии и охраны недр СССР»; Постановление Совмина СССР от 21.07.1965 № 572 «Об утверждении Положения о Министерстве гражданской авиации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Совмина СССР от 05.02.1955 № 189 «Об утверждении Положения о Главном управлении гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

патентной экспертизы (далее – ВНИИГПЭ) связана обязанность Комитета по делам изобретений и открытий направлять изобретения для заключения только после проведения их предварительной экспертизы на новизну в данном учреждении¹⁸. В этих целях Комитету было предоставлено право принимать высококвалифицированных специалистов научно-исследовательских, проектно-конструкторских и проектно-технологических организаций, высших учебных заведений и предприятий на работу по совместительству в качестве патентных экспертов ВНИИГПЭ¹⁹.

Новое Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденное постановлением Совмина СССР от 21 августа 1973 г. № 584²⁰, закрепило два вида экспертизы: предварительную (проверку соблюдения требований, предъявляемых к заявке) и государственную научно-техническую (проверку соблюдения требований, предъявляемых к изобретению). Устанавливались сроки их проведения: для первой – 15-дневный срок; для второй – не превышающий 6 месяцев со дня поступления заявки на выдачу авторского свидетельства или патента в Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий.

Методы организации экспертизы результатов интеллектуальной деятельности постоянно совершенствовались, были созданы специализированные советы и введены должности, предназначенные для ее проведения. Так, постановлением Совмина СССР от 19 октября 1976 г. № 852²¹ в Государственном комитете СССР по делам изобретений и открытий были созданы научно-технический совет для рассмотрения предложений по вопросам методологии патентной экспертизы, который состоял из видных ученых, высококвалифицированных специалистов, представителей министерств и ведомств, новаторов производства, а также из

представителей Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, научно-технических обществ и других организаций; контрольный совет научно-технической экспертизы для рассмотрения жалоб и протестов заявителей на решения государственной научно-технической экспертизы и других вопросов, связанных с экспертизой заявок на изобретения.

Среди должностей, учреждаемых для проведения экспертиз, выделялись такие, как старший научный сотрудник в научно-исследовательских учреждениях, конструкторских, технологических, проектных, изыскательских организациях и вычислительных центрах, принимающий участие в экспертизе и рецензировании научных работ, публикаций и изобретений²², инженер по рационализации и изобретательству, принимающий участие в экспертизе рационализаторских предложений и изобретений²³, и др.

Заключение. Таким образом, институт экспертизы объектов интеллектуальной собственности с момента создания в России занимал особое место среди мер, обеспечивающих соблюдение прав участников правоотношений, возникающих по поводу использования результатов интеллектуальной деятельности. Анализ положений дореволюционных и советских правовых актов, регламентирующих вопросы административно-правовой организации проведения экспертизы, позволил выделить основные закономерности формирования и развития данного правового института:

1. Центральная роль в формировании института экспертизы результатов интеллектуальной деятельности принадлежит государству. Его становление осуществлялось в рамках административно-правовой организации государственного управления в сфере охраны интеллектуальной собственности. Именно поэтому в зависимости от этапов исторического развития менялся целевой приоритет данного правового института. В дореволюционный период он был направлен на защиту частного интереса изобретателя, а в советский период – публичного интереса, связанного с поддержкой государством тех изобре-

¹⁸ Постановление Совмина СССР от 02.10.1962 № 1018 «О дополнении пункта 37 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» // Собрание постановлений СССР. – 1962. – № 18. – Ст. 147.

¹⁹ Постановление Совмина СССР от 19.05.1967 № 449 «О мерах по улучшению патентно-лицензионной работы в стране» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Постановление Совмина СССР от 21.08.1973 № 584 «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Постановление Совмина СССР от 19.10.1976 № 852 «Об утверждении Положения о Государственном комитете Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий» // Собрание постановлений СССР. – 1976. – № 23. – Ст. 118.

²² Постановление Госкомтруда СССР от 08.02.1978 № 38 «Об утверждении III части Квалификационного справочника должностей служащих «Должности работников, занятых в научно-исследовательских учреждениях, конструкторских, технологических, проектных, изыскательских организациях и вычислительных центрах»» // Бюллетень Госкомтруда СССР. – 1978. – № 5 (6).

²³ Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 13.01.1982 № 12/2-21 «Об утверждении квалификационных характеристик должностей инженеров, экономистов и техников, занятых в угольной (сланцевой) промышленности и шахтном строительстве» // Бюллетень Госкомтруда СССР. – 1982. – № 6 (7).

тений, которые были полезны и имели значение для народного хозяйства СССР. Современными учеными такое «превалирование публичных начал» в советский период оценивается критически и рассматривается как один из факторов, повлиявших на недостаточный уровень охраны результатов интеллектуальной деятельности [12, с. 142].

2. Правовой институт экспертизы объектов интеллектуальной собственности формировался как комплексный: с одной стороны, он выступал мерой, направленной на соблюдение прав участников гражданских правоотношений, возникающих по поводу использования результатов интеллектуальной деятельности, с другой стороны, представлял собой обязательную административную процедуру, в рамках которой реализуются функции и полномочия органов государственного управления. Таковым институт экспертизы результатов интеллектуальной деятельности является и сейчас. В современной науке гражданского права принято утверждать, что единственным обязательным условием охраноспособности объекта интеллектуальной собственности является выражение его в соот-

ветствующей форме, определенной законодателем для данного вида объекта [13, с. 20]. Одной из таких форм выступает государственная регистрационная система, формируемая для обеспечения защиты интеллектуальной собственности [14, с. 11], предполагающая «выполнение ряда формальностей», в том числе проведение экспертизы [15, с. 43].

3. На всех этапах формирования института экспертизы результатов интеллектуальной деятельности присутствовала ведомственная система оценки объектов интеллектуальной собственности, которая являлась обязательным элементом процедуры выдачи «охранного документа», имеющего юридическое значение для участников гражданского оборота. Поэтому развитие института экспертизы результатов интеллектуальной деятельности непосредственно было связано с совершенствованием структуры, способов организационного обеспечения ее проведения и постепенной централизацией экспертных функций в специализированном органе государственного управления, что способствовало оптимизации и улучшению качества оценки объектов интеллектуальной собственности.

Литература

1. **Агамагомедова С.А.** Система административно-правовой защиты интеллектуальных прав: монография. – Москва: Инфра-М, 2014. – 270 с.
2. **Скоков М.И.** Интеллектуальная собственность как объект административно-правовой охраны // *Философия права*. – 2010. – № 6 (43). – С. 80–84.
3. **Халепа Е.А.** Опыт документирования деятельности по обеспечению защиты интеллектуальной собственности в Московском предпринимательстве в XIX – начале XX в. // *История и архивы*. – 2015. – № 12 (155). – С. 123–131.
4. **Лиджиева К.В.** История становления и развития дореволюционного патентного права в России // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 83–88.
5. **Ревинский Д.О.** Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) // *Экономическая история: ежегодник*. – 2002. – Т. 2001. – С. 339–376.
6. **Пиленко А.А.** Право изобретателя: привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве: историко-догматическое исследование. Том 1–2: Кн. 1. Очерк истории привилегий на изобретения (в связи с эволюцией доктрины). Кн. 2. Право на патент. – Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1902. – 495 с.
7. *Интеллектуальная собственность: монография / А.В. Филиппенко, К.А. Филиппенко, В.С. Филиппенко [и др.]; под ред. д-ра техн. наук, проф. А.М. Попова*. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2024. – 224 с.
8. **Леонтьев Б.Б., Мамаджанов Х.А.** Возникновение и развитие интеллектуальной собственности (исторический экскурс) // *Вопросы оценки*. – 2008. – № 3. – С. 2–8.
9. **Раевич С.И.** Исключительные права: право на товарные знаки, промышленные образцы, изобретения, авторское право. – Ленинград: Государственное издательство, 1926. – 137 с.
10. **Щербачева Л.В.** Гражданско-правовая регламентация интеллектуальной собственности в России на современном этапе: монография. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. – 143 с.
11. **Колесников А.П.** К истории организации экспертизы изобретений (к 190-летию образования Мануфактурного совета – первого в России экспертного органа). – Москва: ФИПС, 2018. – 66 с.
12. **Тюнин М.В.** Особенности правового регулирования интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022. – 166 с.
13. **Кондратьева Е.А.** Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. – Москва: Статут, 2014. – 160 с.
14. **Герасимов К.Б., Шиханова Е.Г., Шкодина Е.С.** Управление инновациями и интеллектуальной собственностью: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 226 с.
15. *Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сборник статей / под ред. В.А. Дозорцева*. – Москва: Статут, 2003. – 416 с.

References

---

1. **Agamagomedova S.A.** Sistema administrativno-pravovoj zashchity intellektual'nyh prav: monografiya. – Moskva: Infra-M, 2014. – 270 s.
2. **Skokov M.I.** Intellektual'naya sobstvennost' kak ob»ekt administrativno-pravovoj ohrany // Filosofiya prava. – 2010. – № 6 (43). – S. 80–84.
3. **Halepa E.A.** Opyt dokumentirovaniya deyatel'nosti po obespecheniyu zashchity intellektual'noj sobstvennosti v Moskovskom predprinimatel'stve v XIX – nachale XX v. // Istoriya i arhivy. – 2015. – № 12 (155). – S. 123–131.
4. **Lidzheeva K.V.** Istoriya stanovleniya i razvitiya dorevolyucionnogo patentnogo prava v Rossii // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. – 2011. – T. 4. – № 2. – S. 83–88.
5. **Revinskij D.O.** Patentovanie izobretenij v Rossii (1812–1870 gg.) // Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. – 2002. – T. 2001. – S. 339–376.
6. **Pilenko A.A.** Pravo izobretatelya: privilegii na izobreteniya i ih zashchita v russskom i mezhdunarodnom prave: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. Tom 1–2: Kn. 1. Ocherk istorii privilegij na izobreteniya (v svyazi s evolyucieyu doktriny). Kn. 2. Pravo na patent. – Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1902. – 495 s.
7. Intellektual'naya sobstvennost': monografiya / A.V. Filippenko, K.A. Filippenko, V.S. Filippenko [i dr.]; pod red. d-ra tekhn. nauk, prof. A.M. Popova. – 2-e izd., dop. i pererab. – Moskva; Vologda: Infra-Inzheneriya, 2024. – 224 s.
8. **Leont'ev B.B., Mamadzhanov H.A.** Vozniknovenie i razvitie intellektual'noj sobstvennosti (istoricheskij ekskurs) // Voprosy ocenki. – 2008. – № 3. – S. 2–8.
9. **Raevich S.I.** Isklyuchitel'nye prava: pravo na tovarnye znaki, promyshlennye obrazcy, izobreteniya, avtorskoe pravo. – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. – 137 s.
10. **Shcherbacheva L.V.** Grazhdansko-pravovaya reglamentaciya intellektual'noj sobstvennosti v Rossii na sovremennom etape: monografiya. – Moskva: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2017. – 143 s.
11. **Kolesnikov A.P.** K istorii organizacii ekspertizy izobretenij (k 190-letiyu obrazovaniya Manufakturnogo soveta – pervogo v Rossii ekspertnogo organa). – Moskva: FIPS, 2018. – 66 s.
12. **Tyunin M.V.** Osobennosti pravovogo regulirovaniya intellektual'noj sobstvennosti v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: monografiya. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K°», 2022. – 166 s.
13. **Kondrat'eva E.A.** Ob»ekty intellektual'nyh prav: osobennosti pravovoj ohrany. – Moskva: Statut, 2014. – 160 s.
14. **Gerasimov K.B., Shihanova E.G., Shkodina E.S.** Upravlenie innovაციyami i intellektual'noj sobstvennost'yu: monografiya. – Moskva: INFRA-M, 2023. – 226 s.
15. Intellektual'nye prava: ponyatie, sistema, zadachi kodifikacii: sbornik statej / pod red. V.A. Dozorceva. – Moskva: Statut, 2003. – 416 s.

(статья сдана в редакцию 05.05.2025)

**ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ПРАВОНАРУШЕНИЯ****DISTINCTIVE CHARACTERISTICS OF AN ENVIRONMENTAL
OFFENSE**

УДК 349.6

Н.М. МИТЯКИНА,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
Россия, Белгород)
mityakina@bsuedu.ru

NADEZHDA M. MITYAKINA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Belgorod State University,
Belgorod, Russia)

А.С. ФЕДОРЯЩЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
Россия, Белгород)
fedoryashenko@bsuedu.ru

ALEXEY S. FEDORYASHCHENKO,

Candidate of Law, Associate Professor
(Belgorod State University,
Belgorod, Russia)

Аннотация: актуальность избранного предмета исследования обусловлена высокой латентностью экологических правонарушений и сложностью не только их выявления, но и квалификации. Для правоприменительной деятельности важно четкое и однозначное понимание правовых констант, к которым относится и основной категориальный, и понятийный отраслевой аппарат. Поэтому целью работы является формулирование определения экологического правонарушения, отражающего его специфические характеристики. Методология исследования традиционна и включает в себя системный подход, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод. В статье рассматриваются признаки экологического правонарушения. Основой анализа является классическое понимание признаков правонарушения с акцентом на их специфике именно в области охраны окружающей среды и природопользования. Доказывается двойственная природа предмета посягательства – природного ресурса и окружающей среды в целом (указывается на то, что эти объекты являются имуществом, но при этом выполняют экологическую функцию, которая имеет приоритет перед их имущественной составляющей). В связи с этим в основе выделения экологического правонарушения в ряду других правонарушений лежит объект посягательства, который обобщенно можно определить как экологический правопорядок и экологическую безопасность.

Ключевые слова: экологическое правонарушение, объект экологического правонарушения, экологическое преступление, охрана окружающей среды.

Для цитирования: Митякина Н.М., Федорященко А.С. Отличительные характеристики экологического правонарушения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 30–35.

Abstract: the relevance of the chosen subject of the research is due to the high latency of environmental offenses and the complexity of not only their detection, but also qualification. A clear and unambiguous understanding of legal constants, which include the main categorical and conceptual industry apparatus, is important for law enforcement activities. Therefore, the purpose of the work is to formulate a definition of an environmental offense that reflects its specific characteristics. The research

methodology is traditional and includes a systems approach, methods of analysis and synthesis, and a formal legal method. The authors in the article consider the signs of an environmental offense. The classical understanding of the signs of an offense with an emphasis on their specificity in the field of environmental protection and nature management is the basis of the analysis. The authors prove the dual nature of the subject of the encroachment – a natural resource and the environment as a whole (they indicate that these objects are property, but at the same time they perform an environmental function, which has priority over their property component). In this regard, the basis for distinguishing an environmental offense from other offenses is the object of the offense, which can be generally defined as environmental law and order and environmental safety.

Keywords: environmental offense, object of environmental offense, environmental crime, environmental protection.

For citation: Mityakina N.M., Fedoryashchenko A.S. Distinctive characteristics of an environmental offense // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 30–35.

Одним из элементов правового способа охраны окружающей среды выступает юридическая ответственность. Согласно судебной статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в структуре поступивших в суды первой инстанции уголовных дел за 2022 г. экологические преступления составляли 1,3%¹, за 2023 г. – 1,2%², а за первую половину 2024 г. – 1,1%³. При этом, несмотря на некоторую тенденцию к снижению как удельного веса преступлений экологической направленности, так и их количества в целом (2022 г. – 10 435 дел направлено в суды; 2023 г. – 9 114 дел; за 6 месяцев 2024 г. – 3 652 дела), проблема их выявления и привлечения к ответственности представляется достаточно актуальной, так как правонарушения этого вида обладают высокой степенью латентности.

Вопросы понятия и квалификации экологических правонарушений в своих трудах поднимали такие известные ученые, как М.М. Бринчук [1], О.Л. Дубовик [2], Э.Н. Жевлаков [3], Т.В. Редникова [4] и другие. Из последних исследований в данной сфере можно назвать монографии С.И. Голубева «Предмет экологического преступления» [5], А.И. Зверевой «Экологические преступления, посягающие на безопасность во-

дных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами» [6].

Как видно, указанной проблеме в юридической науке уделяется достаточно много внимания, тем не менее однозначных путей ее решения до сих пор не выработано, поэтому любые исследования, что называется, не будут лишними.

Общеизвестно, что единственным основанием юридической ответственности является совершение лицом правонарушения. В правоприменительной практике нередко сложности вызывает правильная квалификация деяния, посягающего на природные объекты. При этом возникают трудности как при межвидовом разграничении правонарушений – дифференциация экологических правонарушений и «смежных» деяний (например, правонарушений против собственности) – так и при разграничении внутри собственно экологических правонарушений: например, при дифференциации экологического преступления и административного правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными. Исходя из этого, представляется необходимым дать четкое определение эколого-правового нарушения, а поэтому особый интерес вызывает проблема установления признаков данного вида правонарушений, выделения его объекта.

Для того чтобы признать правонарушение экологическим, не имеет значения, в какой сфере оно проявляется и каким образом осуществляется воздействие на окружающую среду. Признак общественной опасности не подходит для определения правонарушения как экологического. Основным идентифицирующим признаком может служить экологическая направленность правонарушения, что подразумевает причинение вреда определенному объекту, проявляющееся в ухудшении его качественных характеристик,

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645>

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809>

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773>

целостности, взаимосвязей и других объективных параметров природных явлений, ресурсов и окружающей среды в целом, в тех рамках, которые подпадают под правовое регулирование и подвергаются негативному влиянию противоправного поведения. Естественно, кроме непосредственного причинения вреда экологическая опасность правонарушения может характеризоваться угрозой причинения вреда природной среде, жизни и здоровью человека.

Причинение ущерба или создание реальной угрозы его причинения тесно связаны с противоправностью, которую следует понимать в узком и широком смысле: в узком смысле как несоответствие деяния конкретной эколого-правовой норме, в широком – как нарушение общих начал и смысла права. По общему правилу, если деяние, не нарушая конкретной нормы экологического права, противоречит принципам охраны природы и правовым приоритетам, закрепленным в законодательстве, оно рассматривается как противоправное. В эколого-правовых отношениях действует правило, содержащееся в нормах гражданского права, о противоправности всякого вреда, если он не разрешен специальным законом (то есть правомерным будет поведение только в том случае, когда лицо управомочено на совершение таких действий). Нарушение вне пределов противоправности может подвергаться только внеправовой оценке и корректировке.

Признак виновности в экологическом правонарушении означает, что вина (в той или иной форме) является обязательным условием юридической ответственности за его совершение. В то же время у данного правила есть исключения. Например, когда речь идет об источнике повышенной опасности, это правило распространяется только на гражданскую ответственность, то есть носит характер компенсационной ответственности. Данная проблема требует более детального рассмотрения и осмысления. Но в целом указанное исключение не затрагивает основной сути признака виновности в правонарушении вообще и в экологическом правонарушении в частности. В уголовных и административных экологических правонарушениях же в полной мере действует принцип ответственности за вину.

Закон, регулирующий правоотношения в области охраны окружающей среды⁴, не содержит указания на признаки данного вида правонарушений, в отличие от ранее действовавшего Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды».

⁴ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

Предыдущий закон определял экологическое правонарушение как виновное, противоправное деяние, нарушающее природоохранительное законодательство и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека. Это была первая попытка законодательного закрепления понятия правонарушения в области охраны окружающей среды. В свое время данная норма нередко подвергалась критике со стороны юристов-экологов. Однако, нуждаясь в совершенствовании, она тем не менее являлась отправной точкой в определении экологического правонарушения как специфического вида противоправного поведения. На сегодня же мы лишены легального определения экологического правонарушения, а следовательно, и понятийной константы для правильной квалификации деяния в правоприменительной деятельности.

Отличие экологического правонарушения от иных видов правонарушений обусловлено наличием особого объекта посягательства. Это общеизвестно, так как в основании видовой деления правонарушений лежит именно объект посягательства. Экологическое правонарушение отражает объективное противоречие, существующее в системе «общество – природа»: удовлетворяя свои экономические потребности, человек воздействует на окружающую его природную среду, а воздействуя на нее, не всегда согласует свое поведение с экологическими интересами. Результатом этого является причинение вреда окружающей среде, что, в свою очередь, влечет за собой вред здоровью человека, ущерб имуществу и моральный вред. Исходя из данного положения, немаловажной представляется проблема установления объекта экологического правонарушения. Поскольку мнения разных ученых по поводу объекта правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования весьма различны, то неодинаковы и их определения. В.В. Петров в свое время под таким объектом понимал материальные блага природы, то есть охраняемые законом природные объекты и природные комплексы, окружающую природную среду в целом [7, с. 289]. К.В. Питулько и В.В. Коряковцев приходят к выводу, что объектом являются «экологические интересы общества» [8]. Э.Н. Жевлаков полагает объектом экологического преступления «биологическую основу обитания человека и всего живого на Земле» [9, с. 3–29].

Чтобы понять, какие нормы применять для привлечения к ответственности за посягательства на природный объект – уголовные / административные в сфере охраны собственности или уголовные / административные в сфере природоохраны, важно определить момент, когда этот

ресурс перестает быть просто элементом природы и становится товаром. Хотя сегодня сложно найти природные объекты, не затронутые деятельностью человека, решающим является характер труда, приложенного к ним. Если труд направлен на извлечение ресурса из природы или удовлетворение экономических потребностей, а не на поддержание природных функций, то ресурс приобретает статус товара и природоохранные нормы на него не распространяются. Поэтому, например, самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней рассматривается как правонарушение против собственности. Однако если труд направлен на восстановление и поддержание природных функций, например при лесовосстановлении, то отношения остаются в сфере экологического права. И посягательства на такие природные объекты квалифицируются как экологические.

Природные объекты сочетают в себе характеристики собственности и природного элемента. Охрана окружающей среды, безусловно, пересекается с защитой права собственности, но это не идентичные понятия. Рассмотрение экологических правонарушений просто как экономических не позволяет увидеть уникальность природных объектов, их фундаментальную жизнеобеспечивающую и собственно экологическую значимость, поскольку акцент смещается на материальные ценности.

Если принимать во внимание исключительно частноправовой подход, то природные объекты (ресурсы) относятся к объектам гражданских прав, а еще точнее – к вещам. При этом большинство природных объектов являются недвижимыми вещами. В ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее – ГК РФ) прямо указаны такие недвижимые вещи, как земельные участки и участки недр. По признакам же неразрывной (тесной) связи с землей и невозможности перемещения без несоразмерного ущерба также к недвижимым вещам логично относятся водные объекты. Таким образом, к движимым вещам предположительно относятся дикие животные. Предположительно потому, что сам ГК РФ устанавливает для них особый правовой режим: в ст. 137 определено, что к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. В этом же ключе сформулировано и положение ч. 6 ст. 4 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О живот-

ном мире»⁶: к объектам животного мира нормы гражданского права, касающиеся имущества, в том числе продажи, залога и других сделок, применяются так, как это допускается настоящим федеральным законом и иными федеральными законами. Нечто подобное предусмотрено и для других природных объектов. Ч. 3 ст. 129 ГК РФ гласит, что земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах. Нетрудно заметить, что в последнем случае особенность установлена только для сферы имущественного оборота, а в отношении животных речь идет вообще о «правилах об имуществе». Тем не менее все в совокупности свидетельствует, что и гражданское законодательство и природоресурсное законодательство не уравнивают в абсолютном значении природные объекты (ресурсы) и имущество, наделяя первых особенностями. Кроме того, необходимо помнить о физической природе некоторых природных ресурсов, которая не позволяет относить их к имуществу. Например, атмосферный воздух – это смесь газов, поэтому он не является имуществом и чьей-либо собственностью. Следовательно, посягательства на него, естественно, не относятся к экономическим правонарушениям. Если объединять все природные ресурсы в одну группу «объект посягательства», то напрашивается вывод, что собственно экологическими являются не только посягательства на, скажем, атмосферный воздух, но и на все другие природные ресурсы.

Из двойственной сущности природных объектов следует, что при посягательстве на них общественно опасные последствия проявляются как в экономической сфере (ущерб собственности, утрата имущества, повреждение имущества), так и в собственно экологической. Экологический вред выражается в том, что из экологической системы «выпадает» ее элемент, нарушаются физические, химические, биологические связи, что негативно влияет на всю окружающую среду. При этом «экологическая» составляющая последствий имеет большое общественное значение, нарушает публичные интересы. Именно поэтому подобные правонарушения и объединяются в отдельный вид, отделяясь от экономических составов.

Безусловно, в силу специфики самого экологического вреда его установление и доказывание весьма затруднено (как затруднено и уста-

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁶ Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О животном мире» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.

новление размера такого вреда). Оригинальное и достаточно разумное решение этой проблемы предлагают Е.А. Кравцова и В.А. Хрисанов: «Для облегчения работы правоохранительных органов считаем необходимым диспозиции ряда статей гл. 26 УК РФ сформулировать таким образом, чтобы не было необходимости доказывать наличие причиненного вреда, а достаточно указать на угрозу его возникновения» [10, с. 32]. Действительно, для особо сложных составов (с позиций доказывания последствий преступления) это решение было бы выходом.

Естественно, следует помнить, что не каждое правонарушение, связанное с объектами природной среды, может быть квалифицировано как экологическое.

Экологические системы состоят из взаимосвязанных природных элементов и характеризуются естественным происхождением. Предметы, созданные или изъятые из природной среды в результате человеческой деятельности (например, животные в зоопарках, рыба в рыбохозяйственных водоемах), не являются частью этих систем. Поэтому правонарушения, направленные против таких объектов, не рассматриваются как экологические, поскольку не влияют на состояние и охрану дикой природы.

Итак, объектом экологического правонарушения следует считать общественные отношения, связанные с рациональным использованием и

охраной природы, поддержанием благоприятной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности для населения. Таким образом, ключевыми элементами, определяющими экологическое правонарушение, являются нарушение экологического правопорядка (и его составного элемента – экологической безопасности) и обязательное наличие вреда или угрозы его причинения окружающей среде или окружающей среде и здоровью человека.

Что же касается определения самого понятия экологического правонарушения, то представляется необходимым определить его как виновно совершенное, противоправное деяние (действие или бездействие), посягающее на экологический правопорядок и экологическую безопасность населения, причиняющее вред окружающей среде или окружающей среде и здоровью человека либо создающее реальную угрозу такого причинения, запрещенное в законодательстве под угрозой наказания.

Представляется целесообразным определение закрепить законодательно, например в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Это поможет не только доктринальному осмыслению проблем ответственности за экологические правонарушения, но и даст понятийный ориентир для правоприменителей, особенно при необходимости квалификации деяния в экологической и природоресурсной сфере.

Литература

---

1. **Бринчук М.М.** Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // *Lex russica*. – 2016. – № 6. – С. 26–47.
2. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: монография / М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик, А.Л. Иванова, Н.С. Куделькин [и др.]; под ред. О.Л. Дубовик. – Москва: ИГПРАН, 2012. – 170 с.
3. **Жевлаков Э.Н.** О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // *Уголовное право*. – 2017. – № 2. – С. 55–63.
4. **Редникова Т.В.** Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия // *Lex russica*. – 2018. – № 9. – С. 98–111.
5. **Голубев С.И.** Предмет экологического преступления: монография. – Москва: КОНТРАКТ, 2020. – 176 с.
6. **Зверева А.И.** Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами: монография / под ред. Ю.В. Грачевой. – Москва: Проспект, 2019. – 200 с.
7. **Петров В.В.** Экологическое право России: учебник для вузов. – Москва: БЕК, 1995. – 557 с.
8. **Питулько К.В., Коряковцев В.В.** Квалификация экологических преступлений: учебное пособие. – Москва: КНОРУС, 2023. – 144 с.
9. **Жевлаков Э.Н.** Уголовное природоохранительное право России: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 376 с.
10. **Кравцова Е.А., Хрисанов В.А.** Сложности, возникающие в работе правоохранительных органов при квалификации объективной стороны преступлений в сфере экологии // *Проблемы правоохранительной деятельности*. – 2017. – № 2. – С. 29–32.

References

---

1. **Brinchuk M.M.** Ekologo-pravovaya otvetstvennost' – samostoyatel'nyj vid otvetstvennosti // Lex russica. – 2016. – № 6. – S. 26–47.
  2. Yuridicheskaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya: monografiya / M.M. Brinchuk, O.L. Dubovik, A.L. Ivanova, N.S. Kudel'kin [i dr.]; pod red. O.L. Dubovik. – Moskva: IGPRAN, 2012. – 170 s.
  3. **Zhevlakov E.N.** O razgranichenii ekonomicheskikh i ekologicheskikh prestuplenij: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika // Ugolovnoe pravo. – 2017. – № 2. – S. 55–63.
  4. **Rednikova T.V.** Organizovannaya ekologicheskaya prestupnost' v Rossii i za rubezhom: kriminologicheskaya harakteristika i mery protivodejstviya // Lex russica. – 2018. – № 9. – S. 98–111.
  5. **Golubev S.I.** Predmet ekologicheskogo prestupleniya: monografiya. – Moskva: KONTRAKT, 2020. – 176 s.
  6. **Zvereva A.I.** Ekologicheskie prestupleniya, posyagayushchie na bezopasnost' vodnyh ob»ektov: harakteristika i razgranichenie so smezhnymi deliktami: monografiya / pod red. Yu.V. Grachevoj. – Moskva: Prospekt, 2019. – 200 s.
  7. **Petrov V.V.** Ekologicheskoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov. – Moskva: BEK, 1995. – 557 s.
  8. **Pitul'ko K.V., Koryakovcev V.V.** Kvalifikaciya ekologicheskikh prestuplenij: uchebnoe posobie. – Moskva: KNORUS, 2023. – 144 s.
  9. **Zhevlakov E.N.** Ugolovnoe prirodoohranitel'noe pravo Rossii: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2021. – 376 s.
  10. **Kravcova E.A., Hrisanov V.A.** Slozhnosti, vznikayushchie v rabote pravoohranitel'nyh organov pri kvalifikacii ob»ektivnoj storony prestuplenij v sfere ekologii // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2017. – № 2. – S. 29–32.
-
-

(статья сдана в редакцию 25.03.2025)

**ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ДОРОЖНО-
ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ****PECULIARITIES OF INTERROGATION TACTICS OF A WITNESS OF A
ROAD TRAFFIC ACCIDENT**

УДК 343

В.В. СЕРГЕЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, Белгород)
sergeevvadim78@yandex.ru

VADIM V. SERGEEV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: одним из важнейших и распространенных следственных действий является допрос свидетелей как лиц, не заинтересованных в результате расследования и обладающих информацией, представляющей интерес для следствия. В статье рассмотрены тактические особенности производства допроса свидетелей и очевидцев по уголовным делам, возбужденным по преступлениям в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта. Целью исследования является выявление особенностей тактики допроса свидетелей и очевидцев дорожно-транспортных происшествий и разработка рекомендаций по выбору и применению различных тактических приемов допроса в зависимости от складывающейся следственной ситуации на первоначальном этапе расследования. Автором проанализированы факторы, влияющие на объективность показаний свидетелей, обстоятельства, подлежащие установлению и входящие в предмет допроса, рассмотрены тактические приемы производства допроса в различных следственных ситуациях как благоприятных, так и неблагоприятных. Предложен алгоритм действий следователя по установлению свидетелей и очевидцев на месте дорожно-транспортного происшествия с учетом фаз развития дорожно-транспортных ситуаций. Даны рекомендации по применению тактических приемов эмоционального и логического воздействия на свидетеля в зависимости от того, дает он ложные показания или отказывается от дачи показаний. Рассмотрены критерии оценки и возможности дальнейшего использования данных, полученных при допросе свидетелей, на последующей стадии расследования дорожно-транспортных преступлений.

Ключевые слова: тактика допроса, свидетель, дорожно-транспортное происшествие, тактический прием, предмет допроса, объективность показаний, оценка доказательств.

Для цитирования: Сергеев В.В. Особенности тактики допроса свидетеля дорожно-транспортного происшествия // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 36–41.

Abstract: one of the most important and widespread investigative actions is the interrogation of witnesses, since they are persons disinterested in the outcome of the investigation and have information of interest to the investigation. The article examines the tactical features of the interrogation of witnesses and eyewitnesses in criminal cases initiated for crimes in the field of road safety and transport operation. The purpose of the study is to identify the characteristics of the tactics of interrogation of witnesses and eyewitnesses of road accidents and to develop recommendations for the selection and application of various tactical interrogation techniques, depending on the developing investigative situation at the initial stage of the investigation. The author analyzed the factors influencing the objectivity of witness testimony, the circumstances to be established and included in the subject of interrogation, and examined tactical methods of interrogation in various investigative situations, both favorable and unfavorable. An algorithm

for the actions of the investigator to identify witnesses and eyewitnesses at the scene of an accident is proposed, taking into account the phases of development of road transport situations. Recommendations are given for the use of tactical techniques of emotional and logical influence on the witness, depending on whether he gives false testimony or refuses to testify. The assessment criteria and the possibility of further use of data obtained during the interrogation of witnesses at the subsequent stage of the investigation of road traffic crimes are considered.

Keywords: interrogation tactics, witness, road traffic accident, tactical technique, interrogation subject, objectivity of testimony, evidence assessment.

For citation: Sergeev V.V. Peculiarities of interrogation tactics of a witness of a road traffic accident // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 36–41.

Ежегодно в России совершается большое количество дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), которые приводят к гибели и травмам граждан. По данным МВД России, в 2023 г. абсолютное значение ДТП составило 132 466, при которых погибло 14 504 человека, причинен вред здоровью различной степени тяжести 166 500¹. В качестве основных причин ДТП выделяют превышение разрешенной скорости движения, нарушение правил обгона и опережения, несоблюдение требований дорожных знаков и сигналов светофора, неправильное маневрирование на проезжей части, несоблюдение дистанции и т.д. [1, с. 15]. На первоначальном этапе расследования одним из важнейших следственных действий является допрос свидетелей, так как они являются лицами, не заинтересованными в результатах расследования, и обладают информацией, представляющей интерес для следствия.

Анализ следственной и судебной практики показал, что при расследовании ДТП следователи сталкиваются с рядом проблем, одной из которых является установление свидетелей и очевидцев ДТП и получение от них необходимой, объективной информации.

По прибытии на место ДТП нередко сотрудниками полиции не обеспечивается надлежащая организация работы по выявлению и опросу свидетелей и очевидцев. Иногда очевидцы не желают сотрудничать с сотрудниками полиции и принимать участие в уголовном судопроизводстве, с их стороны может оказываться противодействие расследованию в виде отказа от дачи показаний, а также дача заведомо ложных показаний, что негативно влияет на качество и эффективность расследования. Тем не менее допрос указанных лиц может происходить как в конфликтной, так и в бесконфликтной ситуации, в зависимости от

которых будут использоваться различные тактические приемы или их комбинация [2, с. 46].

В рамках данной статьи мы проанализируем проблемы, с которыми следователи сталкиваются на первоначальном этапе расследования ДТП, в частности при допросе свидетелей и очевидцев ДТП, и сформулируем алгоритм действий следователя, направленный на повышение эффективности и качества данного следственного действия по уголовным делам рассматриваемой категории преступлений.

Событие ДТП происходит скоротечно, поэтому установить свидетеля, который наблюдал полную картину произошедшего, довольно сложно. В механизме ДТП необходимо выделить три этапа: движение транспортного средства до события ДТП, само событие и дальнейшее движение объектов по инерции, после контакта. Интерес для следствия представляют свидетели одного из названных выше этапов ДТП. Например, кто-то наблюдал, как двигались транспортное средство или пешеход до столкновения транспортных средств или наезда на пешехода, кто-то видел сам момент ДТП, а кто-то – его последствия. Наибольшую ценность для следствия представляет тот свидетель, который наблюдал все этапы развития ДТП или первые два. В совокупности по показаниям этих свидетелей следователь может получить полную информацию о произошедшем событии.

В этой связи мы считаем, что в процессе поиска свидетелей необходимо расширять зону их возможного нахождения. При этом следователю надлежит реконструировать все этапы развития дорожно-транспортной ситуации, отталкиваясь от маршрута движения транспортного средства, причастного к ДТП, и сопоставляя его с фазами ДТП, указанными нами выше. Например, зону поиска свидетелей необходимо начинать за несколько сотен метров до места контакта объектов ДТП. В случае если водитель транспортного средства с места ДТП скрылся, то зона поиска свидетелей

¹ Дорожно-транспортные происшествия [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения 06.10.2024)

также должна расширяться далее, по направлению движения транспортного средства. Задача следователя и оперативного сотрудника – прежде всего выявить во всей массе людей, присутствующих на месте ДТП, непосредственных очевидцев события происшествия с целью уточнения всех значимых для расследования данных о происшествии [3, с. 120].

Одним из самых распространенных следственных действий, проводимых следователем в рамках расследования ДТП, является допрос его участников и установленных свидетелей и очевидцев. Цели допроса реализуются в конкретных тактических задачах, которые следователь формулирует на основе анализа сложившейся ситуации, и в имеющихся в его распоряжении ресурсах и прогнозах ее развития [4, с. 118].

Тактика любого вербального следственного действия (в частности, допроса) должна реализовываться исключительно в соответствии с требованиями формальной логики к формированию вопросов [5, с. 81].

В предмет допроса по делам о ДТП входят обстоятельства, которые каким-либо образом помогают установить его механизм, причины, указывают на нарушение его участниками правил дорожного движения и показывают причинно-следственную связь между данными нарушениями и наступившими последствиями.

По делам о ДТП необходимо устанавливать следующие обстоятельства:

1. Время и место ДТП.
2. Направление движения транспортных средств, пешеходов. Направление движения пешехода устанавливается относительно движения транспортного средства (слева направо или справа налево, во встречном или попутном направлении).
3. Расположение транспортных средств и пешеходов до ДТП, во время и после него (расположение относительно основных элементов дороги, дорожных знаков, дорожной разметки, стационарных объектов строения и т.д.).
4. Скорость движения транспортного средства и темп движения пешехода.
5. Информация о технической исправности или неисправности транспортного средства, его загруженности.
6. Информация о действиях водителя после ДТП (останавливался ли после ДТП? оказывал ли первую помощь пострадавшему? пояснял ли что-либо по поводу произошедшего?).
7. Вызывал ли водитель скорую помощь?
8. Находились ли участники ДТП в состоянии опьянения?

Самыми ценными, на наш взгляд, являются свидетели и очевидцы, которые установлены

сразу же на месте ДТП. Работа по установлению свидетелей и очевидцев ДТП должна быть организована следователем незамедлительно, после поступления сообщения о ДТП в дежурную часть территориального органа внутренних дел МВД России. В процессе подготовки к выезду на место происшествия следователь должен связаться с сотрудниками ГАИ, первыми прибывшими на место ДТП, и дать им поручение об установлении свидетелей и очевидцев из числа лиц, которые находились на месте происшествия.

Выделим факторы, которые, по нашему мнению, могут оказывать влияние на объективность показаний свидетелей и очевидцев ДТП.

1. Скоротечность события ДТП.
  2. Продолжительность наблюдения события ДТП следователем, очевидцем.
  3. Расстояние, с которого свидетель наблюдал событие ДТП.
  4. Психологическое состояние свидетеля.
  5. Физические недостатки (плохое зрение или слух).
  6. Наличие заинтересованности в результате расследования (например, родственные и дружеские связи с участниками ДТП).
- В криминалистической литературе содержится перечень тактических приемов допроса, которые на практике может применить следователь. Тактические приемы избличения по своему характеру и направленности могут быть разделены на три группы: приемы эмоционального воздействия, приемы логического воздействия, тактические комбинации [6, с. 601]. Рассмотрим особенности их применения следователем при производстве допроса свидетелей и очевидцев ДТП.

На момент принятия решения следователем о производстве допроса свидетеля могут сложиться следующие следственные ситуации: благоприятная, которая характеризуется положительным отношением свидетеля к участию в допросе, когда он желает давать показания, и неблагоприятная, характеризующаяся оказываемым противодействием допросу в виде отказа от дачи показаний и даче заведомо ложных показаний.

В благоприятной следственной ситуации на правдивость показаний могут влиять различные процессы и обстоятельства, которые не зависят от воли допрашиваемого, а протекают самостоятельно. В качестве таковых выделим свойство памяти, физические недостатки (плохое зрение) и др. Например, с течением времени свидетель может забыть какие-либо детали события, и чем больше времени проходит, тем меньше информации сохраняет его память. Следователь должен быть готов к тому, что тактико-психологический

прием может не оказать ожидаемого эффекта. На этот случай необходимо продумать форму реагирования на это и дополнительные методы воздействия на допрашиваемого [7, с. 29].

В данной ситуации мы рекомендуем использовать тактические приемы эмоционального воздействия, в основе которых лежит активизация памяти допрашиваемого и его ассоциативного мышления. Однако приоритет в выборе тактических приемов устанавливается следователем на основе процессуального статуса подлежащего допросу лица, всегда выступающего как некая отправная точка, после определения которой орган предварительного расследования обозначает предмет и выработывает общий план предстоящего допроса [8, с. 201]. К таким приемам мы отнесем: допрос свидетеля на месте ДТП, демонстрацию имеющихся доказательств, ознакомление с показаниями других участников уголовного судопроизводства и их совместный анализ.

Применение тактического приема в виде допроса на месте дорожно-транспортного происшествия применим тогда, когда свидетель в ходе устной беседы не может дать точной информации касательно обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, имеющих принципиально важное значение. Например, следователю необходимо точно знать направление движения пешехода до наезда на него автомобилем относительно движения автомобиля, а свидетель не помнит названий улиц в районе места происшествия. В данном случае целесообразно предложить свидетелю собственноручно нарисовать схему места происшествия, а именно те элементы дороги, близлежащие строения, которые он помнит. Далее осуществляется выезд на место, где свидетель должен вспомнить недостающие детали своих показаний.

Активизация памяти и ассоциативных связей допрашиваемого также может быть осуществлена и в рамках производства таких следственных действий, как проверка показаний на месте и следственный эксперимент. По нашему мнению, производство данных следственных действий наиболее целесообразно с тактической точки зрения, так как позволяет решить следователю ряд сопутствующих задач расследования, сэкономить время и средства, повысить эффективность и результативность работы. Помимо целей допроса следователь может также получить данные для производства автотехнической судебной экспертизы и устранить существенные противоречия, имеющиеся в показаниях других участников ДТП.

Демонстрация доказательств свидетелю может быть востребована, когда последний не

в состоянии в полном объеме описать признаки того или иного предмета, искренне заблуждается в его свойствах, и это очевидно для следователя. Допрашиваемому могут демонстрироваться различные вещественные доказательства, относящиеся к совершенному преступлению. Например, следователь может продемонстрировать фрагмент, часть детали автомобиля, обнаруженной и изъятой на месте происшествия, когда возникают разногласия о цвете автомобиля, скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия, и т.п.

Ознакомление и совместный анализ с показаниями других участников уголовного судопроизводства востребован тогда, когда допрашиваемый свидетель не уверен в каких-либо деталях. Не рекомендуется знакомить свидетеля с показаниями других участников в полном объеме, а только с той их частью, с которой это необходимо.

Научные исследования в области криминалистики и психодиагностики позволяют констатировать тот факт, что на данном этапе развития науки и техники нет универсальных методов диагностики лжи [9, с. 80]. При оказании со стороны свидетеля ДТП противодействия допросу в виде отказа от дачи показаний, а также даче заведомо ложных показаний наиболее эффективным будет применение следователем всего арсенала тактических приемов допроса как эмоционального, так и логического воздействия. Распознавание и преодоление установок допрашиваемого лица на дачу ложных показаний требуют от следователя, дознавателя анализа мотивов лжи и прогнозирования тех побуждений, которые могут привести к «раскрытию» данной личности, анализа тех ситуаций, в которых человек делает откровенные признания [10, с. 92]. По нашему мнению, для того чтобы преодолеть противодействие расследованию, необходимо установить мотив такого поведения свидетеля и попытаться его нейтрализовать.

Как правило, противодействие допросу со стороны свидетеля ДТП осуществляется в форме «пассивной лжи». Объясняется это тем, что, зная об уголовно-правовых последствиях за дачу заведомо ложных показаний, свидетель может скрывать правду, заявляя, что он «не помнит», «не видел» и «не знает» обстоятельств ДТП. В данном случае наиболее эффективными, на наш взгляд, будут приемы логического воздействия: предъявление доказательств, по возможности требующих от допрашиваемого детализации показаний, логический анализ противоречий в показаниях, обоснование бессмысленности занятой позиции и др. Кроме того, детальный допрос свидетеля, когда в ходе уточ-

нения мелких деталей расследуемого события возможно изблечить допрашиваемого во лжи, также будет являться эффективным.

Также при допросе свидетелей ДТП следователем могут применяться тактические комбинации, сочетающие в себе совокупность в различных сочетаниях тактических приемов как эмоционального, так и логического воздействия. Например, при детализации показаний одновременно возможно воздействовать на положительные качества допрашиваемого.

Оценка показаний свидетеля – очевидца ДТП должна производиться следователем с точки зрения их относимости, допустимости, достаточности и достоверности. Изучив показания свидетеля, следователь принимает решение о возможности их дальнейшего использования в процессе доказывания при проведении таких следственных действий, как следственный эксперимент и назначение судебной автотехнической судебной экспертизы.

Таким образом, на основании изложенного можем сделать выводы о том, что предмет допроса свидетелей ДТП весьма многогранен и представляет собой совокупность фактов, условий, обстоятельств, значений, характеристик определенных событий, которые непосредственно связаны с ДТП, имели место до расследуемого события, во время его совершения и после него. Работа по установлению свидетелей

и очевидцев ДТП – это сложный процесс. Она должна соотноситься с этапами ДТП, в связи с чем следователю необходимо иметь представление о временных и пространственных границах расследуемого события.

Тактика допроса свидетелей ДТП должна строиться с учетом следственной ситуации, сложившейся на момент допроса, и своевременно корректироваться при ее изменении. В благоприятной следственной ситуации следователю рекомендуется применять приемы эмоционального воздействия, а при необходимости – приемы, направленные на активизацию ассоциативных связей памяти допрашиваемого лица. При оказании со стороны свидетеля ДТП противодействия допросу в виде отказа от дачи показаний, а также дачи заведомо ложных показаний (пассивная ложь) наиболее эффективным будет применение следователем всей совокупности тактических приемов эмоционального и логического воздействия.

Результаты допроса свидетеля ДТП являются очень важными доказательствами, которые на последующей стадии расследования могут использоваться при производстве следственного эксперимента, назначении автотехнической судебной экспертизы и других следственных действиях, направленных на установление всех обстоятельств преступления, входящих в предмет доказывания.

Литература

---

1. **Чувиков Д.А.** Модели и алгоритмы реконструкции и экспертизы аварийных событий дорожно-транспортных происшествий на базе логического искусственного интеллекта: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 305 с.
2. **Афзалетдинова Г.Х.** К вопросу о тактике, используемой при допросах свидетелей и подозреваемых при расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2022. – № 1 (9). – С. 45–46.
3. **Акматова А.Т.** Организация и производство допроса участников ДТП // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 1 (217). – С. 120–124.
4. **Шишкина Е.В.** Тактико-криминалистическое обеспечение следственной деятельности: учебное пособие. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 199 с.
5. **Богун О.Н.** Общие вопросы организации допроса свидетелей при расследовании дорожно-транспортного происшествия в исходных следственных ситуациях // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 2 (60). – С. 80–83.
6. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма; Инфра-М, 2020. – 928 с.
7. **Еремеев С.Г.** Отдельные возможности использования психологических знаний в ходе допроса несовершеннолетних на предварительном следствии // Научный компонент. – 2021. – № 2 (10). – С. 26–33.
8. **Бондаренко Ю.А., Балугина Т.С.** Эффективность тактических приемов эмоционального воздействия и установления психологического контакта при допросе с использованием систем видео-конференц-связи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 8 (184). – С. 200–206.
9. **Баркова Т.В.** К вопросу возможностей изблечения во лжи подозреваемых, потерпевших и свидетелей при расследовании наркопреступлений // Вестник науки и образования. – 2019. – № 22-1 (76). – С. 79–81.
10. **Эминов В.Е., Ищенко Е.П.** Следственные действия – основа раскрытия преступлений: психолого-криминалистический анализ: практическое пособие. – Москва: Норма; ИНФРА-М, 2022. – 208 с.

References

---

1. **Chuvikov D.A.** Modeli i algoritmy rekonstrukcii i ekspertizy avarijnyh sobytij dorozhno-transportnyh proisshestvij na baze logicheskogo iskusstvennogo intellekta: monografiya . – Moskva: INFRA-M, 2020. – 305 s.
2. **Afzaletdinova G.H.** K voprosu o taktike, ispol'zueмой pri doprosah svidetelej i podozrevaemyh pri rassledovanii legalizacii (otmyvaniya) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem // Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. – 2022. – № 1 (9). – S. 45–46.
3. **Akmatova A.T.** Organizaciya i proizvodstvo doprosa uchastnikov DTP // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. – № 1 (217). – S. 120–124.
4. **Shishkina E.V.** Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie sledstvennoj deyatel'nosti: uchebnoe posobie. – Moskva: INFRA-M, 2023. – 199 s.
5. **Bogun O.N.** Obshchie voprosy organizacii doprosa svidetelej pri rassledovanii dorozhno-transportnogo proisshestviya v iskhodnyh sledstvennyh situacijah // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 2 (60). – S. 80–83.
6. Kriminalistika: uchebnik / T.V. Aver'yanova, E.R. Rossinskaya, R.S. Belkin, Yu.G. Koruhov. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma; Infra-M, 2020. – 928 s.
7. **Eremeev S.G.** Otdel'nye vozmozhnosti ispol'zovaniya psihologicheskikh znaniy v hode doprosa nesovershennoletnih na predvaritel'nom sledstvii // Nauchnyj komponent. – 2021. – № 2 (10). – S. 26–33.
8. **Bondarenko Yu.A., Balugina T.S.** Effektivnost' takticheskikh priemov emocional'nogo vozdejstviya i ustanovleniya psihologicheskogo kontakta pri doprose s ispol'zovaniem sistem video-konferenc-svyazi v Rossijskoj Federacii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2023. – № 8 (184). – S. 200–206.
9. **Barkova T.V.** K voprosu vozmozhnostej izoblicheniya vo lzhi podozrevaemyh, poterpevshih i svidetelej pri rassledovanii narkoprestuplenij // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 22-1 (76). – S. 79–81.
10. **Eminov V.E., Ishchenko E.P.** Sledstvennye dejstviya – osnova raskrytiya prestuplenij: psihologo-kriminalisticheskij analiz: prakticheskoe posobie. – Moskva: Norma; INFRA-M, 2022. – 208 s.

(статья сдана в редакцию 19.03.2025)

ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ: ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ?**UNITY AND DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL FORM: ARE THERE ANY REASONS FOR THEIR OPPOSITION?**

УДК 343.1

С.Б. РОССИНСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права
Российской академии наук,
Россия, Москва)
s.rossinskiy@gmail.com

SERGEY B. ROSSINSKIY,

Doctor of Law, Professor
(Institute of state and law
of the Russian academy of sciences,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье подводятся результаты очередного этапа научных изысканий автора, направленных на рассмотрение и осмысление феномена уголовно-процессуальной формы как непреложного атрибута уголовной юстиции в правовом государстве, включая Российскую Федерацию. Статья посвящена обоснованию выдвинутой автором научной гипотезы об отсутствии каких-либо доктринальных и нормативных правовых противоречий между единством как одним из свойств уголовно-процессуальной формы и ее предрасположенностью к дифференциации, то есть к существованию нескольких альтернативных порядков решения стоящих перед уголовной юстицией общих или частных задач. В итоге формулируется вывод о взаимосвязи дифференциации уголовно-процессуальной формы не столько с единством, сколько с другим присущим ей условием – всеобщностью, сводящейся к требованию об использовании установленных уголовно-процессуальным законом процедурных подходов в отношении любых правовых механизмов по всем уголовным делам, иным относящимся к ведению уголовной юстиции вопросам, независимо от их предмета, содержания, объема, сложности и т.д. Одновременно заявляется о мнимости возникающих в этой части доктринальных противоречий: утверждается, что многообразие способов осуществления дознавательских, следственных, прокурорских и судебных полномочий, прав и обязанностей иных участников уголовного судопроизводства никоим образом нельзя противопоставлять всеобщности уголовно-процессуальной формы.

Ключевые слова: всеобщность уголовно-процессуальной формы; дифференциация уголовно-процессуальной формы; единство уголовно-процессуальной формы; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальное право.

Для цитирования: Россинский С.Б. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: есть ли основания для противопоставления? // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 42–47.

Abstract: the article summarizes the results of the next stage of the author's scientific work, which consisted of studying and understanding the phenomenon of the criminal procedural form – an invariable

attribute of criminal justice in a legal state, including the Russian Federation. The article is devoted to the argumentation of the scientific hypothesis put forward by the author about the absence of doctrinal and normative-legal contradictions between the property of unity of the criminal procedural form and its tendency to differentiation, that is, to the existence of several alternative procedures for solving general or specific problems facing criminal justice. As a result, a conclusion is formulated about the relationship between the differentiation of the criminal procedural form not so much with unity, as with another condition inherent to it - universality, which consists in the requirement to use the procedural approaches established by the criminal procedural law in relation to any legal mechanisms in all criminal cases, other issues related to the jurisdiction of criminal justice, regardless of their subject, content, volume, complexity, etc. At the same time, the doctrinal contradictions arising in this part are declared to be imaginary - it is asserted that the variety of methods for exercising inquiry, investigative, prosecutorial and judicial powers, the rights and obligations of other participants in criminal proceedings can in no way be opposed to the universality of the criminal procedural form.

Keywords: universality of the criminal procedural form; differentiation of the criminal procedural form; unity of the criminal procedural form; criminal proceedings; criminal procedural form; criminal procedure law

For citation: Rossinskiy S.B. Unity and differentiation of the criminal procedural form: are there any reasons for their opposition? // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 42–47.

Введение. Проблематика единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы на первый взгляд уже не представляется особо актуальной, не нуждается в проведении каких-либо новых изысканий, направленных на рассмотрение и разрешение еще не изведенных в должной степени аспектов уголовно-процессуальной материи, если, конечно, не принимать во внимание необходимость изучения и осмысления наблюдаемых в настоящее время стремлений законодателя к постоянному изобретению все новых и новых дифференцированных производств. Скорее всего, многие специалисты, по крайней мере осведомленные в данной области, без колебаний охарактеризуют единство как одно из свойств уголовно-процессуальной формы, тогда как ее дифференциацию назовут некоторым отступлением от подобного единства, обусловленным насущными потребностями общества, государства и правоприменительной практики в особых механизмах и процедурах решения стоящих перед уголовной юстицией задач. Другими словами, любые стремления к дифференциации уголовно-процессуальной формы будут расцениваться как вынужденные (!), или во всяком случае считаться вынужденными, исключениями из общего правила об ее единстве.

Вместе с тем подобные представления о соотношении единства уголовно-процессуальной формы и ее предрасположенности к определенной дифференциации видятся не вполне правильными и разумными. Думается, что существование тех или иных дифференцированных производств не стоит считать попираем

единства уголовно-процессуальной формы, а свойственные современным условиям предложения о введении новых дифференцированных производств – очередным «посягательством» на такое единство. Возникает предположение, что в реальности единство уголовно-процессуальной формы вообще не стоит так или иначе противопоставлять возможности ее дифференциации ввиду некоторой разнородности данных категорий. Именно этой гипотезе и посвящается настоящая статья.

О сущности и предназначении уголовно-процессуальной формы. Уголовно-процессуальная форма – один из столпов уголовной юстиции любого правового государства, в том числе и Российской Федерации. Это феномен, определяющий саму правовую природу и внешний облик деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, других участников соответствующих правоотношений. Кстати, потребность в облачении такой деятельности в уголовно-процессуальную форму, то есть в ее формализацию, является тем самым условием, благодаря которому и основной вектор развития уголовно-процессуальных отношений, и способы решения ряда сопутствующих задач, и даже дифференцированные производства признаются именно производствами (!), то есть отвечающими процедурным требованиям юрисдикционными механизмами реализации судебной власти, осуществления дознавательских, следственных, прокурорских полномочий и «встречных» диспозитивных правомочий. А правовое значение уголовно-процессуальной фор-

мы напрямую связано с надобностью разумного ограничения достаточно широкого арсенала потенциально возможных средств и методов социальных взаимоотношений, в том числе приемов познания окружающей реальности. Оно сводится к своеобразной фильтрации допустимых к использованию способов поведения участников досудебного либо судебного производства, то есть к помещению осуществляемой для нужд уголовной юстиции деятельности в «правильное» русло, отражающее условия развития соответствующего государства и ценностные ориентиры соответствующего общества. И в этой связи ученые не без основания высказывались о процессуальной форме как о неотъемлемом элементе уголовного судопроизводства [1, с. 7], считали ее важнейшей детерминантой законности правоприменительной практики, эффективной гарантией защиты личности от судебных ошибок и произвола [2, с. 255]. Кроме того, справедливо заявлялось о самом тесном переплетении феномена уголовно-процессуальной формы в целом и ее отдельных воплощений в частности с назначением, принципами и прочими правовыми условиями уголовного судопроизводства, со всеми институтами уголовно-процессуального права, с полномочиями субъектов уголовной юрисдикции, правами и обязанностями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, иных заинтересованных лиц и т.д. [2, с. 256].

Вместе с тем в доктринальных источниках можно встретить по крайней мере три подхода к пониманию уголовно-процессуальной формы. Несмотря на методологическую близость, каждому из них свойственны вариативные детали. Так, по мнению одних авторов, уголовно-процессуальной формой надлежит считать совокупность законодательно установленных условий и требований, определяющих порядок (юридическую процедуру) уголовного судопроизводства в целом и осуществления различных процессуально-поведенческих приемов (действий, решений и пр.) в частности [1, с. 9; 3, с. 51]. В других публикациях уголовно-процессуальной формой предлагается признавать не столько условия и требования, сколько сам порядок (юридическую процедуру) реализации императивных полномочий суда, прокуратуры, органов предварительного расследования, их должностных лиц, прав и обязанностей подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, прочих невластных субъектов досудебного либо судебного производства [4, с. 33; 5, с. 72]. Третий подход зиждется на своеобразном доктринальном компромиссе: уголовно-процессуальная форма отождествляется и с установленными законом правилами проведения участников соответствующих пра-

воотношений, и с порядком осуществления ими своих полномочий, прав и обязанностей [6, с. 102–103; 7, с. 121].

Замысел настоящей статьи не связан с подробным рассмотрением каждого из указанных подходов и определением наиболее разумного из них – данным вопросам посвящены иные публикации автора [8, с. 68–70]. Поэтому, говоря о вариативности взглядов на сущность уголовно-процессуальной формы, необходимо лишь ограничиться констатацией наиболее разумной точки зрения. Думается, что под ней (формой) все же надлежит понимать не законодательно установленные условия или требования, не юридические нормы и правила, а сам порядок (сами процедуры) осуществления процессуально-поведенческих приемов. Иными словами, уголовно-процессуальную форму нужно воспринимать как отражение практической направленности уголовного судопроизводства, соотносить ее не столько с «сухими» и абстрактными положениями закона, сколько с действиями и решениями должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры, представителей судебной власти, с фрагментами работы обвиняемых, защитников, потерпевших, экспертов, других невластных участников уголовно-процессуальной деятельности. А смысл уголовно-процессуальной формы, ее подлинную роль как одного из важнейших атрибутов уголовной юстиции в правовом государстве надлежит четко увязывать с удовлетворением очевидных потребностей в существовании юридических гарантий приемлемости и одновременно продуктивности гипотетически возможных способов реализации государственно-властных полномочий и диспозитивных правомочий участников досудебного и судебного производства, доброкачественности результатов соответствующих действий, решений, прочих поведенческих приемов: правовых средств обеспечения законности и эффективности осуществления базовых и вспомогательных процессуальных функций, стандартов доказывания, конституционных и других прав личности, уважения к суду и правосудию, воспитательного воздействия предварительного расследования и судебного разбирательства, иных присущих соответствующей нации социально-правовых ценностей и ориентиров.

О свойствах уголовно-процессуальной формы и ее предрасположенности к дифференциации. В соответствии с существующими на сегодняшний день подходами к российской системе уголовного судопроизводства в целом и его отдельным механизмам и процедурам в частности уголовно-процессуальную форму можно наделить тремя вполне очевидными

свойствами: единством, всеобщностью и обязательностью.

Так, единством уголовно-процессуальной формы надлежит считать процедурную идентичность порядков выполнения одинаковых поведенческих приемов вне зависимости от места их осуществления, то есть на всей территории действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс). Другими словами, единство формы не предполагает возможность существования различных и даже вариативных способов реализации одних и тех же процессуальных полномочий (правомочий) в разных субъектах Российской Федерации (каких-то иных частях страны) наподобие более федеративных подходов к уголовному судопроизводству (например, подхода к организации уголовной юстиции в США или некогда существовавшего подхода к порядку уголовного судопроизводства в СССР).

Концепт единства уголовно-процессуальной формы обусловлен вытекающим из п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации предписанием о включении соответствующей сферы правового (законодательного) регулирования в предмет федерального ведения. Другими словами, в настоящее время субъектам Российской Федерации запрещается устанавливать какие-либо особые уголовно-процессуальные процедуры, какие-либо особенности «стандартных» механизмов досудебного или судебного производства по уголовному делу, обусловленные спецификой данных регионов¹.

К слову, несмотря на конституционный фундамент, согласиться с таким принципом построения уголовного процесса достаточно сложно. Ведь субъекты Российской Федерации – чрезвычайно неоднородные территории и социальные общности. Они располагают разной площадью, характеризуются различиями в количестве, плотности, благосостоянии и ментальности населения, в степени развитости дорожного полотна, транспорта, средств коммуникации и т.д., в связи с чем вряд ли предрасположены к абсолютной тождественности целого ряда дознавательских, следственных, судебных и прочих процессуальных процедур. Проще говоря, некоторые детали уголовно-процессуальной формы, будучи вполне приемлемыми для, скажем,

Белгородчины или Орловщины, могут оказаться совершенно непригодными для Дагестана, Чечни или Северной Осетии, например; какие-либо процедурные нюансы уголовного судопроизводства, рассчитанные на использование в Красноярском крае, Якутии, Иркутской области, других «гипертерриториальных» регионах, зачастую становятся совершенно бесполезными, в чем-то даже предрасположенными к причинению ущерба нормальному течению соответствующих правоотношений, в компактно расположенных в городах федерального значения – Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе.

Конечно, общие подходы к порядку выполнения одних и тех же процессуально-поведенческих приемов должны быть унифицированы – в противном случае может возникнуть опасность выхолащивания конституционного принципа равенства всех людей перед законом и судом. Однако правотворческие полномочия субъектов Российской Федерации, позволяющие устанавливать какие-либо процедурные детали или особенности осуществления тех или иных уголовно-процессуальных отношений, не принесли бы никакого ощутимого вреда, а, наоборот, могли бы способствовать оптимизации правоприменительной практики возбуждения, расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел, по крайней мере приблизить уголовный процесс к населению и в прямом, и в переносном смыслах.

Таким образом, недостатки единства уголовно-процессуальной формы никоим образом не перекликаются и не могут перекликаться с насущными потребностями в ее дифференциации, во всяком случае в общепризнанном понимании данного правового явления. Рассуждая о подобном единстве, уместно говорить лишь о теоретической возможности разграничения режимов производства одних и тех же процессуальных действий, принятия одних и тех же процессуальных решений исключительно по территориальному принципу, то есть в зависимости от особенностей развития различных субъектов Российской Федерации. Тогда как с возникновением каких-либо иных, не связанных с региональным многообразием дифференцированных порядков решения стоящих перед уголовной юстицией задач, свойство единства уголовно-процессуальной формы вообще не соотносится.

Под обязательностью уголовно-процессуальной формы надлежит понимать требование, побуждающее всех участников соответствующих правоотношений, в первую очередь органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру и суды, к точному и неукоснительному

¹ Для справедливости все же стоит обратить внимание на предусмотренную ч. 1 ст. 18 УПК РФ возможность осуществления уголовного судопроизводства на государственных языках республик, входящих состав Российской Федерации. Однако ввиду явной непредрасположенности данной нормы к надлежащему использованию и отсутствия соответствующей правоприменительной практики указанная особенность вряд ли может способствовать возникновению сомнений в единстве уголовно-процессуальной формы.

выполнению процедурных правил производства процессуальных действий, принятия процессуальных решений, реализации иных процессуальных полномочий, прав, обязанностей, соблюдения предусмотренных Кодексом запретов и ограничений. Обязательность уголовно-процессуальной формы – важнейшее условие законности уголовного судопроизводства, определяющее юридическую доброкачественность его результатов, в том числе приговоров. Поэтому в случаях невыполнения установленных Кодексом требований могут наступать различные санкционные последствия – от отмен процессуальных решений, отказов в удовлетворении заявленных волеизъявлений и применения различных мер уголовно-процессуального принуждения до дисциплинарной, административной и даже уголовной ответственности. Причем нетрудно заметить, что свойство обязательности уголовно-процессуальной формы тоже никак не соотносится с вопросами ее дифференциации, не вступает в какой-либо диссонанс с существованием (потребностью в существовании) нескольких параллельных порядков решения стоящих перед уголовной юстицией задач.

И, наконец, всеобщность уголовно-процессуальной формы надлежит отождествлять с известным требованием об использовании вытекающих из смысла Кодекса процедурных подходов в отношении любых дознавательских, следственных, прокурорских либо судебных производств по всем уголовным делам и прочим относящимся к ведению уголовной юстиции правовым спорам, конфликтам, другим вопросам независимо от их предмета, содержания, объема, сложности и т.д. Другими словами, как уже неоднократно заявлялось в публикациях автора настоящей статьи, под такой всеобщностью надлежит понимать «требование о распространении установленного УПК РФ правового режима на все находящиеся в производстве российских органов предварительного расследования и судов уголовные дела вне зависимости от каких-либо юридических или фактических обстоятельств» [8, с. 74].

При этом представляется, что именно данное свойство и предрасположено к тем самым исключениям, которые детерминируют дифференциацию уголовно-процессуальной формы. Думается, что было бы большой ошибкой увязывать свойство всеобщности с невозможностью существования нескольких коллинеарных режимов работы органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, предполагающих одновременное, как бы параллельное существование двух, трех или более альтернативных способов решения одних и тех же, либо во всяком случае схожих, уголовно-процессуальных задач.

Основания для указанной дифференциации, в частности, могут обуславливаться далеко не одинаковой тяжестью совершенных деяний, разницей в степени правовой защищенности участников соответствующих правоотношений, различиями в отношении разных обвиняемых (подозреваемых) к осуществляемым уголовным преследованиям, многими другими причинами. Например, предварительное расследование допускается проводить посредством предварительного следствия, ординарного дознания и сокращенного дознания, тогда как рассматривать уголовное дело в первой инстанции возможно в общем порядке, в основном на согласии подсудимого с предъявленным обвинением упрощенном порядке (гл. 40 УПК РФ), и в усложненном порядке работы суда с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ). Для этапа «предания суду» (подготовки к судебному заседанию) характерными являются «камеральный» режим изучения судьей поступивших материалов (гл. 33 УПК РФ) и проводимое в условиях состязательности предварительное слушание (гл. 34 УПК РФ), тогда как стадии исполнения приговора присущ общий порядок рассмотрения «пост-приговорных» вопросов (ст. 399 УПК РФ) и особый порядок рассмотрения ходатайств о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ).

Заключение. На основании изложенного можно полностью подтвердить высказанную в начале настоящей статьи научную гипотезу: единство уголовно-процессуальной формы вообще не стоит так или иначе противопоставлять возможности ее дифференциации. Если существование тех или иных дифференцированных производств и стоит признавать попиранием уголовно-процессуальной формы, а предложения о введении новых дифференцированных производств – очередным «посягательством» на ее ценность, то данные противоречия надлежит увязывать не столько со свойством единства, сколько со свойством всеобщности такой формы.

Хотя все подобные противоречия – это не более чем очередные теоретические фантомы, думается, что многообразие способов осуществления дознавательских, следственных, прокурорских и судебных полномочий, прав и обязанностей иных участников уголовного судопроизводства никоим образом нельзя признавать противоречащим свойству всеобщности уголовно-процессуальной формы. Ведь каждый из таких способов прямо предусматривается Кодексом, по крайней мере достаточно четко вытекает из его смысла, иногда подлежащего пониманию с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и (или)

разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Следовательно, каждый из них является ничем иным как частным компонентом полипроцедурного, включающего множество вариативных компонентов, но при этом достаточно целостного, установленного единым законодательным актом порядка решения стоящих перед уголовной юстицией задач. Более того, вопреки нашедшим отражение в УПК РФ правотворческим позициям «коллективного законодателя» (читай – авторов-разработчиков Кодекса), далеко не все подобные способы вообще надлежит считать самостоятельными производствами, то есть продуктами подлинной дифференциации уголовно-процессуальной формы. Некоторые из них, будучи «громко» названными особыми порядками, в реальности сводятся лишь к совокупности нескольких весьма разнородных особенностей, свойственных возбуждению, предварительному расследованию, судебному разбирательству и разрешению некоторых раз-

новидностей уголовных дел: в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ), в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ), в отношении предпринимателей и т.д.

Таким образом, на основании всего изложенного уголовно-процессуальную форму можно определить как отражающий условия развития соответствующего государства и ценностные ориентиры соответствующего общества, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством и детерминированный юридическими гарантиями продуктивности и доброкачества получаемых результатов, единый, всеобщий и обязательный порядок возбуждения, предварительного расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел, который предполагает многообразие способов осуществления дознавательских, следственных, прокурорских, судебных полномочий, реализации прав и обязанностей иных участников уголовного судопроизводства.

Литература

---

1. **Якуб М.Л.** Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – Москва: Юридическая литература, 1981. – 144 с.
2. Судебная практика в советской правовой системе; под ред. С.Н. Братуся. – Москва: Юридическая литература, 1975. – 327 с.
3. **Строгович М.С.** Курс советского уголовного процесса. – Москва: Наука, 1968. Т. 1. – 470 с.
4. **Чельцов М.А.** Советский уголовный процесс. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1951. – 511 с.
5. **Рахунов Р.Д.** Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1961. – 277 с.
6. **Шпилев В.Н.** Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск: издательство Белорусского университета имени В.И. Ленина, 1974. – 143 с.
7. Курс советского уголовного процесса. Общая часть; под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – Москва: Юридическая литература, 1989. – 638 с.
8. **Россинский С.Б.** Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 9 (118). – С. 67–79.

References

---

1. **Yakub M.L.** Processual'naya forma v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1981. – 144 s.
2. Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoj sisteme; pod red. S.N. Bratusya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1975. – 327 s.
3. **Strogovich M.S.** Kurs sovetskogo ugovnogo processa. – Moskva: Nauka, 1968. T. 1. – 470 s.
4. **Chel'cov M.A.** Sovetskij ugovnyj process. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1951. – 511 s.
5. **Rahunov R.D.** Uchastniki ugovno-processual'noj deyatel'nosti po sovetskomu pravu. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1961. – 277 s.
6. **Shpilev V.N.** Soderzhanie i formy ugovnogo sudoproizvodstva. – Minsk: izdatel'stvo Belorusskogo universiteta imeni V.I. Lenina, 1974. – 143 s.
7. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. Obshchaya chast'; pod red. A.D. Bojkova, I.I. Karpeca. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1989. – 638 s.
8. **Rossinskij S.B.** Ugovno-processual'naya forma: sushchnost', problemy, tendencii i perspektivy razvitiya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – T. 15. – № 9 (118). – S. 67–79.

(статья сдана в редакцию 05.05.2025)

ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

TYPICAL PERSONALITY TRAITS OF A CRIMINAL WHO COMMITS CRIMES AGAINST THE SEXUAL INSECURITY OF MINORS

УДК 343.9

П.В. ЕЛФИМОВ,
доктор медицинских наук
(Уральский юридический институт
МВД России,
Россия, Екатеринбург)
pavelfimov@mail.ru

PAVEL V. ELFIMOV,
Doctor of Medical Sciences
(Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Yekaterinburg, Russia)

Аннотация: важнейшими задачами российского уголовного законодательства выступают охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, а также предупреждение преступлений. Актуальность избранной темы определяется тем, что половые отношения являются и всегда будут являться одной из самых деликатных, требующих особого внимания и понимания сфер общественных отношений. Преступные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, под которой понимается выражение права несовершеннолетних не быть вовлеченными в половые отношения, образуют повышенную общественную опасность для потерпевшего. Методика расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних характеризуется повышенной сложностью и многоэтапностью, насыщенностью рекомендуемых и обязательных следственных действий, а также необходимостью применения особых тактических приемов при их производстве. Однако современные реалии предъявляют еще более высокие требования к криминалистической методике, поскольку повсеместно распространяется преступная практика совершения преступлений против половой неприкосновенности в сети Интернет. От практической применимости и актуальности криминалистической методики во многом зависит результативность расследования указанных преступлений.

Ключевые слова: личность преступника, половые преступления, несовершеннолетний, криминалистическая характеристика преступления, психическое расстройство.

Для цитирования: Елфимов П.В. Типичные черты личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 48–53.

Abstract: one of the tasks of Russian criminal legislation is the protection of human and civil rights and freedoms, property, public order and public safety, and the prevention of crimes. The relevance of the chosen topic is determined by the fact that the sphere of sexual relations is and always will be one of the most delicate, requiring special attention and understanding. Criminal attacks on the sexual integrity of minors, which is understood as the expression of the right of minors not to be involved in sexual relations. The methodology of investigating crimes against the sexual integrity of minors is characterized by increased complexity and multi-stage, richness of recommended and mandatory investigative actions, as well as the need to use special tactics in their production. However, modern realities place even higher demands on criminalistic techniques, since the criminal practice of committing crimes against sexual integrity on the Internet is widespread. The effectiveness of the investigation of these crimes largely depends on the practical applicability and relevance of the forensic methodology.

Keywords: criminal's identity, sexual offenses, minor, criminalistic characteristics of the crime, mental disorder.

For citation: Elfimov P.V. Typical personality traits of a criminal who commits crimes against the sexual insecurity of minors // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 48–53.

На протяжении всей истории становления и развития криминалистической методики расследования половых преступлений против несовершеннолетних признавалось, что такие преступления характеризуются спецификой вследствие особенностей как самого потерпевшего, так и преступника. Криминалистические портреты типичного преступника и потерпевшего по определенным категориям преступлений всегда признавались значимой частью криминалистической методики расследования преступления в целом, поскольку во многом определяют действия следственных органов, тактику организации отдельных следственных действий и планирования расследования. В отношении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних эта часть криминалистической методики в силу названных выше обстоятельств приобретает особое значение.

Значимость детального криминалистического исследования личности участников события определяется обстоятельствами совершения преступления: насильственному половому акту или иным насильственным действиям предшествует взаимодействие между потерпевшим и виновным определенного характера, что может иметь значение не только для квалификации содеянного (например, в части разграничения способов подавления воли потерпевшего важно имело ли место насилие, прежде всего психологическое, при котором невозможно выявить следы насильственного воздействия), но и определять алгоритм расследования преступлений. Криминалистически значимые признаки преступления появляются и в результате взаимодействия виновного с объектами материального мира, что оставляет следы на месте преступления, которые должны быть обнаружены и зафиксированы следователем, а затем изучены и учтены при установлении обстоятельств преступного события [1, с. 94].

Следует признать, что в практической деятельности традиционно незначительное внимание уделяется криминалистическому портрету личности потерпевшего. Это во многом обусловлено тем, что уголовно-процессуальный закон не включает характеристику личности потерпевшего в предмет доказывания по уголовному

делу согласно ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (за исключением тех случаев, когда особенные черты личности потерпевшего необходимо установить, чтобы правильно квалифицировать преступное посягательство – разграничить преступное и не преступное, разграничить смежные составы преступлений, разграничить основной, квалифицированный или особо квалифицированный составы преступлений). В действительности для расследования преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение имеет только установление возраста потерпевшего – как биологического, так и психологического. Этим зачастую на практике и ограничивается информация о потерпевшем для субъекта расследования [2, с. 301]. Как отмечает Н.В. Тыдыкова, «существующая концепция уголовно-правовой политики в сфере охраны половых отношений не отвечает современным потребностям общества и требует иных решений на уровне оснований криминализации деяний, дифференциации ответственности за них и закрепления их признаков в тексте уголовного закона» [3, с. 6].

Признавая значимость характеристики потерпевшего для планирования расследования преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, в рамках настоящего считаем необходимым уделить внимание криминалистическим особенностям портрета и несовершеннолетнего потерпевшего, и преступника.

Черты личности преступника не являются обособленным информационным банком для субъекта расследования, а находятся в тесной взаимосвязи с событием преступления, механизмом совершения преступления и особенностями поведения преступника после совершения преступного посягательства. По данному вопросу достаточно точно высказывался Н.П. Яблоков, который отмечал, что «информация о личности преступника, сопоставленная с данными о способе, механизме и обстановке совершения преступления,

¹ Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

создает новую самостоятельную информацию, позволяющую правильно определить направление и способы розыска, задержания и последующего изобличения преступника» [4, с. 29].

По мнению В.А. Брусенцевой и Н.А. Яковлева, «для криминалистической характеристики половых преступлений против несовершеннолетних особой значимостью характеризуются следующие области сведений о личности преступника:

1) социально-демографические (традиционно включают сведения о поле, возрасте, уровне образования, наличия судимости и некоторые другие социальные измерители);

2) психические (приобретают особую значимость, поскольку преступления против несовершеннолетних в большинстве случаев свидетельствуют о наличии каких-либо отклонений у преступника: так, если преступник совершеннoletний и совершает преступление против несовершеннолетнего, то в большинстве случаев идет речь о расстройстве сексуального спектра; если же насильственный акт имеет место со стороны несовершеннолетнего в отношении сверстника или лица, которое младше его по возрасту, то может быть поставлен вопрос об отклонениях в психическом развитии преступника, наличия у него признаков повышенной агрессии и т.д.; о психическом состоянии виновных важно получить своевременные сведения и в том случае, когда половое преступление совершено в составе группы);

3) взаимоотношения преступника и жертвы сексуального посягательства (поскольку насильственному преступлению в абсолютном большинстве случаев предшествует какое-либо взаимодействие между жертвой и насильником, то исследование этих обстоятельств в большинстве случаев способствует правильной квалификации содеянного. Достаточно обратить внимание на ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусмотревшей ответственность за развратные действия, которые могут быть совершены в сети Интернет: для того чтобы правильно квалифицировать содеянное, субъект расследования должен изучить всю переписку, чтобы установить, было ли известно виновному о действительном возрасте жертвы);

4) сведения о судимости (ученые предлагают выделять эти данные в самостоятельную группу по той причине, что неоднократное совершение насильственных действий, т.е. повторение преступного деяния уже после получения судимости за аналогичное преступление, указывает на особую общественную опасность или особое состояние психического здоровья преступника) [5, с. 93].

С учетом представленной структуры криминалистической характеристики личности преступника, совершающего половые преступления против несовершеннолетних, представляется необходимым подробнее остановиться на каждом элементе [6, с. 45].

Следует подчеркнуть, что анализ состояния преступности за 2024 г. показал, что менее десяти процентов составлял удельный вес таких преступлений, как насильственные действия сексуального характера – 3,4% (в 2023 г. – 3,6%), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, – 2,0% (в 2023 г. – 2,0%), изнасилование и покушение на изнасилование – 1,5% (в 2023 г. – 1,4%), развратные действия – 1,4% (в 2023 г. – 1,4%), понуждение к действиям сексуального характера – 0,1% (в 2023 г. – 0,1%). В пятилетней динамике на 38,6% увеличилось число развратных действий (с 2 192 в 2020 г. до 3 038 в 2024 г.), за последний год показатель уменьшился на 0,9% (с 3 067 до 3 038). О повышении эффективности профилактической деятельности органов внутренних дел также свидетельствует стабильная тенденция снижения отдельных преступлений против личности. За последние пять лет сократилось количество изнасилований и покушений на изнасилование на 12,2%: с 3 535 в 2020 г. до 3 104 в 2024 г.; насильственных действий сексуального характера на 5,3%: с 7 433 в 2020 г. до 7 036 в 2024 г., за 2024 г. – на 15,1% (с 8 285 до 7 036); понуждений к действиям сексуального характера на 17,8% (с 236 в 2020 г. до 194 в 2024 г.), за 2024 г. – на 8,5%; половых сношений и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, на 21,5% (с 5 319 в 2020 г. до 4 175 в 2024 г.), за 2024 г. – на 9,6% (с 4 616 до 4 175)².

По расследованным в 2024 г. уголовным делам число несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств со стороны близких членов семьи, составило около 2 тыс. человек³. По словам уполномоченной по правам ребенка Марии Львовой-Беловой, в России с 2018 г. наблюдается рост преступлений против половой неприкосновенности, и «что еще пе-

² Аналитический обзор «Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 г. и ожидаемые тенденции ее развития» согласно п. 1.1. Плана-графика научно-исследовательской работы ВНИИ МВД России на 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2024-godu/>

³ Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1967409/>

чальнее, половина этих случаев идет из семьи, то есть совершается близкими родственниками внутри семьи»⁴.

Согласно статистическим данным, в абсолютном большинстве случаев насильником является лицо мужского пола (97%). Предполагается, что данное обстоятельство обусловлено физиологическими особенностями мужчин, а также наличием у них достаточных ресурсов для физического подавления сопротивления жертвы. Эти статистические данные подтверждаются и источниками, генерирующими информацию по всему миру [7, с. 158]. Следует обратить внимание на то, что среди несовершеннолетних жертвами сексуального насилия становятся и лица женского пола, и лица мужского пола. Как отмечается в литературе, «причина такого рода половой дифференциации при совершении сексуальных посягательств заключается как в нарушении полоролевой идентичности, так и в социальных приемлемых способах снятия психоэмоционального напряжения у мужчин и женщин» [8, с. 31].

Распределение насильников по возрастным группам позволяет получить следующую картину типологических черт личности преступника, совершающего половое преступление против несовершеннолетних:

- 1) 16–18 лет – 7%;
- 2) 18–25 лет – 23%;
- 3) 25–35 лет – 12%;
- 4) 35–45 лет – 34%;
- 5) 45–55 лет – 4%;
- 6) 55 лет и старше – 20% [4, с. 94].

Как видно, значительная доля преступников в общей структуре приходится на лиц в возрасте 35–45 лет, а далее количество преступлений практически в равной степени распределилось между группами 18–25 лет (23%) и 55 лет и старше (20%). Совершение насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних преимущественно людьми зрелого возраста связывается в научной литературе «с психологическим состоянием таких лиц, накоплением негативного опыта и переживаний, а также имеющимися в жизни насильника конфликтами» [9, с. 31]. В качестве одного из наиболее распространенных факторов, которые подталкивают насильников мужского пола на совершение насильственных преступлений, являются переживания и конфликты, тем или иным образом связанные со сферой сексуальных отношений.

⁴ Львова-Белова заявила о росте числа преступлений против половой неприкосновенности детей в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3344115>

Если приведенные выше сведения позволяют получить наиболее полное представление о потенциальном портрете преступника, хотя и ясно, что такие преступления фактически может совершить человек в любом возрасте, то следующий критерий – уровень образования – дает еще более расплывчатое представление о характеристиках преступника. Статистические данные о состоянии здоровья лиц, привлеченных к уголовной ответственности за насильственные преступления против несовершеннолетних, «учитывают не состояние здоровья в целом, а те данные, которые имеют значения для решения вопроса о возможности привлечения к ответственности (вменяемость или невменяемость) и для назначения определенных мер медицинского характера (амбулаторное или стационарное лечение, сопряженное с назначением наказания или же назначаемое вместо него)» [10, с. 120]. Исследуя официальную статистику, необходимо принимать во внимание, что многие значимые характеристики психического состояния виновного остаются за рамками внимания судов. Так, согласно официальной статистике, из числа лиц, совершающих насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, только 8% осужденных признаны невменяемыми, а в отношении остальных 92% не установлены соответствующие основания и не применены принудительные меры медицинского характера [11, с. 93].

Когда речь идет о совершении насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних лиц, то особое внимание принято уделять такому психическому заболеванию, как педофилия, в силу которого виновный, находясь в зрелом возрасте, испытывает сексуальное влечение к детям, как правило, пубертатного или более раннего возраста. В психиатрической литературе приводятся различные варианты и классификации данного заболевания в зависимости от возраста потерпевших, к которым виновный испытывает сексуальное влечение, и пола потерпевшего. В основу классификации также закладывают психопатологический вариант течения болезни, в рамках которой выделяют навязчивый (обсессивный); компульсивный; импульсивный; псевдорационалистический [12, с. 87].

Искаженные психологические установки лиц, совершающих преступления против несовершеннолетних лиц, служат для них оправданием собственного противоправного поведения. В частности, к числу таких искаженных установок они относят «желание обучить ребенка тому, что пригодится в жизни, что чем раньше ребенок получит сексуальный опыт, тем лучше для

него; объясняют свое поведения отсутствием инициативы со своей стороны и наличием активной инициативы со стороны жертвы ...право на удовлетворение сексуальных потребностей доступным способом, потому что такое влечение диктует природа и это не является осознанным выбором...» [13, с. 94].

О.Н. Гусева в рамках своего исследования приводит объяснения поведения лиц, привлеченных к ответственности за совершение насильственных половых преступлений против несовершеннолетних. Согласно полученным результатам причины совершения указанных преступлений распределились следующим образом: «недоступность лиц женского пола (17,6% опрошенных); боязнь или стеснение сексуальной близости со взрослыми лицами противоположного пола (11,9% опрошенных), совершение педофильного преступления из мести, желания наказать или унижить (8,8% опрошенных), 2,9% опрошенных поддались своему желанию, в то же время не смогли дать объяснение причины совершения ими преступления 58,8% респондентов» [14, с. 20].

Возвращаясь к иным социальным характеристикам преступников, совершающих преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, важно обратить внимание на еще одну криминалистически значимую характеристику: в подавляющем большинстве случаев сексуальное насилие в отношении детей совершается в семье, в которой проживает ребенок, а именно со стороны лиц, воспитывающих детей, но не являющихся им кровными родителями. Соответственно, чаще всего насильниками становятся лица мужского пола, проживающие в незарегистрированном браке с матерью жертвы. В общей структуре насильственной преступности такие преступления составляют 31%. Следовательно, неполные семьи, где ребенок воспитывается родной матерью и неродным сожителем матери, составляют группу риска в исследуемом аспекте. Также значительная доля насильственных преступлений против детей совершается в приемных семьях – в общей структуре преступности такие связи представлены показателем 18%. Лишь в 7% случаев сексуальное насилие в отношении детей имело место со стороны лиц,

находящихся с ребенком в кровнородственных отношениях. Риск совершения преступлений исследуемого спектра также имеется со стороны педагогических работников – доля таких преступлений составляет 9% в общей структуре преступности. Со стороны иных знакомых (друзей, соседей, иных родственников) насилие в отношении детей имело место в 11% случаев. Несмотря на то что насилие в вышеуказанных случаях очевидно характеризуется достаточно высокими показателями, немалая доля насильственных действий пришлась и на случаи, когда потерпевший не был знаком с насильником до момента преступления – такие преступления составили 24% в общей структуре [15, с. 148].

В завершение анализа характеристик личности типичного преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, следует привести данные о судимости. Как следует из сложившейся практики, из 100% осужденных за насильственные преступления в отношении детей только 56% подвергались привлечению к уголовной ответственности впервые и, соответственно, 44% уже имели судимости ранее, при этом из указанных лиц 67% были осуждены именно за сексуальные преступления [16, с. 169]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в науке уголовного права имеет место дискуссия о возможности закрепления в качестве квалифицирующего именно обстоятельства, связанного с личностью виновного, так как такие обстоятельства должны учитываться при индивидуализации наказания. В качестве квалифицирующих могут быть учтены только черты личности, проявившиеся в преступлении [17, с. 174].

Таким образом, криминалистические черты личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, складываются из следующих признаков: как правило, это мужчина в возрасте 35–45 лет, несколько реже – в возрасте 18–25 лет, имеющий судимость за ранее совершенное насильственное преступление, в некоторых случаях – за преступление другого характера, проживающий с потерпевшим в одной семье, однако не являющийся его кровным родственником.

Литература

---

1. **Кушхов Р.Х.** Потерпевший как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 94–96.
2. **Пырьева Е.И., Сосунова Е.И.** Криминалистический анализ личности потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 301–305.
3. **Тыдыкова Н.В.** Концепция российской уголовно-правовой политики в сфере охраны половых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. – Барнаул, 2024. – 563 с.
4. **Яблоков Н.П.** Криминалистика: учебник и практикум для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 239 с.

5. **Брусенцева В.А., Яковлев Н.А.** Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Социально-политические науки. – 2017. – № 1. – С. 93–100.
6. **Виноградова О.П.** Криминалистическая характеристика преступления как ключевой элемент совершенствования частных методик расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 45–49.
7. **Кирюхин А.Б., Шмарион П.В.** Анализ современного состояния преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых в семье // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 158–162.
8. **Дворянчикова Н.В.** Полоролевая идентичность у лиц с девиантным поведением: дис. ... канд. психолог. наук. – Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1998. – 178 с.
9. **Елфимов П.В., Виноградова О.П.** Информационное значение судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз при расследовании половых преступлений против несовершеннолетних // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 3 (27). – С. 120–124.
10. **Виноградова О.П.** Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в отношении несовершеннолетних как элемент механизма реализации норм уголовного закона // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2022. – № 1 (42). – С. 22–26.
11. Криминальная сексология: учебное пособие / Г.Б. Дерягин, Н.Д. Эриашвили, Ю.М. Антонян, С.Я. Лебедев. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 318 с.
12. Криминальная сексология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Ю.М. Антоняна. – изд. перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 399 с.
13. **Малиева А.С.** Психологические особенности насильственных видов действий сексуального характера // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. – 2023. – № 2. – С. 87–92.
14. **Гусева О.Н.** Педофильная виктимизация и виктимологическая профилактика педофильных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 238 с.
15. **Елфимов П.В., Виноградова О.П.** Проблемные аспекты первоначального этапа расследования половых преступлений против несовершеннолетних // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2022. – № 4 (78). – С. 143–148.
16. **Виноградова О.П.** Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, совершаемые с использованием сети Интернет, в отношении несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 1 (102). – С. 169–179.
17. **Рогова Е.В.** Правила построения квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления // Проблемы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 172–178.

References

---

1. **Kushkhov R.H.** Poterpevsijij kak element kriminalisticheskoi harakteristiki prestupleniya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2015. – № 8. – С. 94–96.
2. **Pyr'eva E.I., Sosunova E.I.** Kriminalisticheskij analiz lichnosti poterpevsijij po delam o prestupleniya protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody lichnosti, sovershennykh nesovershennoletnimi // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 2. – С. 301–305.
3. **Tydykova N.V.** Konceptsiya rossijskoi ugolovno-pravovoi politiki v sfere ohrany polovykh otnoshenij: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Barnaul, 2024. – 563 s.
4. **Yablokov N.P.** Kriminalistika: uchebnik i praktikum dlya vuzov. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurajt, 2025. – 239 s.
5. **Brusenceva V.A., Yakovlev N.A.** Kriminalisticheskaya harakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya protiv polovoi neprikosnovennosti nesovershennoletnih // Social'no-politicheskie nauki. – 2017. – № 1. – С. 93–100.
6. **Vinogradova O.P.** Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya kak klyuchevoi element sovershenstvovaniya chastnykh metodik rassledovaniya // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 2. – С. 45–49.
7. **Kiryuhin A.B., Shmarion P.V.** Analiz sovremennogo sostoyaniya prestuplenij protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody nesovershennoletnih, sovershaemykh v sem'e // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2. – С. 158–162.
8. **Dvoryanchikova N.V.** Polorolevaya identichnost' u lic s deviantnym povedeniem: dis. ... kand. psiholog. nauk. – Moskva: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1998. – 178 s.
9. **Elfimov P.V., Vinogradova O.P.** Informacionnoe znachenie sudebno-psihiatricheskoi i sudebno-psihologicheskoi ekspertiz pri rassledovanii polovykh prestuplenij protiv nesovershennoletnih // Altajskij juridicheskij vestnik. – 2019. – № 3 (27). – С. 120–124.
10. **Vinogradova O.P.** Kompleksnaya sudebnaya psihologo-psihiatricheskaya ekspertiza v otnoshenii nesovershennoletnih kak element mekhanizma realizacii norm ugolovnogo zakona // Pravoohranitel'nye organy: teoriya i praktika. – 2022. – № 1 (42). – С. 22–26.
11. Криминальная сексология: учебное пособие / Г.Б. Дерягин, Н.Д. Эриашвили, Ю.М. Антонян, С.Я. Лебедев. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 318 с.
12. Криминальная сексология: учебное пособие для студентов вузов, обучаемых по специальности «Юриспруденция» / под ред. Ю.М. Антоняна. – изд. перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 399 с.
13. **Малиева А.С.** Психологические особенности насильственных видов действий сексуального характера // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. – 2023. – № 2. – С. 87–92.
14. **Гусева О.Н.** Педофильная виктимизация и виктимологическая профилактика педофильных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 238 с.
15. **Елфимов П.В., Виноградова О.П.** Проблемные аспекты первоначального этапа расследования половых преступлений против несовершеннолетних // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2022. – № 4 (78). – С. 143–148.
16. **Vinogradova O.P.** Tipichnye sledstvennye situacii pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestuplenij, sovershaemye s ispol'zovaniem seti Internet, v otnoshenii nesovershennoletnih // Nauchnyj vestnik Orlovskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. – 2025. – № 1 (102). – С. 169–179.
17. **Rogova E.V.** Pravila postroeniya kvalificiruyushchih i privilegiruyushchih priznakov sostava prestupleniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2013. – № 5. – С. 172–178.

(статья сдана в редакцию 29.05.2025)

**ЭВОЛЮЦИЯ АКТУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР
ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ****EVOLUTION OF CURRENT LEGAL REGULATION OF PREVENTIVE
MEASURES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

УДК 343.132

О.Е. ГОЛОВКИН,
кандидат юридических наук
(Договорно-правовой департамент
МВД России,
Россия, Москва)
ogolovkin@rambler.ru

OLEG E. GOLOVKIN,
Candidate of Law
(Department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Е.С. КРАМСКАЯ,
кандидат юридических наук
ekrsm@mail.ru

EKATERINA S. KRAMSKAYA,
Candidate of Law

Аннотация: работа, в которой раскрываются основные тенденции в законодательном регулировании института мер пресечения, посвящена вопросам развития системы мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Приводимыми аргументами иллюстрируется многолетний вектор на гуманизацию обозначенной сферы путем ограничения оснований и условий заключения под стражу при одновременном расширении возможностей применения альтернативных мер пресечения. Дополнительно иллюстрируется сложившийся баланс таких мер, который является оптимальным и характеризуется дальнейшим поступательным развитием в сторону эффективности. Данный процесс в условиях современной уголовной политики усилил актуальность расширения практики применения мер пресечения, не связанных с изоляцией лиц от общества.

Указанная необходимость обостряется в ходе уголовного преследования руководителей крупных предприятий, когда применяемые к ним процессуальные ограничения, связанные с изоляцией от общества, могут затормозить или нарушить работу основного источника дохода значительного количества лиц. При этом сформированный за долгое время определенный объем мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, позволяет в значительной мере исключить весьма негативный для экономики и общества результат.

Постепенная эволюция мер пресечения представлена в виде анализа последовательных изменений уголовно-процессуального законодательства. Одновременно обращается внимание на планомерную либерализацию уголовного судопроизводства в отношении представителей предпринимательского сообщества.

В работе приведены репрезентативные статистические данные, которыми подкреплены соответствующие выводы. Обозначены существующие проблемы и основные направления совершенствования системы мер пресечения и механизма их применения.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное уголовное судопроизводство, меры пресечения, гуманизация.

Для цитирования: Головкин О.Е., Крамская Е.С. Эволюция актуального правового регулирования мер пресечения в досудебном производстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 54–58.

Abstract: the work is devoted to the development of the system of preventive measures in criminal proceedings of the Russian Federation. The main trends in the legislative regulation of the institute of preventive measures are revealed.

The arguments presented illustrate the long-term vector of humanization of the designated sphere by limiting the grounds and conditions of detention while expanding the possibilities of using alternative preventive measures. Additionally, the established balance of preventive measures is illustrated, which is optimal and is characterized by further progressive development towards optimization. This optimization in the context of modern criminal policy has increased the relevance of expanding the practice of applying preventive measures not related to the isolation of persons from society.

This need is exacerbated in the implementation of criminal prosecution of heads of large enterprises, when the procedural restrictions applied to them related to isolation from society can slow down or disrupt the work of the main source of income of a significant number of people. At the same time, a significant volume of preventive measures alternative to detention, formed over a long period of time, makes it possible to largely exclude this negative result for the economy and society.

The gradual evolution of preventive measures is presented in the form of an analysis of successive changes in criminal procedure legislation. At the same time, attention is drawn to the systematic liberalization of criminal proceedings in relation to representatives of the business community.

The work presents representative statistical data that support the relevant conclusions. Existing problems and the main directions for improving the system of preventive measures and the mechanism for their application are noted.

Keywords: criminal process, pre-trial criminal proceedings, preventive measures, humanization.

For citation: Golovkin O.E., Kramskaya E.S. Evolution of current legal regulation of preventive measures in pre-trial proceedings // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 54–58.

Основным вектором развития законодательного регулирования института мер пресечения в уголовном судопроизводстве была и остается их поступательная гуманизация. На необходимость реализации данного подхода неоднократно обращал внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин¹. Особенно такая тенденция характерна в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности [1, с. 14; 2, с. 30; 3, с. 117; 4, с. 119; 5, с. 33].

К примеру, установленное еще в 2009 г. правило о недопустимости заключения под стражу предпринимателей неоднократно корректировалось: расширялся перечень преступлений, по которым установлен запрет применения обозначенной меры пресечения (с четырех статьей в 2009 г. до сорока девяти статей Уголовного кодекса Российской Федерации в 2025 г.); уточнялись критерии отнесения деятельности к предпринимательской и иной экономической; был сокращен перечень исключительных обстоятельств, при которых допускается заключение под стражу предпринимателя, в частности когда его личность не установлена. В 2016 г. закреплено право встречи подозреваемого и обвиняемого, находящихся под стражей или домашним арестом, на неограниченные по количеству

и продолжительности свидания с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов в сфере предпринимательской деятельности. В 2023 г. расширены обстоятельства, которые должны учитываться при избрании меры пресечения, а также усложнена процедура избрания заключения под стражу и продления его срока. В частности, закреплено требование о необходимости рассмотрения вопроса о влиянии избираемой меры пресечения на осуществление предпринимательской деятельности, повышены уровни руководителя следственного органа и прокурора, которые уполномочены продлевать сроки предварительного следствия и дознания, а также давать согласие на ходатайство о продлении срока содержания под стражей по уголовным делам в отношении предпринимателей. При этом установлено, что необходимость дальнейшего производства следственных действий не может являться единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей.

Продолжается курс на постепенное сокращение оснований для заключения под стражу предпринимателей, применение иных нормативных фильтров. Например, установлено, что в случае истечения сроков давности уголовного преследования и продолжения производства по уголовному делу не могут применяться задержание и меры пресечения, за исключением отдельных случаев, указанных в соответствующих статьях

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации В.В. Путина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73390> (дата обращения: 19.08.2024)

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

При этом перечисленные тенденции гуманизации законодательства характерны не только для предпринимателей, но и для иных лиц.

Так, 11 марта 2025 г. в УПК РФ закреплены дифференцированные правила заключения под стражу лиц в зависимости не только от категории преступления (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие), но и его характера (совершения преступления с применением насилия или угрозы его применения либо без применения насилия или угрозы его применения); определены ограничения заключения под стражу так называемых «социально уязвимых лиц» (например, беременных женщин); установлен запрет избрания такой меры пресечения в отношении лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями.

Гуманистическая направленность указания закона еще на этапе его разработки нашла свою поддержку в научном сообществе [6, с. 3]. В целом мы разделяем и поддерживаем идею законопроекта об ограничении применения меры пресечения в виде заключения под стражу определенных категорий подозреваемых и обвиняемых. Однако, не подвергая сомнению цель гуманизации уголовно-процессуального законодательства, заметим, что в действующей (до и после внесения указанных изменений) ст. 108 УПК РФ имелось (имеется) прямое предписание, что мера пресечения в виде заключения под стражу должна применяться только в случаях, «когда применение иной, более мягкой, меры пресечения невозможно». Ст. 108 УПК РФ содержит исчерпывающий (закрытый) перечень оснований для заключения под стражу, который тем не менее дает судам высокий уровень вариативности при принятии решения.

Таким образом, задача исключения помещения под стражу лиц, в отношении которых объективных оснований для применения такой меры не имелось, определено может быть решена на судебном уровне без излишних изменений (конкретизации) УПК РФ.

Синхронно развивается и адаптируется под потребности правоприменительной практики, в том числе в целях гуманизации, нормативная правовая регламентация мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. Были укреплены гарантии прав обвиняемого при домашнем аресте путем законодательного установления пределов содержания лица под домашним арестом, а также правила о том, что его срок засчитывается в срок содержания под стражей. Расширена возможность применения залога путем снижения со ста до пятидесяти тысяч рублей его минимального размера, который допускается

по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Важной вехой в развитии системы мер пресечения стало введение в 2018 г. неизвестного ранее российской юридической практике запрета определенных действий, состоящего из своего рода конструктора ограничений, выбор вида и количества которых зависит от конкретных обстоятельств. Этот конструктор включает в себя запреты, связанные с выходом за пределы жилого помещения, нахождением в определенных местах, общением с определенными лицами, использованием почтово-телеграфных отправлений и иных средств связи, управлением автомобилем. Запрет определенных действий заложил основу для вариативности применения меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества. В то же время содержит потенциал реального обеспечения участия подозреваемого и обвиняемого в уголовном судопроизводстве при одновременном учете прав и законных интересов потерпевшего. Данное нововведение также значительно укрепило принудительную составляющую залога, который усилен возможностью возложения ограничений, предусмотренных запретом определенных действий.

Вместе с этим была скорректирована сущность домашнего ареста, подразумевающая полную изоляцию подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении. Такое решение было вызвано в первую очередь тем, что время нахождения лица под домашним арестом приравнивалось к сроку содержания под стражей. До внесения изменений домашний арест неоправданно сокращал предельный срок содержания под стражей, а впоследствии – срок наказания, поскольку зачет времени изоляции в жилище независимо от того, полная ли она или частичная, в срок содержания под стражей производился по единой формуле – один к одному. Этот подход не согласовывался с актуальным для уголовного процесса [7, с. 19] принципом справедливости (ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации), поскольку условия содержания лиц, заключавшихся под стражу, и лиц, находившихся под домашним арестом с правом покидать жилище, существенно различаются [8, с. 143]. Кроме того, приравнивание домашнего ареста к содержанию под стражей приводило к невозможности применения заключения под стражу даже в случае, когда подозреваемый или обвиняемый продолжает заниматься преступной деятельностью или угрожает свидетелям и потерпевшему.

Конституционный Суд Российской Федерации придерживался позиции, что правовые последствия применения домашнего ареста и заключения под стражу (в части, касающейся взаимозаче-

та сроков изоляции) должны быть аналогичными в том случае, если домашний арест предусматривает полную изоляцию в жилище. Новое же регулирование дифференцировало правила зачета, определив, что к одному дню содержания под стражей приравнивается один день домашнего ареста или два дня запрета покидать жилище в определенное время.

В результате принятия соответствующего федерального закона повышен уровень гуманизации ограничения прав подозреваемых и обвиняемых.

В то же время получен положительный экономический эффект в условиях системного тренда на цифровизацию [9, с. 84], оптимизацию и удешевление уголовного судопроизводства [10, с. 88]. Это стало возможным за счет сокращения расходов бюджета на содержание подозреваемых и обвиняемых под стражей в результате снижения количества лиц, содержащихся под стражей; сокращения возможных случаев возмещения вреда, связанного с нарушениями прав лиц, содержащихся под стражей; расширения практики применения залога с запретом совершения определенных действий.

В 2022 г. установлены конкретный срок применения залога и порядок его продления, что укрепило гарантии своевременного возврата внесенных средств и повысило гибкость регулирования. Таким образом, представленные изменения УПК РФ иллюстрируют курс на постепенную корректировку (снижения количества) оснований для заключения под стражу, создания дополнительных нормативных фильтров при заключении лиц под стражу; плавное повышение гибкости (адаптации под потребности правоприменительной практики) норм, регламентирующих избрание альтернативных названной мер пресечения.

Закономерным следствием указанных решений являются следующие тенденции. Так, согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей², в период с 2013 по 2023 г. более чем в полтора раза сократилось количество заявленных органами предварительного расследования ходатайств об избрании заключения под стражу (с 145,7 тыс. в 2013 г. до 93,3 тыс. в 2023 г.) и, соответственно, удовлетворенных судами (с 133 тыс. до 82,4 тыс.). Аналогичная картина наблюдается по уголовным делам, находившимся в производстве органов предварительного следствия и дознания МВД России, где число заключенных под стражу лиц

уменьшилось с 86,4 тыс. в 2013 г. до 45,6 тыс. в 2024 г.³

Фиксируется устойчиво низкий уровень количества удовлетворенных судами ходатайств о заключении под стражу предпринимателей. Их доля от общего количества в течение указанного периода не превышает одного процента. При этом ходатайства о заключении под стражу предпринимателей суды в среднем удовлетворяют на 15,5% реже, чем в остальных случаях. Например, в 2023 г. удовлетворено таких ходатайств 72,8%. В то же время доля удовлетворенных ходатайств в отношении остальных категорий составила 88,3%.

Вместе с тем наблюдается стабильный рост количества альтернативных мер пресечения домашнего ареста более чем в два раза (если в 2013 г. было заявлено 3,4 тыс. ходатайств, из которых удовлетворено 3 тыс., то в 2023 г. – уже 8,7 тыс. и 7,5 тыс. соответственно). По уголовным делам, находившимся в производстве органов предварительного следствия и дознания МВД России, зафиксировано более внушительное увеличение числа лиц, помещенных под домашний арест, почти в три раза: с 2,6 тыс. в 2013 г. до 6,1 тыс. в 2024 г.; возрастание запрета определенных действий более чем в двенадцать раз по сравнению с первым годом его применения (в 2018 г. было заявлено 347 ходатайств, из которых удовлетворено 301, а в 2023 г. – 4,4 тыс. и 4 тыс. соответственно).

Но это не означает, что все проблемы в данной сфере устранены. Например, имеются трудности, связанные с низкой технологической оснащенностью контролирующих органов за соблюдением лицами запретов, связанных с мерами пресечения, в том числе ночью [11, с. 52] (например, сами по себе устройства несовершеннолетним и предрасположены к ложному срабатыванию). Существуют также организационные проблемы с доставкой лиц, находящихся под домашним запретом, между субъектами Российской Федерации.

Резюмируя, следует отметить, что в Российской Федерации сформирована действенная система мер пресечения, отвечающая назначению уголовного судопроизводства. Правовые механизмы их избрания характеризуются гибкостью, разумностью подходов к ограничению прав и свобод лица, привлекаемого к уголовной ответственности, позволяющие соблюдать разумный баланс вытекающих из требований закона публичных и частных интересов.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.08.2024).

³ Статистические сведения по Форме № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» [Электронный ресурс] // Ведомственный портал ФКУ «ГИАЦ МВД России».

Литература

1. **Кирпу А.В.** Проблемные аспекты при определении критериев предпринимательской деятельности при применении меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении экономических преступлений // *Российский следователь*. – 2025. – № 1. – С. 14–18.
2. **Жиделев А.Д.** Особенности избрания мер пресечения, действующих без судебного решения, по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности // *Мировой судья*. – 2024. – № 9. – С. 29–34.
3. **Левченко И.А.** Риск уголовного преследования в бизнесе как вид предпринимательского риска // *Современное право*. – 2024. – № 4. – С. 116–119.
4. **Шарипова А.Р.** Процессуальные особенности уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях // *Журнал российского права*. – 2024. – № 4. – С. 119–131.
5. **Сычев П.Г.** Модернизация уголовного судопроизводства в контексте его либерализации для предпринимателей // *Предпринимательское право*. – 2024. – № 1. – С. 33–38.
6. **Москалькова Т.Н.** Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав лиц, находящихся под стражей // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. – 2024. – № 1. – С. 2–6.
7. **Победкин А.В.** Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // *Труды Академии управления МВД России*. – 2024. – № 1 (69). – С. 17–27.
8. **Марковичева Е.В.** Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // *Правосудие*. – 2023. – № 3. – С. 140–153.
9. **Соболев А.В., Хусайнова А.Х.** Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в борьбе с преступностью / Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере компьютерной информации или с применением компьютерных технологий в условиях цифровизации экономики и государственного управления: материалы Межвузовского круглого стола, Москва, 23 ноября 2023 г. – Москва: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 83–87.
10. **Головкин О.Е., Крамская Е.С.** Оплата труда переводчика в ходе уголовного судопроизводства: некоторые вопросы требуют разъяснений // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2024. – № 1 (65). – С. 87–91.
11. **Шурухнов Н.Г.** Должностное лицо органа дознания – органа исполнительной власти (уголовно-исполнительной системы) как носитель процессуальных полномочий // *Вестник уголовно-исполнительной системы*. – 2023. – № 9. – С. 49–57.

References

1. **Kirpu A.V.** Problemnye aspekty pri opredelenii kriteriev predprinimatel'skoj deyatel'nosti pri primenении меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении экономических преступлений // *Rossijskij sledovatel'*. – 2025. – № 1. – С. 14–18.
2. **Zhidelev A.D.** Osobennosti izbraniya mer presecheniya, dejstvuyushchih bez sudebnogo resheniya, po ugovolnym delam o prestupleniyah v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti // *Mirovoj sud'ya*. – 2024. – № 9. – С. 29–34.
3. **Levchenko I.A.** Risk ugovolnogo presledovaniya v biznese kak vid predprinimatel'skogo riska // *Sovremennoe pravo*. – 2024. – № 4. – С. 116–119.
4. **Sharipova A.R.** Processual'nye osobennosti ugovolnogo presledovaniya po delam o nalogovyh prestupleniyah // *Zhurnal rossijskogo prava*. – 2024. – № 4. – С. 119–131.
5. **Sychev P.G.** Modernizatsiya ugovolnogo sudoproizvodstva v kontekste ego liberalizatsii dlya predprinimatelej // *Predprinimatel'skoe pravo*. – 2024. – № 1. – С. 33–38.
6. **Moskal'kova T.N.** Aktual'nye problemy obespecheniya i zashchity prav lic, nahodyashchih pod strazhej // *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. – 2024. – № 1. – С. 2–6.
7. **Pobedkin A.V.** Spravedlivos't' ugovolnogo sudoproizvodstva kak uslovie ego legitimnosti // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. – 2024. – № 1 (69). – С. 17–27.
8. **Markovicheva E.V.** Transformatsiya domashnego aresta kak mery presecheniya v rossijskom ugovolnom processe // *Pravosudie*. – 2023. – № 3. – С. 140–153.
9. **Sobolev A.V., Husajnova A.H.** Nekotorye voprosy primeneniya iskusstvennogo intellekta v bor'be s prestupnost'yu / Aktual'nye voprosy rassledovaniya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii ili s primeneniem komp'yuternyh tekhnologij v usloviyah cifrovizatsii ekonomiki i gosudarstvennogo upravleniya: materialy Mezhvuzovskogo kruglogo stola, Moskva, 23 noyabrya 2023 g. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta imeni A.Ya. Suhareva, 2024. S. 83–87.
10. **Golovkin O.E., Kramskaya E.S.** Oplata truda perevodchika v hode ugovolnogo sudoproizvodstva: nekotorye voprosy trebuyut raz'yasnenij // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. – 2024. – № 1 (65). – С. 87–91.
11. **Shuruhnov N.G.** Dolzhnostnoe lico organa doznaniya – organa ispolnitel'noj vlasti (ugolovno-ispolnitel'noj sistemy) kak nositel' processual'nyh polnomochij // *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*. – 2023. – № 9. – С. 49–57.

(статья сдана в редакцию 24.04.2025)

О КВАЛИФИКАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ И РЯДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

ABOUT QUALIFICATIONS OF RAPE AND CERTAIN CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY

УДК 343.54

А.В. ГРИШИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
ronsove@bk.ru

ANDREY V. GRISHIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Ю.П. ЯКУБИНА,

кандидат юридических наук, доцент
(Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
up_ulia@mail.ru

YULIA P. YAKUBINA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрена проблематика уголовно-правовой квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Современные представления о половом акте претерпели значительные изменения. Нравы становятся более свободными, секс давно перестал рассматриваться исключительно как способ зачатия ребенка. Поэтому в настоящее время никто не возьмется делить половые акты на «нормальные» и «извращенные», поскольку границы данных понятий сегодня очень подвижны. Вместе с тем подходы к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность остаются неизменными и по-прежнему достаточно жестко преследуются уголовным законом. Данные преступления характеризуются повышенной степенью общественной опасности ввиду того, что наносят морально-психологический ущерб, искажая нормальное представление о половой жизни, ценности семьи, процессе деторождения, а также могут выступать предпосылкой для последующего девиантного поведения – проституции, наркомании, алкоголизма. Несмотря на «традиционность» понимания состава изнасилования и некоторых похожих преступлений, до сих пор возникают проблемы, связанные с их квалификацией, не говоря уже о том, что появляются новые особенности и способы их совершения. Ввиду этого в статье освещаются как общие черты, так и отдельные проблемные аспекты уголовно-правовой квалификации преступлений против половой неприкосновенности личности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации: общая характеристика изнасилования (ст. 131), его отличие от насильственных действий сексуального характера (ст. 132), отдельные квалифицирующие признаки этих преступлений против половой неприкосновенности, а также отграничения изнасилования от насильственных действий сексуального характера и некоторых иных смежных составов преступлений.

Приводятся примеры из судебной и следственной практики.

Ключевые слова: преступление, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, преступления против половой неприкосновенности, состав преступления, квалификация преступлений, потерпевшая.

Для цитирования: Гришин А.В., Якубина Ю.П. О квалификации изнасилования и ряда преступлений против половой неприкосновенности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 59–67.

Abstract: the article is devoted to the consideration of the issues of criminal law qualification of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual.

Modern ideas about sexual intercourse have undergone significant changes. Morals are becoming more liberal, sex has long ceased to be considered exclusively as a way to conceive a child. Therefore, at present, no one will undertake to divide sexual acts into «normal» and «perverted», since the boundaries of these concepts are currently very flexible. At the same time, approaches regarding encroachment on sexual freedom and sexual inviolability remain unshakable and are still quite harshly prosecuted by criminal law. These crimes are characterized by an increased degree of public danger due to the fact that they cause moral and psychological damage, distorting the normal understanding of sexual life, the value of family, the process of childbearing, and can also serve as a prerequisite for subsequent deviant behavior - prostitution, drug addiction, alcoholism.

Because, despite the “traditional” understanding of the composition of rape and some similar crimes, problems still arise related to their qualification. Not to mention the fact that new features and methods of committing them are emerging. This is not to mention that new features and ways of doing them appear.

In view of this, the article highlights both the general features and individual problematic aspects of the criminal-legal qualification of crimes against the sexual inviolability of the individual, provided for by the Criminal Code of the Russian Federation: general characteristics of rape (Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation), its difference from violent acts of a sexual nature (Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation), individual qualifying features of these crimes against sexual inviolability, as well as the distinctions between rape and violent acts of a sexual nature and some other related crimes.

Examples from judicial and investigative practice are given.

Keywords: crime, rape, sexual assault, crimes against sexual integrity, corpus delicti, qualification of crimes, victim.

For citation: Grishin A.V., Yakubina Y.P. About qualifications of rape and certain crimes against sexual inviolability // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 59–67.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому человеку в числе его прав и свобод гарантируется половая неприкосновенность.

Судебная практика последних лет показывает, что привлечение к ответственности за преступления против половой неприкосновенности происходит практически по всем составам гл. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Ситуация здесь достаточно стабильна и в большинстве случаев заканчивается постановлением обвинительного приговора с реальным лишением свободы¹. Не является исключением в этом вопросе и практика Орловского региона, где помимо всего прочего возросло число сексуальных преступлений в отношении детей².

¹ Судебная статистика Российской Федерации. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ [Электронный ресурс]. – URL: stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 05.07.2024).

² В Орловской области выросло число сексуальных преступлений в отношении детей [Электронный ресурс]. – URL: https://orelimes.ru/news/proisshestvija/v-orlovskoj-oblasti-vyroslo-chislo-seksualnyh-prestuplenij-v-otnoshenii-detej/?doing_wp_cron=1740655190.4658620357513427734375

Актуальность проблемы связана с высоким уровнем совершения преступлений, охватываемых ст. 131, 132 УК РФ, затруднениями в их квалификации в связи с отсутствием в научной литературе определения некоторых понятий [1, с. 203–206], сложностью разграничения со смежными составами (ст. 133, 134, 135 УК РФ и некоторыми другими), общественной опасностью указанных деяний. Помимо этого, рассматриваемые преступления характеризуются повышенной степенью латентности, поскольку жертвы зачастую замалчивают совершение преступления, боясь мести со стороны насильника, равно как и общественного осуждения.

Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности имеет глубокие исторические корни, уходящие еще в эпоху Древней Руси. В то время регулирование половых отношений основывалось на церковных нормах и канонах. Одним из первых документов, устанавливающих ответственность за сексуальные преступления, стал Устав князя Ярослава «О церковных судах» (1015–1054 гг.). Интересным является тот факт, что наказание зависело от социального положения потерпевшей. В Уставе выделялись такие составы, как блуд с монахиней,

изнасилование, в том числе групповое, скотоложство и кровосмешение.

С периода правления Петра I, несмотря на масштабные реформы, значительных изменений в регулировании половых преступлений в уголовном законодательстве не происходило. Половые отношения продолжали регулироваться главным образом религиозными нормами.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 2080) предусматривалась уголовная ответственность за действия, развращающие детей, причем законодатели уточняли, что виновными в таких преступлениях могли быть родители потерпевших. Схожая регламентация содержалась в ст. 1285 того же Уложения, где субъектами преступлений назывались родственники, в том числе и родители. В ст. 1303 документа особое внимание уделялось еще одной категории лиц – наставникам, учителям и опекунам, которые могли распространять вредные изображения. В связи с этим в Уложении просматривается бессистемность норм, поскольку значительное внимание уделялось так называемым специальным субъектам преступления.

Ситуация стала более структурированной после принятия Уголовного уложения 1903 г. Этот акт включал широкий спектр норм, регулирующих ответственность за действия, нарушающие психическое и сексуальное развитие, и половую неприкосновенность несовершеннолетних. Среди таких норм, например, ч. 3 ст. 515 и ст. 513 предусматривали «ответственность за любые действия любострастного характера, совершенные без полового акта, в отношении ребенка младше 14 лет или подростков 14–16 лет с их согласия, если эти действия нарушали их невинность». Также ст. 520 регламентировала ответственность за добровольные половые связи с несовершеннолетними в возрасте от 14 до 16 лет [2, с. 277].

Принципиальным нововведением Уложения 1903 г. стало разделение ответственности в зависимости от возраста потерпевшего. Законодатель подчеркивал, что установление возраста жертвы является важнейшим элементом, влияющим на квалификацию преступления. Отдельно выделялось, что если любострастное действие совершалось родителями, опекунами или другими лицами, от которых ребенок находился в зависимости, то наказание за такие деяния ужесточалось. Также новым стало введение ответственности за насильственные действия сексуального характера в отношении девушек старше 16 лет, если они были совершены против их воли.

Уголовное уложение 1903 г. имело более последовательную и логически продуманную структуру, чем предыдущие нормы, однако так и не вступило в силу в полном объеме. Тем не менее многие по-

ложения данного документа впоследствии легли в основу Уголовных кодексов РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. [3, с. 107].

В настоящее время с принятием УК РФ вопросы квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера в целях единообразия правоприменительной практики посвящено постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее – ПП ВС РФ № 16)³. Неоднократно свою правовую позицию об ответственности за насильственные действия сексуального характера высказывал и Конституционный Суд Российской Федерации⁴.

В отличие от ст. 131 УК РФ, согласно действующему законодательству, потерпевшим по преступлению, предусмотренному ст. 132 УК РФ, может считаться как мужчина, так и женщина. Это существенно расширяет круг лиц, которые могут быть потенциальными объектами насильственных действий и, соответственно, отличается от нормы ст. 131 УК РФ, где потерпевшей выступает исключительно женщина. В советский период разграничение по половому признаку было более очевидным. Ст. 117 Уголовного Кодекса РСФСР 1960 г. защищала половую свободу женщины, а ст. 121 Уголовного Кодекса РСФСР 1960 г. – половую неприкосновенность мужчины. При этом упомянутая ст. 121, в отличие от ст. 117, преследовала и добровольное мужеложство (ч. 1 упомянутой ст. 121).

ПП ВС РФ № 16 обращено внимание, что к преступлениям, предусмотренным ст. 131 и 132 УК РФ, относятся половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера в отношении потерпевшего лица (потерпевшей или потерпевшего), которые совершены вопреки его воле и согласию и с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. При этом в ППВС РФ № 16 дается разъяснение о том, что мотив полового преступления (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть,

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2024).

⁴ Определение № 1830-О/2023 по жалобе на неконституционность ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера» Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2024).

желание унизить потерпевшее лицо и т.п.) для квалификации содеянного значения не имеет.

С точки зрения нормативного закрепления непосредственных объектов у данных преступлений несколько: половая свобода; половая неприкосновенность; нормальное психофизиологическое развитие жертвы; безопасность и сохранность здоровья; телесная неприкосновенность; безопасность жизни [4, с. 474–480; 5, с. 96–99].

Объективная сторона преступлений такого рода заключается в половом сношении, совершенном против воли женщины либо без ее согласия. В данном случае важно рассмотреть различия между ст. 131 УК РФ и ст. 132 УК РФ. Диспозиция ст. 131 УК РФ описывает действия изнасилования, которые подразумевает насильственное удовлетворение сексуальных потребностей преступника. Ключевое отличие этих двух норм заключается в том, что ст. 132 УК РФ определяет иные различные виды сексуального насилия, включая в себя акт мужеложства, лесбиянство, охватывает прочие действия сексуального характера, совершенные с применением насилия, но не классифицируемые как изнасилование.

Под насилием в ст. 131 и 132 УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы. Стоит отметить, что при совершении обоих преступлений могут быть причинены повреждения, например ссадины, ушибы, порезы, гематомы. Если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему лицу был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями ст. 131 и 132 УК РФ и дополнительной квалификации не требуется [6, с. 123–124]. Но если происходит умышленное причинение тяжкого вреда здоровью жертвы, то действия виновного требуют квалификации и по соответствующей части ст. 111 УК РФ (п. 2 ПП ВС РФ № 16).

Отдельно следует остановиться на беспомощном состоянии потерпевшего. Помимо уже перечисленных нами составляющих данного понятия к этому следует отнести пребывание потерпевшей (потерпевшего) в состоянии опьянения. При этом неважно, сам ли обвиняемый привел ее (его) в состояние опьянения или просто воспользовался тем, что жертва была пьяна или находилась под действием наркотиков.

Здесь следует выделить также некоторые проблемы применения норм, связанных с защитой половой неприкосновенности несовершеннолетних. В примечании 1 к ст. 131 УК РФ указано, что лица младше 12 лет автоматически считаются

беспомощными. Как отмечает Е.К. Газданова, это правило вводит особый подход к квалификации преступлений, совершенных против таких лиц. На основании этого положения развратные действия, направленные против детей до 12 лет, приравниваются к насильственным действиям сексуального характера [7, с. 227].

Существует дискуссия среди ученых относительно такой квалификации. А.И. Рарог поддерживает уравнивание контактных развратных действий с насильственными действиями сексуального характера, но считает, что бесконтактные развратные действия, включая вербальные, не следует оценивать так же строго [8, с. 4]. А.А. Бимбинов также критикует существующий подход, подчеркивая, что развратные действия чаще всего носят бесконтактный характер и не представляют значительной угрозы для физического развития ребенка. В то же время наказания за тяжкие насильственные действия сексуального характера в законе сопоставимы со сроками за квалифицированное убийство, что, по его мнению, нарушает принцип справедливости [9, с. 327]. Е.А. Пашенко, в свою очередь, обращает внимание на нарушение другого фундаментального принципа – субъективного вменения вины, поскольку в действующей редакции подход к квалификации подобных преступлений не всегда учитывает индивидуальные особенности намерений и осознанности действий виновного [10, с. 64]. В доктрине уголовного права отмечается поддержка идеи о беспомощности лиц, не достигших 12 лет, как закреплено в законодательстве [11, с. 9]. А.Н. Каменева, напротив, поддерживает законодательное признание беспомощности лиц младше 12 лет. [12, с. 164, 168]. Однако на самом деле это приводит к новым трудностям, в частности к проблемам квалификации преступлений.

Дискуссионным являются вопросы изнасилования подростков, не достигших четырнадцатилетия. В специальной литературе исследователи указывают на «беспомощность состояния» потерпевшей (потерпевшего), поскольку подростки в этом возрасте уже имеют представление о половой жизни. Кроме того, как показывают статистические данные, ежегодно несколько тысяч девушек в России, не достигших совершеннолетия, рожают детей. Это подтверждается и данными, которые психологи получают от родителей подростков [13, с. 118–128].

Спорным становится понятие «физическая беспомощность». Подросток способен на некоторую самооборону, поэтому нередко исследователи указывают, что к беспомощным лицам нужно относить, скорее, только престарелых и инвалидов, исключив некоторые категории малолетних

из указанного перечисления [14, с. 177–193]. В.В. Путинцева при этом отмечает, что отнесение престарелых лиц к беспомощным лицам также не совсем верно, поскольку престарелыми в российском законодательстве считаются те, кто перешагнул возрастной рубеж в 90 лет. Это значит, что если данная норма будет закреплена в законе, то необходимо будет снизить возрастную планку понятия «престарелый», потому что беспомощность часто наступает намного раньше обозначенного возраста [15, с. 135–137]. Исследователи отмечают, что в таких случаях вопрос о беспомощном состоянии должен решаться индивидуально для каждого ребенка с учетом психологических особенностей его развития [16, с. 192].

Итак, если потерпевшая(ий) находится в беспомощном состоянии, то виновному часто не нужно применять насилие или угрозу для осуществления преступных действий. Однако пассивность жертвы здесь связана с объективными факторами, в число которых входят психическое расстройство; тяжелая болезнь; состояние, при котором беспомощность обусловлена обстановкой на месте происшествия [17, с. 160].

Таким образом, отметим основные признаки, характеризующие субъективную сторону насильственных действий сексуального характера: наличие прямого умысла; формальный состав; осознание преступником социальной опасности преступления, сопряженного с насилием [18, с. 125–128]; цель преступления, выражающаяся в удовлетворении сексуальных потребностей (при этом она может быть связана с иными частными целями); основной мотив – сексуальный, в то же время могут быть и дополнительные мотивы [19, с. 82–84]. Сходство обоих составов заключается в едином способе действия и одинаковых объективных признаках, а различие – в форме удовлетворения полового чувства. У рассматриваемых нами составов совпадают умысел, мотив, непосредственный объект [20, с. 34–37].

На наш взгляд, современные представления о половом акте претерпели значительные изменения. Поэтому в настоящее время никто не возьмется делить половые акты на «нормальные» и «извращенные». Именно поэтому законодатель предписывает в каждом конкретном случае преступления против половой неприкосновенности личности рассматривать характер половой близости для того, чтобы определить нужную норму уголовного законодательства [21, с. 114–117].

Иной острой проблемой в практике уголовного права выступает ограничение развратных действий от других преступлений, которые направлены против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Если после совершения развратных действий виновный приступает к

изнасилованию или осуществляет другие насильственные действия сексуального характера, то такая ситуация должна квалифицироваться как два самостоятельных состава преступления. Развратные действия в этом смысле можно рассматривать как первый шаг к более тяжким преступлениям. Именно поэтому принципиально важно правильно оценить направленность умысла преступника на совершение тех или иных действий [22, с. 43].

Что касается объективной стороны развратных действий, она долгое время вызвала споры среди ученых и практиков. В уголовно-правовой теории выделяют две основные формы подобных действий: физическую и интеллектуальную.

Физические развратные действия предполагают наличие прямого телесного контакта между виновным и потерпевшим или действия, совершаемые в непосредственном присутствии жертвы. Это могут быть непристойные прикосновения или демонстрация обнаженных частей тела, направленные на возбуждение сексуального интереса. При этом, если в процессе совершения таких действий виновный применяет насилие или угрожает потерпевшему, его деяние перерастает в состав преступлений, предусмотренных ст. 131 или 132 УК РФ [23, с. 21–25].

Интеллектуальные развратные действия, напротив, связаны с воздействием на психику потерпевшего через информацию. Эти действия не требуют физического присутствия виновного рядом с жертвой. Примером здесь могут служить непристойные беседы, показ откровенных фотографий или видео, а также провокации к интимным действиям. Наиболее опасной формой такого поведения являются действия, совершенные через Интернет [24, с. 26–27]. Современные технологии открывают дополнительные возможности для злоумышленников. С помощью социальных сетей и мессенджеров преступники могут передавать текстовые сообщения, изображения или видео сексуального характера. Анонимность и возможность скрывать свою личность делают такую деятельность еще более сложной для пресечения. Особую угрозу представляют преступления, затрагивающие несовершеннолетних, поскольку дети, находясь в сети Интернет, часто остаются без должной защиты и легко попадают под влияние злоумышленников [25, с. 157].

В зарубежных правовых системах преступления, связанные с развратными действиями, квалифицируются по признаку того, кто их совершает – родитель, близкое лицо, опекун или лицо, использующее свое служебное положение, что служит основанием для назначения более строгого наказания. В российском уголовном праве эти обстоятельства, обозначенные в п. «п» ч. 1 ст. 63

УК РФ, в целом считаются отягчающими и приводят к усилению наказания. В ряде статей УК РФ такие квалифицирующие признаки уже прямо упомянуты (например, в ст. 150 и 151 УК РФ). Однако в ст. 135 УК РФ специальных квалифицирующих признаков не указано, что вызывает вопрос о внесении подобных обстоятельств для обеспечения более четкого регулирования и дифференциации наказания, особенно когда несовершеннолетний напрямую вовлечен в состав преступления [26, с. 189].

Развратные действия, в отличие от других преступлений сексуальной направленности, могут быть совершены как с применением физического контакта, так и без него. Например, виновный может удовлетворять свое половое влечение бесконтактными способами, которые не сопровождаются насилием. Однако здесь возникает проблема: закон не дает детального определения, какие действия можно отнести к «иным насильственным действиям сексуального характера», что оставляет правоприменителям пространство для субъективной интерпретации [27, с. 27].

Стоит отметить, что изначально норма, регулирующая ответственность за развратные действия, охватывала всех несовершеннолетних до 16 лет. Однако ситуация изменилась после введения примечания к ст. 131 УК РФ, согласно которому любые сексуальные контакты, включая ненасильственные, с детьми младше 12 лет автоматически квалифицируются как изнасилование или насильственные действия сексуального характера. Данное новшество повлияло и на ст. 135 УК РФ, где возрастная граница потерпевших была изменена – теперь она охватывает несовершеннолетних от 12 до 16 лет. Вопросы, связанные с квалификацией развратных действий и сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних, долгое время вызывают споры в научной и практической среде. Некоторые специалисты, такие как А.Д. Обремченко, выделяют важное различие между развратными действиями в отношении детей младше 12 лет и преступлениями, предусмотренными п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. По его мнению, они имеют разные объективные признаки [27, с. 28].

С другой стороны, Е.Ю. Антонова и И.М. Антонов предлагают смотреть на ответственность по ст. 131 и 132 УК РФ исключительно в контексте контактных сексуальных действий. Другими словами, они считают, что данные статьи должны применяться только тогда, когда преступные действия непосредственно затрагивают телесную неприкосновенность потерпевшего [28, с. 409].

Для разграничения насильственных и развратных действий в юриспруденции обычно используют два ключевых критерия: возраст потерпевшего

и применение насилия со стороны виновного [29, с. 203]. Сексуальные действия с детьми младше 12 лет квалифицируются как преступления по ст. 131 УК РФ (изнасилование) или ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера). Ключевым отличительным признаком развратных действий (ст. 135 УК РФ) является отсутствие насилия. Некоторые авторы предлагают дополнить ст. 135 квалифицирующим признаком насилия [30, с. 29], но такая идея вряд ли оправдана.

Таким образом, законодателем и Верховным судом Российской Федерации в ПП ВС РФ № 16 дана достаточно подробная характеристика половых преступлений. При этом, даже несмотря на полноту установления объективного и субъективного составов, на практике могут возникнуть сложности с применением установленного за данные преступления наказания: в силу того, что разные составы могут иметь сходные характеристики, это будет создавать трудность при практическом их применении сотрудниками следственных органов и судов. Отдельные сложности вызывает понятие «беспомощное состояние», которое использует законодатель. Рассмотрев различные точки зрения на указанный вопрос, мы приходим к выводу, что установление такого признака данного лица должно всегда происходить из учета его личностных особенностей, а не из формального отношения его к группе лиц определенного возраста.

Основное отличие ст. 131 и 132 УК РФ лежит в объективной стороне преступления (п. 2, 13 ПП ВС РФ № 16): если при изнасиловании ответственность наступает за половое сношение между мужчиной и женщиной в естественной форме, где потерпевшей стороной является женщина, то ст. 132 УК РФ предполагает ответственность за все прочие насильственные действия сексуального характера. При этом отношения между субъектом и лицом, в отношении которого совершаются насильственные действия, охватываемые ст. 132 УК РФ, не являются важными для квалификации. Позиция аналогична ст. 131 УК РФ, по смыслу которой подвергнуться изнасилованию может и законная супруга, и даже проститутка [31, с. 101].

А.С. Яценко говорит о другой проблеме – о спорности и расплывчатости терминов, применяемых в ст. 132 УК РФ [1, с. 203–206]. Он приводит ряд вопросов, которые до сих пор не разрешены в российском законодательстве, а также говорит о нецелесообразности деления форм сексуальных контактов на «нормальные» и «извращенные».

А.С. Трубинская рассматривает особенности квалификации в случае преступления против несовершеннолетних, а также предлагает ввести в законодательство определение используемого

в законе понятия «малолетний», поскольку дефиниции данного понятия в законе не существует [21, с. 114–117].

Таким образом, в настоящее время до сих пор остаются нерешенными и отдельные проблемы квалификации насильственных действий сексуального характера. Большое количество публикаций по указанной теме показывает, что вопрос разграничения составов ст. 131 УК РФ и ст. 132 УК РФ является дискуссионным. Некоторые исследователи, а также авторы специальной литературы указывают на то, что в законе нет достаточно точных определений и понятий, которые при этом в нем используются, в том числе понятия «действия сексуального характера» [32, с. 203–206].

Безусловно, не является приемлемой ситуация, когда законодательство может содержать в своем тексте отдельные, далеко не однозначные, субъективные и не соответствующие современной правоприменительной практике и ситуации термины. Однако в данном случае в действующем уголовном законодательстве вообще отсутствуют дефиниции некоторых понятий, которыми оперируют вышеуказанные авторы.

Рассмотрев общие и различные черты и различие между изнасилованием и совершением действий сексуального характера, можно сделать следующие выводы: изнасилование всегда совершается мужчиной; потерпевшей при изнасиловании всегда становится женщина (при этом женщина все же может быть привлечена к уголовной ответственности за соучастие в совершении изнасилования); изнасилование

предполагает совершение мужчиной и женщиной традиционного полового акта (то есть вид полового сношения при котором происходит зачатие ребенка); при совершении действий сексуального характера потерпевшим может быть и мужчина, и женщина, то есть субъектом ст. 132 УК РФ могут быть лица обоих полов; действия сексуального характера представляют собой извращенную (нетрадиционную) форму удовлетворения сексуального влечения. То есть разграничивает данные составы объективная сторона преступления.

На практике возникает сложность и в разграничении развратных действий от других преступлений, связанных с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних, особенно от насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ).

Разграничение ответственности производится в зависимости от возраста пострадавшего: если потерпевший ребенок не достиг 12 лет, деяние квалифицируется по ст. 131 или 132 УК РФ.

Для упрощения разграничения преступлений, предусмотренных ст. 132 и 135 УК РФ, следует более точно согласовать название и содержательную часть ст. 132 УК РФ. Это можно реализовать путем расширения диспозиции указанной нормы, включив в нее несовершенные действия сексуального характера, отраженные в названии статьи. Также предлагается дать официальное определение термину «действия сексуального характера», установив, что он подразумевает проникновение виновного в естественные полости тела потерпевшего.

Литература

---

1. **Яценко А.С.** К вопросу о дефинициях терминов «Изнасилование» и «Насильственные действия сексуального характера» и их соотношении // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 203–206.
2. **Мухаметкаримова А.А.** Развратные действия: исторический аспект / Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. С. 272–276.
3. **Пионтковский А.А.** Преступления против личности. – Москва: Юридическая литература, 1980. – 136 с.
4. **Поддубная Е.В.** Понятие изнасилования и насильственных действий сексуального характера // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 474–480.
5. **Пусурманов Г.В.** О правилах квалификации преступлений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2019. – № 1 (69). – С. 96–99.
6. **Акопов Э.М.** Уголовно-правовая характеристика и проблемы общественно опасных последствий изнасилования // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 5 (41). – С. 123–128.
7. **Газданова Е.К.** Ужесточение мер уголовно-правового характера за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста (анализ отдельных изменений в УК РФ) / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции, 30–31 января 2014 г. – Москва: МГЮА им.О.Е. Кутафина, 2014. С. 228–229.
8. **Рарог А.И.** Современные тенденции развития российского уголовного закона / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции, 30–31 января 2014 г. – Москва: МГЮА им.О.Е. Кутафина, 2014. С. 254–259.
9. **Бимбинов А.А.** Потерпевший в составе развратных действий / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Москва, 2015. С. 326–329.
10. **Пащенко Е.А.** Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Северо-Кавказский вестник. – 2012. – № 3. – С. 62–65.
11. **Торговченков В.И.** Проблемы латентности и квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Законность. – 2014. – № 4. – С. 7–10.
12. **Каменева А.Н.** К вопросу об усилении уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 3 (24). – С. 162–166.

13. **Барышева К.А.** Коллизии определения наличия признака беспомощности потерпевшего в некоторых составах преступлений // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 118–128.
14. **Хатуев В.Б.** Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих признаков преступлений/ В.Б. Хатуев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3. – С. 177–193.
15. **Путинцева В.В.** Возраст как критерий беспомощного состояния при изнасиловании // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 135–137.
16. **Готчина Л.В., Логинова Л.В.** Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 192 с.
17. **Логинова Л.В.** Уголовно-правовое и криминологическое исследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. – 160 с.
18. **Акопов Э.М.** Уголовно-правовая характеристика и проблемы общественно опасных последствий изнасилования // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 5 (41). – С. 123–128.
19. **Алексеев А.А.** О некоторых вопросах определения ненасильственных половых преступлений // Молодой ученый. – 2018. – № 8 (194). – С. 82–84.
20. **Гусарова М.В.** Насильственные действия сексуального характера: содержание нормы, проблемы квалификации // Российский следователь. – 2019. – № 8. – С. 34–37.
21. **Трубинская А.С.** Проблемы квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних // Право: история, теория, практика: материалы V Международной научной конференции, Санкт-Петербург, июль 2017 г. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. – С. 114–117.
22. **Данелян Р.С., Данелян С.В.** К вопросу об умысле в ненасильственных преступлениях сексуального характера против несовершеннолетних (ст. 134, 135 УК РФ) / Научные труды: сборник научных трудов кафедр уголовно-правовых дисциплин и уголовного процесса и криминалистики Юридического института МГПУ. – Москва, 2015. С. 41–52.
23. **Сочилина Е.Н.** Общая характеристика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Научный портал МВД России. – 2018. – № 4. – С. 21–25.
24. **Алиева Е.А.** Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Московский Исследовательский Центр. – 2023. – № 6. – С. 26–27.
25. **Шалимова А.В.** Уголовно-правовые особенности объективной стороны развратных действий в отношении несовершеннолетних / Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов научной конференции. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2020. С. 157–158.
26. **Набиуллина Д.А., Колевид М.Л.** Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ / Вопросы развития права и управления в современных условиях: сборник материалов студенческой научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации ученого-правоведа доктора юридических наук, профессора М.Н. Марченко. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2022. С. 187–190.
27. **Оберемченко А.Д.** Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2018. – 29 с.
28. **Антонова Е.Ю., Антонов И.М.** К вопросу о толковании примечания к статье 131 Уголовного кодекса РФ / Проблемы качества российского законодательства: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч., Часть 1. Чебоксары, 1 июня 2023 г. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2023. С. 407–414.
29. **Унтеевская Н.С.** Проблемы квалификации развратных действий / Актуальные исследования студентов и аспирантов в области гуманитарных, общественных, юридических и экономических наук: материалы научного мероприятия «Дни студенческой науки». – Хабаровск, 2021. С. 202–205.
30. **Игнатова А.А.** Проблемы применения норм, направленных на борьбу с насильственными посягательствами на половую неприкосновенность, в свете нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Российский следователь. – 2016. – № 9. – С. 28–31.
31. **Батычко В.Т.** Уголовное право. Общая и Особенная части: курс лекций. – Таганрог: ТРТУ, 2006. – 325 с.
32. **Коняева В.Ю.** Проблемы квалификации насильственных действий сексуального характера // E-Scio. – 2019. – № 7 (34). – С. 196–202.

References

---

1. **Yashchenko A.S.** K voprosu o definitsiyah terminov «Iznasilovanie» i «Nasil'stvennye dejstviya seksual'nogo haraktera» i ih sootnoshenii/ A.S. Yashchenko // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 1. – С. 203–206.
2. **Muhametkarimova A.A.** Razvratnye dejstviya: istoricheskij aspekt / Problemy zashchity prav: istoriya i sovremennost': materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Sankt-Peterburg, 2022. S. 272–276.
3. **Piontkovskij A.A.** Prestupleniya protiv lichnosti. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1980. – 136 s.
4. **Poddubnaya E.V.** Ponyatie iznasilovaniya i nasil'stvennyh dejstvij seksual'nogo haraktera // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2007. – № 1. – С. 474–480.
5. **Pusurmanov G.V.** O pravilah kvalifikacii prestuplenij // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. – 2019. – № 1 (69). – С. 96–99.
6. **Акопов Е.М.** Уголовно-правовая характеристика и проблемы общественно опасных последствий изнасилования // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 5 (41). – С. 123–128.
7. **Gazdanova E.K.** Uzhestochenie mer ugovolno-pravovogo haraktera za prestupleniya protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih, ne dostigshih 14-letnego vozrasta (analiz otdel'nyh izmenenij v UK RF) / Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 30–31 yanvarya 2014 g. – Moskva: MGYuA im.O.E. Kutafina, 2014. S. 228–229.
8. **Rarog A.I.** Sovremennye tendencii razvitiya rossijskogo ugovolnogo zakona / Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 30–31 yanvarya 2014 g. – Moskva: MGYuA im.O.E. Kutafina, 2014. S. 254–259.
9. **Bimbinov A.A.** Poterpevsij v sostave razvratnyh dejstvij / Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Moskva, 2015. S. 326–329.

10. **Pashchenko E.A.** Problemy kvalifikacii prestuplenij protiv polovoj neprikosновенности несовершеннолетних // Severo-Kavkazskij vestnik. – 2012. – № 3. – С. 62–65.
11. **Torgovchenkov V.I.** Problemy latentnosti i kvalifikacii prestuplenij protiv polovoj neprikosновенности несовершеннолетних // Zakonnost'. – 2014. – № 4. – С. 7–10.
12. **Kameneva A.N.** K voprosu ob usilenii ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv polovoj neprikosновенности несовершеннолетних // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2012. – № 3 (24). – С. 162–166.
13. **Barysheva K.A.** Kollizii opredeleniya nalichiya priznaka bespomoshchnosti poterpevshego v nekotoryh sostavah prestuplenij // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2016. – № 4. – С. 118–128.
14. **Hatuev V.B.** Ugolovno-pravovoe znachenie osobyh svoystv poterpevshego ot prestupleniya kak osnovnyh ili kvalificiruyushchih priznakov prestuplenij/ V.B. Hatuev // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 3. – С. 177–193.
15. **Putinceva V.V.** Vozrast kak kriterij bespomoshchnogo sostoyaniya pri iznasilovanii // Molodoj uchenyj. – 2022. – № 40 (435). – С. 135–137.
16. **Gotchina L.V., Loginova L.V.** Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya charakteristika prestuplenij protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody несовершеннолетних: monografiya. – Moskva: YurLitinform, 2015. – 192 s.
17. **Loginova L.V.** Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie prestuplenij protiv polovoj neprikosновенности несовершеннолетних: dis. ... kand. jurid. nauk. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2013. – 160 s.
18. **Akopov E.M.** Ugolovno-pravovaya charakteristika i problemy obshchestvenno opasnyh posledstvij iznasilovaniya // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 5 (41). – С. 123–128.
19. **Alekseev A.A.** O nekotoryh voprosah opredeleniya nasil'stvennyh polovyh prestuplenij // Molodoj uchenyj. – 2018. – № 8 (194). – С. 82–84.
20. **Gusarova M.V.** Nasil'stvennye dejstviya seksual'nogo haraktera: sodержanie normy, problemy kvalifikacii // Rossijskij sledovatel'. – 2019. – № 8. – С. 34–37.
21. **Trubinskaya A.S.** Problemy kvalifikacii nasil'stvennyh polovyh prestuplenij protiv несовершеннолетних // Pravo: istoriya, teoriya, praktika: materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, iyul' 2017 g. – Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2017. – С. 114–117.
22. **Danelyan R.S., Danelyan S.V.** K voprosu ob umysle v nasil'stvennyh prestupleniyah seksual'nogo haraktera protiv несовершеннолетних (st. 134, 135 UK RF) / Nauchnye trudy: sbornik nauchnyh trudov kafedr ugolovno-pravovyh disciplin i ugolovnogo processa i kriminalistiki Yuridicheskogo instituta MGPU. – Moskva, 2015. S. 41–52.
23. **Sochilina E.N.** Obshchaya charakteristika prestuplenij protiv polovoj neprikosновенности несовершеннолетних, sovershennyh s ispol'zovaniem seti Internet // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2018. – № 4. – С. 21–25.
24. **Alieva E.A.** Set' Internet kak sredstvo soversheniya razvratnyh dejstvij // Moskovskij Issledovatel'skij Centr. – 2023. – № 6. – С. 26–27.
25. **Shalimova A.V.** Ugolovno-pravovye osobennosti ob»ektivnoj storony razvratnyh dejstvij v otnoshenii несовершеннолетних / Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij: sbornik materialov nauchnoj konferencii. – Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2020. S. 157–158.
26. **Nabiullina D.A., Kolevid M.L.** Problemy kvalifikacii prestupleniya, predusmotrennogo st. 135 UK RF / Voprosy razvitiya prava i upravleniya v sovremennyh usloviyah: sbornik materialov studencheskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati zaslužennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii uchenogo-pravoveda doktora yuridicheskikh nauk, professora M.N. Marchenko. – Moskva: Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet, 2022. S. 187–190.
27. **Oberemchenko A.D.** Razvratnye dejstviya: ugolovno-pravovaya charakteristika i problemy kvalifikacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Krasnodar, 2018. – 29 s.
28. **Antonova E.Yu., Antonov I.M.** K voprosu o tolkovanii primechaniya k stat'e 131 Ugolovnogo kodeksa RF / Problemy kachestva rossijskogo zakonodatel'stva: sbornik materialov III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch., Chast' 1. Cheboksary, 1 iyunya 2023 g. – Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj universitet imeni I.N. Ul'yanova, 2023. S. 407–414.
29. **Untevskaya N.S.** Problemy kvalifikacii razvratnyh dejstvij / Aktual'nye issledovaniya studentov i aspirantov v oblasti gumanitarnyh, obshchestvennyh, yuridicheskikh i ekonomicheskikh nauk: materialy nauchnogo meropriyatiya «Dni studencheskoj nauki». – Habarovsk, 2021. S. 202–205.
30. **Ignatova A.A.** Problemy primeneniya norm, napravlennyh na bor'bu s nasil'stvennymi posyagatel'stvami na polovuyu neprikosновенnost', v svete novogo postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody lichnosti // Rossijskij sledovatel'. – 2016. – № 9. – С. 28–31.
31. **Batycho V.T.** Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chast': kurs lekcij. – Taganrog: TRTU, 2006. – 325 s.
32. **Konyaeva V.Yu.** Problemy kvalifikacii nasil'stvennyh dejstvij seksual'nogo haraktera // E-Scio. – 2019. – № 7 (34). – С. 196–202.

(статья сдана в редакцию 27.05.2025)

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУДИОЗАПИСИ В
КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*****TOPICAL ISSUES OF USING AUDIO RECORDINGS AS EVIDENCE IN
CRIMINAL PROCEEDINGS**

УДК 343.14

И.Н. ЧЕБОТАРЕВА,кандидат юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
Cheb_irina@mail.ru**IRINA N. CHEBOTAREVA,**Candidate of Law, Associate Professor
(Southwest State University,
Kursk, Russia)**К.А. ЛУНЕВА**(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
technohenia@gmail.com**KSENIYA A. LUNEVA**(Southwest State University,
Kursk, Russia)**А.Н. РЕЙЦ**(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
ognevaa36@gmail.com**ANNA N. REITS**(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: в условиях цифровизации общества в процессе производства по уголовному делу все чаще используются аудиозаписи, фиксирующие значимые для раскрытия преступления обстоятельства. Актуальность исследования обусловлена активным проникновением цифровых технологий в уголовное судопроизводство и использованием аудиозаписей в качестве доказательств. Это порождает серьезные процессуальные проблемы, требующие научного анализа и правового регулирования. Степень научной разработки темы признается недостаточной, особенно в части комплексного решения вопросов, связанных с использованием записей, полученных негласно или непроцессуальным путем, а также единообразие правоприменительной практики. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе доказывания по уголовным делам с использованием аудиозаписей. Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие статус, получение, проверку и оценку аудиозаписей как доказательств, а также складывающаяся правоприменительная практика. Цель работы заключается в проведении комплексного анализа актуальных проблем использования аудиозаписи в качестве доказательства и разработке предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения. Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ судебной практики) методы. В результате исследования проанализированы проблемы квалификации аудиозаписи как вида доказательств и процессуального оформления ее получения; выявлены сложности оценки относимости, допустимости и достоверности таких доказательств. Проанализирована противоречивая правоприменительная практика и выявлены пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве. Разработаны конкретные предложения по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части регламентации использования аудиозаписей. Теоретическая значимость работы заключается в развитии теории доказательств в условиях цифровизации, практическая – в определении критериев при выработке рекомендаций для законодателя, следственных органов и судов по обеспечению эффективного и законного использования аудиозаписей в уголовном процессе в качестве доказательств.

* Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM – 2025–0010). Регистрационный номер: 1024031900131-7-5.5.1.

Ключевые слова: аудиозапись в уголовном процессе, электронные доказательства, иные документы, вещественные доказательства, допустимость доказательств, достоверность доказательств.

Для цитирования: Чеботарева И.Н., Лунева К.А., Рейц А.Н. Актуальные вопросы использования аудиозаписи в качестве доказательства в уголовном процессе // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 68–76.

Abstract: in the context of digitalization of society, audio recordings that record circumstances significant for solving a crime are increasingly used in criminal proceedings. The relevance of the study is due to the active penetration of digital technologies into criminal proceedings, where audio recordings are increasingly used as evidence, which gives rise to serious procedural problems that require scientific analysis and legal regulation. The degree of scientific development of the topic is recognized as insufficient, especially in terms of a comprehensive solution to issues related to the use of recordings obtained secretly or non-procedurally, and the uniformity of law enforcement practice. The object of the study is social relations arising in the process of proving in criminal cases using audio recordings. The subject of the study is the norms of the criminal procedure legislation regulating the status, receipt, verification and evaluation of audio recordings as evidence, as well as the emerging law enforcement practice. The purpose of the work is to conduct a comprehensive analysis of current problems of using audio recordings as evidence and to develop proposals for improving the legislation and the practice of its application. The methodological basis was formed by general scientific (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, analysis of judicial practice) methods. As a result of the study, the problems of qualification of audio recordings as a type of evidence and procedural registration of its receipt were analyzed; the difficulties of assessing the relevance, admissibility and reliability of such evidence were identified. Contradictory law enforcement practice was studied and gaps in criminal procedure legislation were identified. Specific proposals for improving the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of regulating the use of audio recordings were developed. The theoretical significance of the work lies in the development of the theory of evidence in the context of digitalization, the practical significance is the definition of criteria for developing recommendations for the legislator, investigative bodies and courts to ensure the effective and legal use of audio recordings in criminal proceedings as evidence.

Keywords: audio recording in criminal proceedings, electronic evidence, other documents, material evidence, admissibility of evidence, reliability of evidence.

For citation: Chebotareva I.N., Luneva K.A., Reits A.N. Topical issues of using audio recordings as evidence in criminal proceedings // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 68–76.

Тотальная цифровизация общества на текущем этапе его развития проявляется, в частности, в активном использовании смартфонов и других современных устройств, с помощью которых любой человек в любое время и в любом месте может осуществить аудио- и видеозапись происходящих событий. Нередко такая запись фиксирует факт совершения преступления и может быть как результатом процессуальной деятельности, связанной с расследованием уголовного дела, так и непроцессуальной, обусловленной деятельностью специальных субъектов (например, результатом оперативно-разыскного мероприятия) или простых граждан, являющихся свидетелями противоправных действий или пострадавшими от них. Общедоступность аудиофиксации порождает вопросы о законности таковой, возможностях и условиях ее

использования в процессе производства по уголовному делу. В то же время очевидно, что непосредственная точная и объективная фиксация противоправных действий посредством аудиозаписи способствует раскрытию преступлений, установлению виновности лиц в их совершении. Аудиозаписи достаточно активно используются в качестве доказательств факта вымогательства¹, угроз² и других противоправных действий по уго-

¹ Например, в уголовном деле, аудиозапись, сделанная потерпевшим, послужила доказательством вымогательства у него взятки в уголовных делах. См.: приговор Центрального районного суда г. Калининграда от 09.11.2023 и апелляционное определение от Шестой кассационный суд общей юрисдикции определение от 01.11.2023. № 77-4521/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025)

² Например, в уголовном деле аудиозапись разговора между свидетелем и потерпевшей легла в основу приговора

ловным делам коррупционной направленности, мошенничеству и прочим. На указанные обстоятельства уже обращалось внимание в юридической литературе ранее [1, с. 3–4].

Следует отметить, что в Российской Федерации фиксируется значительное число преступлений, связанных со взяточничеством. В 2024 г. их было зарегистрировано 23 240, и это на 14,9% выше, чем в 2023 г. Раскрыто из них было 19 506. По факту мошенничества было зарегистрировано 445 690 преступлений, из которых раскрыто только 70 924³. Вместе с тем государство выступает гарантом безопасности личности и прав собственности. Именно поэтому повышение эффективности деятельности правоохранительных органов в целом и в уголовном судопроизводстве в частности, реализация принципа неотвратимости наказания за совершение преступления способствуют обеспечению государственной и общественной безопасности, что непосредственно указано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 41)⁴. Одновременно в документе акцентируется внимание на необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина. Как неоднократно обращал внимание Конституционный суд Российской Федерации, «собираение сведений в цифровом виде (пригодном для записи на электронные носители) создает благоприятные условия для дальнейшего неконтролируемого распространения таких сведений»⁵, оно связано с незаконным и необоснованным вторжением в частную жизнь граждан, являющуюся конституционно значимой ценностью российского государства.

Указанные обстоятельства актуализируют необходимость изучения использования аудиозаписей в процессе доказывания по уголовному делу. Имеется множество нерешенных на законодательном уровне или решенных неодно-

---

по делу о ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетней дочери, жестоком обращении и истязании. См.: решение Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2018 № 4-АПУ18-41 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 01.06.2025).

⁵ См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2017 № 25-П; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.04.2023 № 22-П [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

значно вопросов использования аудиозаписей в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве, порождающих проблемы на практике, связанные с определением вида доказательств, к которому относится аудиозапись, с порядком приобретения ею статуса доказательства в уголовном деле, оценкой ее относимости, допустимости и достоверности.

Поиск, анализ и оценка доказательств являются неотъемлемой частью уголовного процесса. Разделом третьим Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливается и регулируется институт доказательств и доказывания. Как разъясняет законодатель в ст. 74 УПК РФ, доказательствами могут выступать любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Возможность использования аудиозаписи в процессе производства по уголовному делу предусмотрена уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 84, ч. 1 ст. 259, ч. 2 ст. 166, ч. 4 ст. 189, ст. 190 УПК РФ), при этом закон не содержит понятие «аудиозапись», предполагая, очевидно, что данный термин имеет не специальное техническое значение, а общеупотребимое.

В УПК РФ законодатель использует понятие «аудиозапись» применительно к способу фиксации информации (процесс аудиозаписи) и к носителю этой информации (результат процесса аудиозаписи, записанная информация). В первом случае в УПК РФ предусмотрено, что при производстве протокола следственного действия может применяться аудиозапись (ч. 2 ст. 166), специально уточнены возможности аудиозаписи при допросе (ч. 4 ст. 189, 190), закреплено, что протоколирование «с использованием средств аудиозаписи» может применяться в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 259). Результаты таких записей являются приложением к протоколам следственных действий и судебного заседания (ч. 1 ст. 217, ч. 5 ст. 259, ч. 1 и ч. 3 ст. 276, ч. 5 ст. 281 УПК РФ). В юридической литературе ведутся споры по поводу того, являются ли они самостоятельным доказательством по уголовному делу или нет.

По устоявшейся судебной практике аудиопротокол не заменяет протокол судебного заседания и самостоятельного доказательственного значения не имеет⁶. В то же время, когда речь

---

⁶ Отсутствие протокола судебного заседания при наличии аудиозаписи судебного разбирательства признается существенным нарушением, влекущим отмену приговора. См., например: кассационное определение Четвертого кас-

идет об аудиозаписи следственного действия, ситуация не столь однозначна. В этом случае аудиозапись выступает в качестве приложения к протоколу. В судебной-следственной практике можно встретить примеры признания таковых вещественными доказательствами, вероятно по аналогии с предусмотренной в УПК РФ процедурой приобщения к материалам уголовного дела результатов записи телефонных и иных переговоров, установленной ст. 186 УПК РФ. Согласно кодексу такая аудиозапись называется фонограммой (п. 14.1 ст. 5, 186 УПК РФ), она приобщается к уголовному делу в качестве вещественных доказательств (ч. 8 ст. 186 УПК РФ). Следует согласиться с аргументированной позицией С.Б. Россинского по поводу того, что аудиозапись является способом фиксации хода следственного действия, результаты которого выступают доказательством по уголовному делу [2, с. 99]. Будучи приложением к протоколу следственного действия, аудиозапись не является самостоятельным доказательством, и существующая практика признания ее в качестве вещественного доказательства ошибочна. Вместе с тем, учитывая тенденции развития цифровых технологий и неизбежную цифровизацию уголовного судопроизводства, мы не исключаем возможность замены протоколов следственных действий аудио- или видеопотоками. В связи с чем имеется настоятельная необходимость совершенствования правового регулирования порядка аудиофиксации следственных действий и судебного заседания, на что неоднократно обращалось внимание учеными, исследовавшими данный вопрос [3, с. 68–69; 4, с. 174–176]. Уже сейчас аудиопотоки судебного заседания используются для восполнения недостающей информации в письменном протоколе⁷. Следует также отметить, что в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект, призванный сделать аудиозапись неотъемлемой частью протокола судебного заседания⁸.

сационного суда общей юрисдикции от 25.01.2021 № 77-364/2021, кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.08.2021 № 77-3165/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2021 № 77-726/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

⁸ Законопроект № 850452-8 «О внесении изменений в статьи 259 и 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850452-8> (дата обращения: 01.06.2025).

Понятие «аудиозапись как носитель информации» используется законодателем также применительно к отдельному виду доказательств – иным документам (п. 6 ч. 2 ст. 74, ч. 2 ст. 84 УПК РФ). Электронные носители аудиозаписей (оптические диски, флеш-карты) и сами аудиозаписи (фонограммы, стенограммы) могут быть признаны также вещественными доказательствами в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ как предметы или документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, аудиозаписи в качестве доказательств, согласно действующему УПК РФ, могут быть отнесены как к вещественным доказательствам, так и к иным документам. К ним предъявляются общие требования относимости, допустимости и достоверности.

При определении относимости следует обратить внимание прежде всего на перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию путем применения аудионосителей, к которым относится:

- 1) непосредственно событие преступления, время, в которое было совершено преступление, место, способ совершения преступления и те обстоятельства, которые сопутствовали его совершению;
- 2) обстоятельства, которые позволяют указать на виновность конкретного лица;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, при наличии которых исключается преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, указывающие на совершение преступления при смягчающих или отягчающих наказание обстоятельствах;
- 7) обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности или наказания.

Также подлежат доказыванию обстоятельства, непосредственно сопутствующие совершению преступления. Аудиозапись как доказательство, полученное о сведениях, не соответствующих указанному перечню по своему содержанию, следует относить к косвенным. Сущность косвенных доказательств заключается в том, что они указывают на те, казалось бы, не относимые к данному делу факты, вообще не имеющие значения для расследования дела. Однако при их систематизации и сопоставлении с другими доказательствами они могут служить для поиска и подтверждения искомого суждения [5, с. 472].

Следует заметить, что, несмотря на пригодность для восприятия такой информации, нельзя говорить о надежности формы ее получения.

Данный вывод связан, во-первых, с необходимостью оценки законности собирания тех или иных сведений, во-вторых, с идентификацией записанного голоса.

Рассматривая вопрос точной идентификации владельца записанного голоса, стоит отметить, что речь идет не о сложности проведения экспертизы, а о наличии у недобросовестных участников процесса возможности фальсифицировать такое доказательство в своих интересах. Под неправомерной фальсификацией аудиозаписи следует понимать любые действия субъекта, направленные на изменение целостности, подлинности, сохранности изначальной информации, содержащейся на аудионосителе. С развитием цифровизации население все чаще стало пользоваться услугами нейросетей, что способствовало формированию термина «дипфейк», означающего результат синтеза голоса или видео, приводящего к искажению действительности содержимого на записи [6, с. 28–29]. Например, голос на записи может быть изменен на голос другого участника процесса или третьего лица, также может быть изменено содержание аудиозаписи, удалены слова или словосочетания. Стоит отметить, что в большинстве случаев такие «подделки» выявляют путем проведения судебной экспертизы, что делает процесс доказывания более длительным и затратным, а использование новых технологий ставит перед экспертами целый ряд новых задач и вопросов [7, с. 62–73].

Однако нейросети – это не единственный вариант «искажения» полученных аудиодоказательств. Совершенствование технических средств дает возможность многоуровневой обработки материала с помощью высокотехнологичных машин, целью применения которых является полное цифровое искажение информации на носителе. В процессе исследования аудиозаписей, полученных в ходе расследования, с использованием криминалистических методов на разных стадиях уголовного процесса возникают определенные трудности: низкое качество записи, фоновые шумы, отсутствие высокотехнологичного криминалистического оборудования, программного обеспечения и необходимой техники.

В этой связи важным является вопрос о том, откуда следствие или суд получают аудиозапись и как оценивают оригинальность и подлинность представленной на ней информации. Как уже было отмечено ранее, аудиозапись как доказательство может быть результатом следственного или судебного действия. УПК РФ предусматривает порядок производства и фиксации следственных и судебных действий, обеспечиваю-

щий допустимость полученных в результате их производства доказательств и возможность проверки их достоверности.

Аудиозаписи могут быть сделаны также вне процессуальным путем. Потерпевший, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый наделены правом представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), а также собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Защитник обладает полномочием собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), в том числе путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия (ч. 3 ст. 86 УПК). В данном случае ввиду отсутствия четкого нормативного регулирования порядка выполнения аудиозаписи из-за того, что она происходит вне процессуальным путем, т.е. способом, не урегулированным УПК РФ, существует проблема оценки законности получения аудиозаписи и достоверности ее содержания. Аудиозапись представляется лицам и органам, осуществляющим расследование, в суд либо в оригинале, либо в воспроизведенной с помощью технических средств копии. Должностные лица проводят осмотр и выемку представленного носителя информации, допрашивают лицо, сделавшее данную запись, и приобщают ее к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. Для оценки достоверности представленной информации может быть назначена судебная экспертиза. Наиболее часто в качестве таких доказательств приобщаются аудиозаписи разговоров потерпевших и обвиняемых.

В юридической литературе обосновывается недопустимость использования таких записей в качестве доказательств ввиду того, что, во-первых, доказывание осуществляется исключительно в процессуальной форме, а ст. 86 УПК РФ предоставляет участникам, не обладающим властными полномочиями, право собирать только письменные документы и предметы, что по мнению авторов, не включает в себя аудиозаписи; во-вторых, тайная аудиозапись является ограничением конституционных прав, поэтому требует судебного решения на ее проведение [8, с. 131–133]. В судебном производстве защитники, как правило, оспаривают допустимость и достоверность таких доказательств. В основе признания их допустимыми суды используют следующие доводы: носитель аудиоинформации (это может быть оптический диск, флеш-карта) «изъят в рамках возбужденного уголовного дела при реализации следователем своих пол-

номочий, с учетом принятия мер, направленных на сбор доказательств, с целью установления истины по делу. Данный диск осмотрен, признан вещественным доказательством и приобщен к материалам уголовного дела»⁹. Представляется, что при этом суды должны давать оценку не только законности приобщения аудиозаписи к материалам дела, но и законности получения аудиозаписи свидетелем или потерпевшим.

В данном вопросе стоит обратиться к ст. 24 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Аудиозапись, выполненная тайно, может быть основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации за сбор или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну. Анализируя изложенное, можно сделать вывод о том, что отсутствие согласия лица, диалог или слова которого фиксируются, делает предоставление такой записи в качестве доказательства невозможным. Однако в данном случае необходимо учитывать иные обстоятельства. Пленум Верховного Суда Российской Федерации¹⁰ указывает, что не требуется согласие на аудиозапись разговоров в случаях, предусмотренных УПК РФ, Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (п. 1); умысел лица при сборе им сведений важен, когда они касаются частной жизни гражданина, хранятся им в тайне; не может повлечь уголовную ответственность сбор или распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну, в государственных, общественных или иных публичных интересах (п. 2).

Таким образом, если в процессе диалога фиксируется факт совершения преступления или лицо признает вину в совершенном преступлении, или указывает на необходимые для раскрытия дела факты, можно сделать вывод о возможности записи разговора при отсутствии согласия оппонента при наличии веских причин или из-за

отсутствия возможности получить такие сведения иным образом и с учетом того, что они играют значительную роль для рассматриваемого дела.

Показательно в этом отношении, например, дело по обвинению гражданина Вильке, который установил не запрещенное законом программное средство родительского контроля на телефон малолетнего сына для защиты ребенка от предполагаемых противоправных действий его матери и привлечения ее к ответственности. Сделанные аудиозаписи он представил в суд, рассматривающий дело о расторжении брака между ним и матерью его сына, а также в правоохранительные органы. Это послужило основанием для привлечения его к уголовной ответственности за незаконное собирание (и последующее хранение) сведений о частной жизни. Вменялось ему также и распространение таких сведений, но суд первой инстанции в приговоре исключил данный квалифицирующий признак. П.О. Вильке был признан виновным судом первой инстанции, и апелляционная инстанция согласилась с таким решением. Кассационная инстанция отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, который в итоге вынес оправдательный приговор. Данное дело стало предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации, где предстояло разрешить вопрос о конституционности действующей редакции ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации¹¹.

Допустимость использования аудиозаписи как доказательства предполагает соблюдение определенных требований:

- 1) использование в качестве средств звукозаписи только общедоступных устройств¹²;
- 2) отсутствие умысла на нарушение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя;
- 3) фиксацию с помощью аудиозаписи обстоятельств, способствующих раскрытию преступления и изобличению лица, его совершившего;
- 4) наличие объяснений о способе получения

⁹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.08.2023 № 77-2824/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁰ Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

¹² Специальные технические средства могут быть применены только специальными органами. См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

аудиозаписи, указания времени и места получения доказательства;

5) добровольность передачи аудиозаписи или ее копии.

Обращаясь к вопросу проверки достоверности выполненной внепроцессуальным путем аудиозаписи, следует отметить, что сохранение подлинности и целостности аудиозаписи возможно путем использования цифровых методов защиты на этапе получения доказательств, сохранения метаданных, содержащих сведения об объеме, формате, времени и месте получения аудиодоказательств путем применения специальных звукозаписывающих устройств. С помощью применения хеш-сумм, как указывают исследователи данного вопроса [9, с. 118], и цифровых подписей [10, с. 57] возможно отследить любые действия, которые совершались с аудиозаписью. Очевидна необходимость в развитии регламентации способа получения аудиодоказательств, в определении источника получения данного вида доказательств и порядка передачи аудионосителей от одного лица к другому до момента его получения уполномоченными сотрудниками правоохранительных органов или суда с помощью криминалистических средств.

Аудиозаписи могут быть также получены в результате оперативно-разыскных мероприятий, например прослушивания телефонных переговоров, опроса¹³, оперативного эксперимента¹⁴. В этом случае результаты оперативно-разыскных мероприятий передаются следователю в предусмотренном порядке, аудиозапись приобщается к материалам дела в качестве вещественного доказательства, лицо, сделавшее запись, допрашивается об обстоятельствах выполнения им записи, при необходимости назначается экспертиза.

¹³ Например, оперуполномоченный проводил аудиозапись опроса, по его результатам он составил объяснение, из которого следовало, что перед началом опроса опрашиваемый отказался от помощи адвоката, заявил о том, что объяснения дать желает. См.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.07.2023 № 77-2933/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁴ Например, в уголовном деле № 77-3246/2022, рассматриваемом Хостинским районным судом г. Сочи Краснодарского края, лицо обратилось в правоохранительные органы ввиду того, что Я. потребовал от него взятку. Далее это лицо приняло участие в проведении оперативного эксперимента, в результате которого после получения денег Я. был задержан. При этом в основу приговора были положены аудиозаписи, изготовленные в ходе оперативно-разыскного мероприятия «Оперативный эксперимент», с использованием телефона, принадлежащего лицу, от которого Я. были переданы денежные средства. См.: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2022 по делу № 77-3246/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

Можно встретить примеры того, как суды используют в качестве доказательств стенограммы таких переговоров, а отсутствие самих аудиозаписей не вызывает у них сомнения в допустимости такого доказательства. Так, по уголовному делу аудиозаписи не были представлены в суд (а ранее на следствии – следователю) ввиду того, что электронный носитель, на котором сохранилась аудиозапись, был уничтожен¹⁵. Суд, а также сторона защиты при отсутствии экспертизы, подтверждающей подлинность данной записи, лишаются возможности проверить достоверность изложенной в стенограмме информации, что представляется недопустимым.

Экспертиза аудиозаписей для проверки подлинности не является обязательной и проводится по решению должностного лица, ведущего производство по уголовному делу. В судебной практике имеются дела, по которым была проведена судебная фonoскопическая экспертиза на предмет целостности аудиозаписи и отсутствия монтажа, определения принадлежности голоса на аудиозаписи¹⁶, но больше примеров, когда такая экспертиза не проводилась¹⁷, что явилось предметом обжалования стороной защиты. Вышестоящие суды указывают на то, что проведение экспертизы в данном случае не является обязательным, и обращают внимание на наличие или отсутствие соответствующего ходатайства со стороны защиты¹⁸. Очевидно, что суды не назначают экспертизу, когда у них не возникает сомнений в подлинности записи. Именно такое объяснение можно встретить в одном из уголовных дел. Суд указал: «какого-либо специального исследования дан-

¹⁵ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2025 № 77-1062/2025 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁶ См., например: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2025 № 77-122/2025; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2018 № 4-АПУ18-41 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁷ См., например: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.08.2023 № 77-2824/2023, кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2024 № 77-2104/2024; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2023 № 77-3638/2023; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2024 № 77-1297/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2018 № 4-АПУ18-41 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

ных записей или участие при их прослушивании не требовалось, поскольку основные разговоры, имеющие непосредственное значение для дела, велись на русском языке и понятны к восприятию, а из текста разговора, с учетом обращений друг к другу участников разговора, следует, кто и какие фразы произносит, что исключает их двоякое толкование»¹⁹. Своевременное незаявление ходатайств защитой о проведении экспертизы свидетельствует об отсутствии и у нее сомнений в достоверности представленной информации. Последующее обжалование вынесенного по делу решения ввиду недопустимости и недостоверности аудиозаписи как доказательства того, что фоноскопическая экспертиза по аудиозаписям не проводилась, подлинность записи и отсутствие в ней монтажа не проверялась, принадлежность голосов не определялась, в условиях состязательного процесса не имеет значения.

¹⁹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 77-2572/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2025).

В этой связи представляется, что защитнику как профессиональному участнику судопроизводства необходимо своевременно заявлять ходатайства о производстве судебной экспертизы аудиозаписи, сделанной внепроцессуальным путем.

Таким образом, определение таких критериев, как допустимость и достоверность аудиозаписей, является ключевым аспектом при признании их в качестве доказательств по конкретному делу. Законодатель не устанавливает императивных предписаний относительно требований к аудиозаписи, представляемой свидетелями, потерпевшими и другими участниками процесса. Мы видим, с одной стороны, необходимость в определении таких правил, поскольку их отсутствие влечет за собой отказы со стороны должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, в принятии такого доказательства, несмотря на его значимость. С другой стороны, при принятии возникает необходимость установления законности получения данной записи и подлинности ее содержания.

Литература

---

1. **Яковлева Е.О., Лунева К.А., Тарькин В.К.** Перспективы использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // *Полицейская деятельность*. – 2025. – № 2. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0692.2025.2.71931.
2. **Россинский С.Б.** Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. – 2017. – № 2 (81). – С. 91–104.
3. **Узгорская И.А.** К вопросу о применении аудиозаписи в ходе предварительного расследования // *Вестник КРУ МВД России*. – 2021. – № 3 (53). – С. 67–70.
4. **Татьянин Д.В.** Процессуальное значение аудиозаписи протокола судебного заседания // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. – 2024. – № 1 (113). – С. 172–178. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.172-178.
5. **Титов П.М.** Косвенные доказательства в уголовном процессе Российской Федерации // *Вопросы российской юстиции*. – 2022. – № 19. – С. 471–476.
6. **Бодров Н.Ф., Лебедева А.К.** Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // *Юридические исследования*. – 2023. – № 11. – С. 26–38. – DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69014.
7. **Лебедева А.К.** Проблемы производства судебной фоноскопической экспертизы в свете развития цифровых технологий // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. – 2020. – № 6 (70). – С. 62–72. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.062-071.
8. **Васяев А.А.** Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. – Москва: Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
9. **Россинская Е.Р., Рябовский И.А.** Тактика и технология производства невербальных следственных действий по делам о компьютерных преступлениях: теория и практика // *Lex Russica*. – 2021. – № 9 (178). – С. 102–118. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.102-118.
10. **Глушков М.Р.** Технический аспект применения электронной подписи в уголовном судопроизводстве // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2025. – № 1 (71). – С. 52–58.

References

---

1. **Yakovleva E.O., Luneva K.A., Tarykin V.K.** Perspektivy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v pravoohranitel'noj deyatel'nosti // *Policejskaya deyatel'nost'*. – 2025. – № 2. – S. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0692.2025.2.71931.
2. **Rossinskij S.B.** Prilozhenie k protokolu sledstvennogo dejstviya: priznavat' ili ne priznavat' kak veshchestvennoe dokazatel'stvo? // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. – 2017. – № 2 (81). – S. 91–104.
3. **Uzgor'skaya I.A.** K voprosu o primenenii audiozapisi v hode predvaritel'nogo rassledovaniya // *Vestnik KRU MVD Rossii*. – 2021. – № 3 (53). – S. 67–70.
4. **Tat'yanin D.V.** Processual'noe znachenie audiozapisi protokola sudebnogo zasedaniya // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. – 2024. – № 1 (113). – S. 172–178. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.172-178.

-
-
5. **Titov P.M.** Kosvennyye dokazatel'stva v ugovnom processe Rossijskoj Federacii // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2022. – № 19. – S. 471–476.
  6. **Bodrov N.F., Lebedeva A.K.** Ponyatie dipfejka v rossijskom prave, klassifikaciya dipfejkov i voprosy ih pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskie issledovaniya. – 2023. – № 11. – S. 26–38. – DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69014.
  7. **Lebedeva A.K.** Problemy proizvodstva sudebnoj fonoskopicheskoj ekspertizy v svete razvitiya cifrovih tekhnologij // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. – 2020. – № 6 (70). – S. 62–72. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.062-071.
  8. **Vasyaev A.A.** Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v hode sudebnogo sledstviya v sude pervoj instancii v rossijskom ugovnom processe: monografiya. – Moskva: Volters Kluver, 2010. – 176 s.
  9. **Rossinskaya E.R., Ryadovskij I.A.** Taktika i tekhnologiya proizvodstva neverbal'nyh sledstvennyh dejstvij po delam o komp'yuternyh prestupleniyah: teoriya i praktika // Lex Russica. – 2021. – № 9 (178). – S. 102–118. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.102-118.
  10. **Glushkov M.R.** Tekhnicheskij aspekt primeneniya elektronnoj podpisi v ugovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika. – 2025. – № 1 (71). – S. 52–58.
-
-

(статья сдана в редакцию 09.06.2025)

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

METHODS OF ILLEGAL BANKING ACTIVITIES

УДК 343

С.А. ЧЕРНЯКОВ,
кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
sache2009@yandex.ru

SERGEY A. CHERNYAKOV,
Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: отношения в сфере банковской деятельности обоснованно заслуживают пристального внимания со стороны всех регулятивных и контролирующих субъектов государственных правоотношений. На самом высоком уровне регулирование и защита банковского сектора определяются приоритетным направлением. Очевидно, что уголовно-правовой механизм является одним из эффективных средств регулирования и защиты различных правоотношений, в том числе и отношений в банковской сфере. Теоретическое исследование признаков, характеризующих то или иное деяние как преступное, необходимо для поддержания уголовно-правового механизма в актуальном состоянии. Одним из ключевых признаков преступного деяния выступает способ его совершения. Термин «банковская деятельность», используемый законодателем в названии и диспозиции ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации, является легально не определенным, содержание и сущность которого раскрывается собирательно через призму норм различных отраслей права. В таких условиях выявление и анализ объективных преступных проявлений, предусмотренных указанной нормой, представляет научный интерес и имеет прикладной характер. В настоящей статье автор проводит анализ сложившейся следственно-судебной практики применения нормы о незаконной банковской деятельности, делает вывод об основных способах совершения рассматриваемого преступления, описывает механизм его совершения.

Ключевые слова: способ, незаконная банковская деятельность, финансовая, денежно-кредитная система, обналичивание, валютные операции, недобросовестная конкуренция.

Для цитирования: Черняков С.А. Способы совершения незаконной банковской деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 77–81.

Abstract: relations in the field of banking activities reasonably deserve close attention from all regulatory and controlling subjects of state legal relations. At the highest level, regulation and protection of the banking sector will be a priority. It is obvious that the criminal law mechanism is one of the effective means of regulating and protecting various legal relations, including relations in the banking sector. A theoretical study of the signs characterizing an act as criminal is necessary to keep the criminal law mechanism up to date. One of the signs characterizing an act as criminal is the method of committing such an act. The term «Banking activity» used by the legislator in the title and disposition of Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation is legally vague, the content and essence of which is revealed collectively through the prism of the norms of various branches of law. In such circumstances, the identification and analysis of objective criminal manifestations provided for by this norm is of scientific interest and has an applied nature.

* Эмпирической базой для настоящей статьи послужил опыт практической деятельности автора в оперативных подразделениях экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел.

In this article, the author analyzes the established investigative and judicial practice of applying the norm on illegal banking activities, draws a conclusion about the main ways of committing the crime in question, and describes the mechanism of its commission.

Keywords: method, illegal banking, financial, monetary system, cashing out, currency transactions, unfair competition.

For citation: Chernyakov S.A. Methods of illegal banking activities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 77–81.

Одним из признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление, выступает распространенность такого деяния в социальных отношениях [1, с. 227]. Статистические показатели свидетельствуют о достаточной распространенности преступлений в сфере незаконной банковской деятельности [2, с. 124]. При этом в научной юридической литературе распространено утверждение о сложности конструкции данной нормы, содержащей большое количество бланкетных признаков объективной стороны, что затрудняет квалификацию деяний, содержащих признаки незаконной банковской деятельности [3, с. 300]. Объективная сторона преступления наиболее ярко характеризуется возможными способами его совершения. Способ характеризует преступление, выявляет его качественное своеобразие и индивидуальные особенности [4, с. 19].

Анализ приговоров по рассматриваемым уголовным делам¹ показал, что незаконная банковская деятельность совершается тремя однотипными способами: обналичиванием безналичных денежных средств; обналичиванием материнского (семейного) капитала; обменом валюты.

Наиболее распространенным видом незаконной банковской деятельности является обналичивание денежных средств. Типичная схема такого способа заключается в том, что различные хозяйствующие субъекты – юридические лица и индивидуальные предприниматели – зачастую нуждаются в переводе своих безналичных денежных средств в наличные. Эта необходимость обусловлена разными факторами. В некоторых случаях она связана со стремлением хозяйствующих субъектов оптимизировать свою налоговую базу за счет оформления фиктивных сделок по приобретению товаров или оплате услуг, то есть путем искусственного увеличения расходов (искусственного снижения доходов в своей хозяйственной деятельности) и уменьшения тем

самым налогооблагаемой базы. В этом случае безналичные денежные средства, легко отслеживаемые контролирующими органами после придания им вида расходов хозяйственной деятельности, с определенной комиссионной издержкой возвращаются в неподдающейся контролю наличной форме.

Еще одним фактором, побуждающим хозяйствующих субъектов к обналичиванию денежных средств, является высокий уровень коррупции и бюрократии в государственных органах. Конкурсная система государственных закупок позволяет заказчику (чиновнику государственного органа, иной бюджетной организации) неофициально (и противоправно) содействовать определенным поставщикам, увеличивая их конкурентоспособность и обеспечивая победу последних в торгах. За это поставщик обязуется «вернуть» чиновнику определенную сумму от сметной стоимости выигранного подряда (как правило, до 15%)². Кроме того, при исполнении контракта подрядчик сталкивается с «непредвиденными расходами», связанными с необходимостью исполнения контракта в определенный срок. В условиях инертности и бюрократии разрешительной системы (разрешение на выполнение работ, выдача заключений о соответствии, подвод коммуникаций, утверждение проектов и т.д.) подрядчику необходимо выделять денежные средства для подкупа различных чиновников разрешительных и контролирующих органов.

В обоих описанных случаях для подкупа чиновников нужны наличные денежные средства, которые подрядчик получает в результате обналичивания денежных средств, выделенных заказчиком в качестве авансового платежа в безналичной форме. Таким образом, достаточный спрос хозяйствующих субъектов на обналичивание денежных средств породил отдельный вид преступности. Для совершения преступления такого вида злоумышленники используют подконтрольные (как правило, специально соз-

¹ На сайте «СудАкт.ру» было изучено более ста приговоров по оконченным уголовным делам с вынесением обвинительных заключений за последние пять лет (с 2020 по 2024 г.).

² В дальнейшем подрядчик нивелирует затраты на «откат» за счет снижения качества работ, удешевления строительных, отделочных материалов.

данные для этого) юридические лица и индивидуальные предпринимателей, фактически не ведущих хозяйственную деятельность, или фирмы-однодневки. С помощью подобных компаний клиенты обналичивают денежные средства, при помощи злоумышленников заключают мнимые (фиктивные) сделки на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг. На подконтрольные банковские счета фирм-однодневок по поручению клиентов в счет фиктивной оплаты товаров, работ или услуг перечисляются безналичные денежные средства, которые далее переводятся, как правило, на дебетовые карты подконтрольных физических лиц. После их обналичивания злоумышленники, за вычетом ранее оговоренной комиссии (как правило, 7–10%), передают наличные денежные средства клиентам.

Описанная деятельность злоумышленников (в соответствии со ст. 2, 5, 12, 13 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», положением Банка России от 29 июня 2021 г. № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», положением Банка России от 29 января 2018 г. № 630-П «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации», ст. 845 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Договор банковского счета», ст. 861 ГК РФ «Наличные и безналичные расчеты») фактически представляет собой совершение таких банковских операций, как открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц, осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам, инкассацию денежных средств и кассовое обслуживание физических и юридических лиц, которые имеют право осуществлять только кредитные организации, зарегистрированные в установленном законом порядке на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации, в число которых входят банки и небанковские кредитные организации.

Из описанного способа незаконной банковской деятельности необходимо выделить незаконное обналичивание материнского (семейного) капитала (далее – МСК). В этом случае злоумышленники с целью получения комиссионного вознаграждения за обналичивание МСК совершают мнимые сделки приобретения жилья лицами, которым в соответствии с Федеральным законом

от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» установлены дополнительные меры государственной поддержки. Для этого злоумышленники фиктивно создают кредитный потребительский кооператив (далее – КПК), жилищно-строительный кооператив (далее – ЖСК) и строительные компании, выступающие фиктивными подрядчиками якобы строящегося жилья. Лиц, заинтересованных в обналичивании МСК, принимают в состав кооперативов. После этого ЖСК заключает с такими лицами фиктивный договор о долевом участии в строительстве многоквартирного дома. Одновременно в КПК с этим лицом заключается фиктивный договор займа для внесения соответствующего долевого взноса в ЖСК на оплату части стоимости квартиры в доме, строительство которого якобы ведется кооперативом. После этого фиктивный договор займа и договор вступления в ЖСК, а также сведения об остатке задолженности, якобы образовавшейся по договору займа, с соответствующим заявлением по распоряжению средствами МСК направляются лицом, имеющим сертификат МСК, в отделение Пенсионного фонда, который, в свою очередь, на достаточных основаниях (не участвуя в преступном сговоре) перечисляет денежные средства, предусмотренные сертификатом МСК, на счет КПК. Эти денежные средства под видом очередного займа следующему лицу, заинтересованному в обналичивании МСК, перечисляются на счет ЖСК как средства долевого взноса и далее – на счет строительной компании за якобы выполненные работы по строительству жилья, где обналичиваются через дебетовые банковские карты подконтрольных физических лиц и предоставляются в порядке очереди лицам, заинтересованным в обналичивании МСК, с учетом вычета комиссии за проведенные фиктивные операции по обналичиванию.

Указанные действия лица, организовавшего и контролирующего фиктивную деятельность КПК, ЖСК и строительной компании, являются привлечением денежных средств физических и юридических лиц во вклады, размещением привлеченных средств от своего имени и за свой счет, открытием и ведением банковских счетов физических и юридических лиц, осуществлением расчетов по поручению физических и юридических лиц по их банковским счетам, инкассацией денежных средств и кассовым обслуживанием физических и юридических лиц, то есть банковскими операциями, на осуществление которых необходима лицензия Центрального Банка России.

Еще одним распространенным способом совершения незаконной банковской деятельности

является совершение обменных операций с иностранной валютой, при которых злоумышленники зарабатывают на разнице в цене. Иностранная валюта имеет разную стоимость, которая определяется различными факторами. Во-первых, между курсом покупки и продажи валюты всегда есть разница, так называемый спред³. Такая разница устанавливается банками для получения прибыли. Злоумышленники скупают у физических лиц валюту, желающих продать ее по цене немного выше банковского курса, и продают ее физическим лицам, желающим купить валюту по цене несколько ниже банковского курса, зарабатывая на разнице в цене⁴. Во-вторых, поскольку покупка злоумышленником относительно крупной суммы валюты снижает ее стоимость, то последующая продажа валюты мелкими суммами позволяет сформировать добавочную стоимость и заработать на разнице в цене. В-третьих, злоумышленники, имеющие опыт работы на фондовых рынках, способны прогнозировать изменение курса стоимости валюты, скупают ее в преддверии повышения стоимости, после чего продают по повышенному курсу.

В соответствии со ст. 1, п. 6 ст. 5, ст. 12, 13 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», п. 8 ст. 4 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)», ст. 9 и ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁵ покупка иностранной валюты с целью последующей перепродажи и ее продажа относится к банковской операции «купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах», которую могут совершать только уполномоченные банки и государственная корпорация развития ВЭБ.РФ.

Необходимо отметить, что общественная опасность незаконных валютных операций как способа совершения незаконной банковской деятельности достаточно обоснована. Вред

от него можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, любое суверенное государство заинтересовано в обеспечении реализации единой национальной валютной политики [5, с. 28], защите национальной валюты [6, с. 64], обеспечении ее устойчивости, а значит и финансовой безопасности государства и его экономической эффективности [7, с. 6]. Во-вторых, устойчивая финансово-экономическая система государства обеспечивается в том числе стабильной, законодательно урегулированной банковской системой [8, с. 41], интересы которой уязвимы в условиях недобросовестной конкуренции [9, с. 51].

Регистрационные и лицензионные требования для кредитных организаций связаны с огромными финансовыми и иными издержками. В соответствии с нормативными требованиями, регулирующими банковскую деятельность, кредитные организации обязаны формировать минимальный уставной капитал и обязательные резервные фонды. Согласно ст. 11 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» уставной капитал формируется участниками кредитной организации и определяет минимальный размер имущества, гарантирующего интересы ее кредиторов. Минимальный размер уставного капитала для лицензируемого вида банковской деятельности, в зависимости от перечня доступных банковских операций, составляет от 300 млн рублей до 1 млрд рублей, причем уставной капитал формируется исключительно за счет собственных средств участников кредитной организации.

Согласно ст. 24 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» в целях обеспечения финансовой надежности кредитная организация обязана создавать резервные фонды, минимальные размеры которых устанавливаются нормативами Банка России⁶. Резервные фонды размещаются кредитными организациями на счетах Центрального Банка России и формируются из привлеченных денежных средств в размере 5–7%, что также измеряется в сотнях миллионов рублей. Таким образом, для банка это отвлеченный, выведенный из оборота, неработающий ресурс. Кроме обязанности «замораживать» значительную часть денежных средств банки должны создавать банковскую инфраструктуру (здания, помещения, интерьер, штат сотрудников и т.д.), что также весьма затратно.

В этих условиях лица, осуществляющие незаконную банковскую деятельность, не обремененные обязанностью вкладывать значительные

³ С финансовой точки зрения спред – это разница между двумя величинами: ценами, ставками или доходностью [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10976086>

⁴ Кроме преимуществ, связанного с более выгодным курсом валюты по сравнению с банковским курсом, нелегальные обменники валюты востребованы лицами, желающими конфиденциально продать или купить валюту, имеющую незаконное происхождение или предназначенную для финансовых сделок на нелегальном рынке.

⁵ Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Российская газета. – 2003. – № 253.

⁶ Положение Банка России от 11.01.2021 № 753-П (ред. от 18.09.2023) «Об обязательных резервах кредитных организаций» // Вестник Банка России. – 2021. – № 41.

денежные средства в обеспечительные банковские инструменты, создают для легального банковского сектора недобросовестную конкуренцию, имея возможность удешевлять банковские продукты, тем самым увеличивая их привлекательность для потребителя и получая конкурентные преимущества перед легальными банками.

Подводя итог, необходимо отметить, что незаконная банковская деятельность, осуществляемая при помощи обналичивания денежных

средств или средств материнского (семейного) капитала, а также путем совершения незаконных валютных операций, фактически представляет собой средство для совершения налоговых или коррупционных преступлений, посягает на порядок целевого использования средств, выделяемых государством на поддержку семей, имеющих детей, и причиняет вред легальной банковской сфере, создавая недобросовестную конкуренцию.

Литература

---

1. **Прокументов Л.М.** Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 227–230.
2. **Новиков К.А.** К вопросу о социально-правовой обусловленности уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность // Криминологический журнал. – 2022. – № 3. – С. 123–127.
3. **Нудель С.Л.** Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: ВНИИ МВД России, 2015. – 414 с.
4. **Федышина П.В.** Способ совершения преступления в уголовном праве // КриминалистЪ. – 2012. – № 2 (11). – С. 19–22.
5. **Ахмедзянов Р.Р., Мельник Н.В., Габдуллина С.Х., Сейдаметова Т.З.** Система валютного регулирования Российской Федерации и направления ее развития // Journal of Economy and Business. – 2021. – № 1-1 (71). – С. 28–32.
6. **Омельченко А.Г.** Валютное регулирование как инструмент обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобальных вызовов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 12. – С. 62–71.
7. **Блажевич О.Г., Жупанова С.В.** Особенности обеспечения финансовой безопасности государства // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 5–21.
8. **Посыпайко Н.С.** Стабильная банковская система – важнейшее условие экономической безопасности страны // Актуальные вопросы экономических наук. – 2012. – № 24-2. – С. 40–45.
9. **Белусов А.Л.** Вопросы развития конкурентных отношений в российской банковской системе // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 51–62.
10. **Шуваева А.И., Ивушкина И.Е., Сазонов С.П.** Особенности правового регулирования лицензирования кредитных организаций // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2016. – № 7 (17). – С. 356–360.

References

---

1. **Prozumentov L.M.** Rasprostranennost' deyanij kak fakul'tativnyj priznak ih obshchestvennoj opasnosti // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 429. – S. 227–230.
2. **Novikov K.A.** K voprosu o social'no-pravovoj obuslovlennosti ugovolnoj otvetstvennosti za nezakonnyu bankovskuyu deyatel'nost' // Kriminologicheskij zhurnal. – 2022. – № 3. – S. 123–127.
3. **Nudel' S.L.** Ugolovno-pravovaya ohrana finansovyh otnoshenij: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva: VNII MVD Rossii, 2015. – 414 s.
4. **Fedyshina P.V.** Sposob soversheniya prestupleniya v ugovolnom prave // Kriminalist». – 2012. – № 2 (11). – S. 19–22.
5. **Ahmedzyanov R.R., Mel'nik N.V., Gabdullina S.H., Sejdametova T.Z.** Sistema valyutnogo regulirovaniya Rossijskoj Federacii i napravleniya ee razvitiya // Journal of Economy and Business. – 2021. – № 1-1 (71). – S. 28–32.
6. **Omel'chenko A.G.** Valyutnoe regulirovanie kak instrument obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossijskoj Federacii v usloviyah global'nyh vyzovov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2023. – T. 18. – № 12. – S. 62–71.
7. **Blazhevich O.G., Zhupanova S.V.** Osobennosti obespecheniya finansovoy bezopasnosti gosudarstva // Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii. – 2022. – № 2. – S. 5–21.
8. **Posypajko N.S.** Stabil'naya bankovskaya sistema – vazhnejshee uslovie ekonomicheskoy bezopasnosti strany // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. – 2012. – № 24-2. – S. 40–45.
9. **Belousov A.L.** Voprosy razvitiya konkurentnyh otnoshenij v rossijskoj bankovskoj sisteme // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – T. 17. – № 1. – S. 51–62.
10. **Shuvaeva A.I., Ivushkina I.E., Sazonov S.P.** Osobennosti pravovogo regulirovaniya licenzirovaniya kreditnyh organizacij // Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. – 2016. – № 7 (17). – S. 356–360.

(статья сдана в редакцию 30.04.2025)

**ПРОВОКАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ****PROVOCATIONS DURING OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE
ACTIVITIES**

УДК 343

И.В. НАДЕЖИНА

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Lady.nadezhina2018@yandex.ru

INNA V. NADEZHINA

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

В.С. ПРИХОДЬКО

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
vladislav.prihodko@inbox.ru

VLADISLAV S. PRIKHODKO

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрены спорные моменты в использовании оперативными сотрудниками метода «провокация преступления» в организации и проведении оперативно-разыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент». Проанализированы проблемы оценки провокационных действий в изобличении преступника с точки зрения уголовно-правовой сферы. Приведены характерные признаки провокации и ее существенные отличия от подстрекательства, определены причины проявления провокационного поведения субъектов оперативно-разыскной деятельности, рассмотрен научно-юридический, законодательный и правоприменительные подходы в Российской Федерации к толкованию такого явления, как провокация. Анализируются мнения различных авторов в сфере преступлений против правосудия. В современной отечественной нормативной правовой сфере в области оперативно-разыскной деятельности возникает необходимость детализации данного общественно опасного феномена для того, чтобы исключить противоречия в правомерности действий со стороны правоохранительных структур, что положительно скажется на судебной практике в целом. В статье затрагиваются правовые основы использования данного метода, который требует пристального внимания с точки зрения недопустимости провокационных действий в процессе проведения таких оперативно-разыскных мероприятий с позиций российского законодательства и судебных примеров Европейского суда, а также вырабатываются аспекты отграничения провокационных действий от правомерных действий сотрудников оперативных подразделений в процессе подготовки и проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Ключевые слова: провокация, подстрекательство, преступность, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, проверочная закупка, оперативный эксперимент, мнимая сделка, склонение, ЕСПЧ, провокационные действия, наркотики.

Для цитирования: Надежина И.В., Приходько В.С. Провокации при проведении оперативно-разыскных мероприятий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 82–86.

Abstract: the article discusses controversial issues in the use by operational officers of such a method of «provocation of crime» in the organization and conduct of operational search activities «verification purchase» and «operational experiment». The problems of assessing provocative actions in exposing a criminal from the point of view of the criminal law sphere are analyzed. The characteristic signs of provocation and its significant differences from incitement are given, the reasons for the provocative behavior of subjects of operational

investigative activities are determined, scientific and legal legislative and law enforcement approaches in the Russian Federation to the interpretation of such a phenomenon as provocation are studied. The opinions of various authors in the field of crimes against justice are analyzed. At the same time, in the modern domestic regulatory and legal sphere in the field of operational investigative activities, there is a need to detail this socially dangerous phenomenon in order to exclude contradictions in the legality of actions on the part of law enforcement agencies, which will have a positive impact on judicial practice in general. In addition, the legal basis for the use of this method is touched upon, which requires close attention from the point of view of the inadmissibility of provocative actions in the process of conducting such operational search activities from the standpoint of Russian legislation and judicial examples of the European Court of Justice, as well as aspects of distinguishing provocative actions from legitimate actions of employees of operational units in the process of preparation and conduct of operational search activities.

Keywords: provocation, incitement, crime, operational search activity, operational search event, verification purchase, operational experiment, imaginary transaction, persuasion, ECHR, provocative actions, drugs.

For citation: Nadezhdina I.V., Prikhodko V.S. Provocations during operational and investigative activities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 82–86.

В настоящее время противодействие криминальным структурам – это основной вектор борьбы с преступностью в деятельности современных государств. Главной задачей правоохранительных органов является своевременность и быстрота в выявлении, пресечении и раскрытии готовящихся и совершенных преступлений. Отличительной особенностью в деятельности органов внутренних дел при раскрытии подготавливаемых преступлений выступает использование такого метода искусственного создания ситуации, при которой преступник способен реализовать свое преступное намерение, что может рассматриваться как провокация к совершению преступления.

Б.В. Волженкин [1, с. 43–45] определил суть провокации в том, что провокатор сам возбуждает у другого лица намерение совершить преступление с целью последующего изобличения этого лица либо его шантажа, создания зависимого положения.

Провокация как одна из мер противодействия преступности имеет широкие масштабы использования в уголовно-правой сфере. Говоря о провокации в деятельности субъектов оперативно-разыскной деятельности, необходимо акцентировать внимание на проявлении данного метода в уголовном законодательстве. Это понятие нашло отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и означает привлечение к уголовной ответственности за действия, связанные с провокацией взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ). Но в то же время провокационные действия, такие как провокации кражи, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ,

остались за пределами уголовно-правовой сферы. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» определило, что субъекты, правомочные на осуществление оперативно-разыскной деятельности, обладают рядом компетенций при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в целях принятия мер для проверки сообщения о вымогательстве взятки или вознаграждении при коммерческом подкупе, а также определило, что данные действия не связаны с провокационной направленностью [2, с. 33].

В свою очередь, С.Я. Малышев высказывает мнение о том, что провокация – это явное, целенаправленное провокационное поведение лица либо лиц, стремящихся реализовать свой преступный умысел, признаками которого выступает прежде всего достижение провокатором неблагоприятных последствий, кроме этого, провокационные действия побуждают лицо осуществлять подобные незаконные действия [3, с. 304–306]. Так, по мнению А.Ю. Шумилова, провокация по своим чертам приравнивается к подстрекательству, т.е. уголовному деянию, заключающемуся в стремлении одного лица склонить второе лицо к противоправным действиям посредством угроз, уговора или другим методом [4, с. 158].

При разграничении провокационных действий и допустимого поведения возникает необходимость использования оценки ОРМ в соответствии с материальными и процессуальными критериями подстрекательства. Сущность материальной проверки провокации основывается

на том, что при ознакомлении с обращением, содержащим признаки провокационного поведения подсудимого, государственный обвинитель на основе имеющейся информации обращает внимание суда на то, было ли совершено преступное деяние без участия сотрудников правоохранительных органов. [5, с. 119] Такое ОРМ, как проверочная закупка, будет считаться правомерным только в том случае, если субъект без какого-либо давления со стороны третьих лиц, пытающихся его изобличить, начинает совершать преступные действия, которые путем проведения оперативного мероприятия стараются прекратить.

Результаты практической деятельности говорят о том, что в 69% случаев в ходе судебного разбирательства сторона защиты ставит вопрос о причастности субъектов оперативно-разыскной деятельности к осуществлению провокационных действий и привлечению участников ОРМ к ответственности за данные действия. Сложившаяся проблема требует пристального внимания, а ее решение назрело в виде закрепления положений, которые будут исключать противоречивое значение законодательных норм при отправлении правосудия [6, с. 254].

Следует обратить внимание на то, что в подразделениях, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, провокация является неотъемлемым элементом борьбы с преступностью. В настоящий момент ряд правоохранительных структур зачастую прибегает к использованию данного метода для обнаружения коррупционных преступлений или преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств при проведении отдельных оперативно-разыскных мероприятий. К таким мероприятиям, в частности, относятся проверочная закупка и оперативный эксперимент. В решении задачи выявления лиц, занимающихся преступной деятельностью, эти ОРМ особенно эффективны.

Такие оперативно-разыскные мероприятия Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) зачастую трактует как провокационные, так как их осуществление в большей степени несет в себе склонение к противоправным деяниям [7, с. 8]. Следует акцентировать внимание на том, что ОРМ, такие как опрос, наблюдение и т.п., осуществляются на основе внутриведомственной нормативной базы. Другие же ОРМ (прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации и т.п.) реализуются на основе судебного решения. Поводом для производства оперативного эксперимента либо проверочной закупки выступает постановление, утвержденное руководителем оперативно-разыскного органа.

В свою очередь, Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ (абз. 5 ч. 8 ст. 5) напрямую говорит о запрете правоохранительным организациям совершать провокационные действия – склонять, побуждать лиц к совершению общественно опасных деяний¹. Данное ограничение действует также при проведении ОРМ, перечисленных выше.

Между тем в момент реализации проверочной закупки сотрудники полиции нередко прибегают к мнимой сделке, в рамках которой покупатель приобретает различные предметы с целью установления информации о преступной деятельности [7, с. 197–198]. С позиции приобретаемого лица сделка является мнимой, с позиции продавца – фиктивной.

Таким образом, в практической деятельности возникает сложная ситуация в разграничении провокационных и законных действий сотрудников полиции, создающих обстановку «реальной» сделки.

Необходимо отметить, что провокационными действия можно назвать в следующих случаях:

1. Собрано недостаточное количество информации, которая бы служила основанием производства оперативных мер.
2. В действиях субъектов оперативно-разыскной деятельности возник умысел на совершение общественно опасного деяния.
3. Действия сотрудников носили активный характер [9, с. 78] (данная провокация запрещена, так как сотрудники оперативных подразделений должны осуществлять пассивное наблюдение [10, с. 96] до момента, когда станет очевидно, что лицо совершило преступление без воли данных сотрудников).

Большая часть сотрудников оперативных подразделений нацелена на повышение показателей путем своевременного и быстрого раскрытия преступления. Для этого необходимы беспристрастность соблюдения принципа законности и недопущение нарушения прав и интересов гражданина [11, с. 44].

Европейская Конвенция о защите прав человека 1950 г. закрепила понимание о том, что каждый человек имеет право на объективное судопроизводство, а также гарантировала каждому гражданину право на защиту надлежащим способом.

Знаменательным прецедентом стало рассмотрение ЕСПЧ 15 декабря 2005 г. жалобы Г.А. Ваньяна. Европейским судом вынесено поста-

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (ред. от 28.06.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

новление, в котором говорится, что наблюдается явное нарушение норм Европейской Конвенции по правам человека в части, касающейся привлечения Г.А. Ваньяна к ответственности, установленной уголовным законом, в результате провокационных действий сотрудников правоохранительных органов.

Суть данного обращения гр. Ваньяна содержится в следующем. Сотрудники оперативного подразделения с целью установления сбытчика наркотиков, предложили гражданке О., как лицу их употребляющему, оказать содействие в осуществлении ОРМ «проверочная закупка», о чем получили согласие от гражданки О. Она договорилась о встрече с Г.А. Ваньяном, чтобы тот «достал» ей наркотики. После того как сделка состоялась, гражданка О., выходя из дома, подала сигнал сотрудникам органов внутренних дел о том, что наркотики при ней. Тогда сотрудники предприняли попытку задержать сбытчика, но ему удалось скрыться. Однако на следующий день он был задержан. Из этого следует, что сотрудники правоохранительных органов спровоцировали покупку наркотиков², а значит, прослеживается явное нарушение ст. 6 Европейской конвенции по правам человека. Отметим, что приговор, который был вынесен, основан на доказательствах, полученных в ходе провокационных действий, таким образом, это нарушает право на справедливое разбирательство и в дальнейшем данное решение должно быть отменено.

На основе приведенного примера необходимо акцентировать внимание на том, что в данном разбирательстве и в ряде других принятых решений Европейский суд по правам человека указал, что при отсутствии доказательства в материалах проверки определенного лица и совершения им незаконных действий после иницирующих действий сотрудников органов внутренних дел последние могут нести в себе особенности, которые присущи провокационным преступлениям. Практика ЕСПЧ подтверждает, что оперативные эксперименты необходимо проводить, не проявляя активности: не побуждая заявителя к совершению преступления при помощи проявления инициативы по установлению контакта с заявителем, настойчивого побуждения, обещания финансовой выгоды или уговоров.

² Постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2005 по делу «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 7.

Однако необходимо отметить, что 11 июня 2022 г. Президент России В.В. Путин подписал законы о неисполнении на территории Российской Федерации постановлений Европейского суда по правам человека. Вынесенные после 15 марта 2022 г. постановления ЕСПЧ не подлежат исполнению на территории России. Также с 16 сентября 2022 г. Россия перестала являться Стороной Европейской Конвенции по правам человека и вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ.

Конституционный суд Российской Федерации определил, что проведение оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка» в соответствии с основаниями, изложенными в ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», а именно наличие признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, обозначает активную форму поведения лица в качестве покупателя, намеревающегося приобрести у продавца интересующий его предмет (наркотическое средство или вещество), не может быть расценено как провокация преступления. При этом действия лиц, непосредственно участвующих в ОРМ, должны быть соразмерными условиям и обстановке, в которых оно проводится, а также поведению лица, в отношении которого есть основания для его проведения³.

Как отмечает А.Ф. Волынский, провокационные действия не могут быть оправданы ничем, даже самыми благородными целями и делами, направленными на борьбу с преступностью [12, с. 5].

Таким образом, при защите своих прав от провокаций со стороны сотрудников правоохранительных органов в результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий необходимо обращаться к принципу справедливого судебного разбирательства. Данная норма требует от государства действий, направленных на защиту прав и свобод человека, а для этого важно создать необходимый процесс для эффективного функционирования правоохранительных структур с целью правильного применения процессуальных норм [13]. Также необходимо отметить, что все провокации, которые были осуществлены правоохранительными органами, должны быть признаны незаконными и исключены из доказательственной базы по уголовному делу.

³ См.: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 № 1398-О, от 17.07.2018 № 2022-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Волженкин Б.В.** Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 43–45.
2. **Галушко В.А., Малахов А.С.** Провокация при проведении оперативного эксперимента // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 3 (62). – С. 31–35
3. **Мальшеев К.С.** «Провокация» как часть оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» / Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IX Международной научно-практической конференции, Могилев, 23 апреля 2021 г.; отв. ред. Ю.П. Шкаплеров [и др.]. – Могилев: Могилевский институт МВД России, 2021. С. 304–306.
4. **Шумилов А.Ю.** Оперативно-розыскная энциклопедия. – Москва: И.И. Шумилова, 2004. – 364 с.
5. **Назаров А.Д.** Провокации в оперативно-розыскной деятельности. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 152 с.
6. **Смирнов М.П.** Комментарии оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – Москва: Экзамен, 2002. – 543 с.
7. **Гирько С.И., Вагин О.А., Исиченко А.П.** Проблемы совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / Проблемы юридической науки и практики: международный сборник научных трудов. – Москва, 2002. С. 35–39.
8. **Маркушин А.Г.** Оперативно-розыскная деятельность: учебник. – Москва: Юрайт, 2012. – 399 с.
9. **Чечетин А.Е.** Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / под ред. проф. А.Е. Чечетина. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2014. – 120 с.
10. **Никитин Е.Л., Дытченко Г.В.** Проблемы определения провокации в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 4 (57). – С. 94–100.
11. **Иванов А.Ю.** Проблемы определения понятия провокация в рамках ст. 304 УК РФ / Актуальные вопросы уголовного судопроизводства: сборник статей Криминалистического форума, Ростов-на-Дону, 19 мая 2018 г. – Ростов-на-Дону: ООО «Аэтерна», 2018. С. 42–46.
12. **Волынский А.Ф., Лапин Е.С.** Расследование провокаций взятки и коммерческого подкупа: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 160 с.
13. **Бучакова М.А., Дизер О.А.** Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3. – С. 34–37.

References

1. **Volzhenkin B.V.** Dopustima li provokaciya kak metod bor'by s korrupciej? // Rossijskaya yusticiya. – 2001. – № 5. – S. 43–45.
2. **Galushko V.A., Malahov A.S.** Provokaciya pri provedenii operativnogo eksperimenta // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2016. – № 3 (62). – S. 31–35
3. **Malyshev K.S.** «Provokaciya» kak chast' operativno-rozysknogo meropriyatiya «operativnyj eksperiment» / Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: tezisy dokladov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Mogilev, 23 aprelya 2021 g.; отв. ред. Yu.P. Shkaplerov [i dr.]. – Mogilev: Mogilevskij institut MVD Rossii, 2021. S. 304–306.
4. **Shumilov A.Yu.** Operativno-rozysknaya enciklopediya. – Moskva: I.I. Shumilova, 2004. – 364 s.
5. **Nazarov A.D.** Provokacii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti. – Moskva: YurLitinform, 2010. – 152 s.
6. **Smirnov M.P.** Kommentarii operativno-rozysknogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran: uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushchih'sya po special'nosti «Yurisprudenciya». – Moskva: Ekzamen, 2002. – 543 s.
7. **Gir'ko S.I., Vagin O.A., Isichenko A.P.** Problemy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti / Problemy yuridicheskoy nauki i praktiki: mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov. – Moskva, 2002. S. 35–39.
8. **Markushin A.G.** Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik. – Moskva: Yurajt, 2012. – 399 s.
9. **Chechetin A.E.** Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: uchebnoe posobie / pod red. prof. A.E. Chechetina. – Habarovsk: RIO DVYul MVD Rossii, 2014. – 120 s.
10. **Nikitin E.L., Dytchenko G.V.** Problemy opredeleniya provokacii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 4 (57). – S. 94–100.
11. **Ivanov A.Yu.** Problemy opredeleniya ponyatiya provokaciya v ramkah st. 304 UK RF / Aktual'nye voprosy ugolovnogo sudoproizvodstva: sbornik statej Kriminalisticheskogo foruma, Rostov-na-Donu, 19 maya 2018 g. – Rostov-na-Donu: ООО «Aeterna», 2018. S. 42–46.
12. **Volynskij A.F., Lapin E.S.** Rassledovanie provokacij vzyatki i kommercheskogo podkupa: monografiya. – Moskva: YurLitinform, 2010. – 160 s.
13. **Buchakova M.A., Dizer O.A.** Duhovnoe i npravstvennoe vospitanie sotrudnikov organov vnutrennih del // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2018. – № 3. – S. 34–37.

(статья сдана в редакцию 20.03.2025)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ****ORGANIZATIONAL AND LEGAL MEASURES TO COUNTER
EXTREMIST CRIMES**

УДК 343.3

В.В. КРАВЕЦ,
адъюнкт
(Академия МВД Республики Беларусь,
Республика Беларусь, Минск)
yegor.khvorostina@mail.ru

VLADISLAV V. KRAVETS,
Postgraduate
(Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus)

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу организационно-правовых мер по противодействию преступлениям экстремистской направленности в Республике Беларусь. Исследуются изменения в законодательстве, направленные на уточнение понятий экстремизма, введение уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, разжигание социальной розни и пропаганду экстремистской идеологии. Основной целью исследования является выявление существующих проблем в правоприменительной практике и разработка возможных решений, способных повысить эффективность противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Методологическая основа работы включает в себя общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализ, синтез, дедукция, правовое моделирование и сравнительно-правовой метод. Рассматриваются вопросы межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, а также влияние цифровых технологий на распространение экстремистской идеологии, включая проблему интернет-ресурсов, осуществляющих пропаганду деструктивных идей.

В статье предлагается ряд мер по совершенствованию механизмов противодействия экстремистской деятельности, включая оптимизацию нормативной правовой базы, расширение международного сотрудничества, развитие систем мониторинга онлайн-пространства и совершенствование правовых механизмов привлечения к ответственности за распространение запрещенных материалов. Отмечается необходимость интеграции технологических решений, обеспечивающих оперативное выявление угроз и эффективный контроль за исполнением судебных решений.

Научная и практическая значимость исследования заключается в развитии теоретических основ противодействия экстремизму, в формировании предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Выводы и рекомендации статьи могут быть полезны юристам, сотрудникам правоохранительных органов, специалистам в сфере кибербезопасности, а также использоваться в образовательных и законотворческих целях.

Ключевые слова: правоохранительные органы, противодействие экстремизму, оперативные подразделения, совершенствование законодательства.

Для цитирования: Кравец В.В. Организационно-правовые меры по противодействию преступлениям экстремистской направленности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 87–93.

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of organizational and legal measures to counter extremist crimes in the Republic of Belarus. The article examines changes in legislation aimed at

clarifying the concepts of extremism, the introduction of criminal liability for the rehabilitation of Nazism, incitement of social discord and propaganda of extremist ideology. The main purpose of the study is to identify existing problems in law enforcement practice and develop possible solutions that can increase the effectiveness of countering extremist crimes.

The methodological basis of the work includes general scientific and special research methods such as analysis, synthesis, deduction, legal modeling and the comparative legal method. The issues of interdepartmental interaction between law enforcement agencies, as well as the impact of digital technologies on the spread of extremist ideology, including the problem of Internet resources promoting destructive ideas, are considered.

The article proposes a number of measures to improve mechanisms for countering extremist activities, including optimizing the regulatory framework, expanding international cooperation, developing online space monitoring systems, and improving legal mechanisms for prosecuting the distribution of prohibited materials. It is noted that there is a need to integrate technological solutions that ensure prompt detection of threats and effective control over the execution of court decisions.

The scientific and practical significance of the research lies in the development of the theoretical foundations of countering extremism, in the formation of proposals for improving legislation and law enforcement practice. The conclusions and recommendations of the article can be useful to lawyers, law enforcement officers, cybersecurity specialists, as well as used for educational and legislative purposes.

Keywords: law enforcement agencies; opposition to extremism; operational units.

For citation: Kravets V.V. Organizational and legal measures to counter extremist crimes // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 87–93.

Противодействие экстремизму остается одной из наиболее сложных и многогранных проблем современного общества, требующей всестороннего осмысления. Проблематика экстремизма охватывает широкий спектр правовых, социальных и политических аспектов, создавая значительные трудности как для законодателей, так и для правоприменителей. Одной из ключевых проблем является отсутствие единого понимания сущности экстремизма, что затрудняет формирование четких правовых механизмов для борьбы с этим явлением. В различных странах критерии отнесения тех или иных действий к экстремистской деятельности различаются, что обусловлено особенностями национальных правовых систем, историческим контекстом и политической ситуацией [1, с. 98–99].

Актуальная редакция Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» (далее – Закон «О противодействии экстремизму»)¹ закрепляет ключевые термины, такие как «экстремизм (экстремистская деятельность)», «экстремистские материалы», «экстремистская организация», «экстремистское формирование», «финансирование экстремистской деятельности», а также «экстремистская символика и атрибутика». Закрепление этих понятий играет важную роль в правовом регулировании мер по противодействию экстремизму, обеспечивая

нормативную основу для контроля и предупреждения подобных проявлений.

Однако, несмотря на наличие в законодательстве Республики Беларусь четкого определения экстремизма, вопрос о сущности самого явления остается предметом научных дискуссий и интерпретаций. Как отмечает Е.В. Демидова, в юридической науке отсутствует единое определение экстремизма, что связано с его многогранной природой и междисциплинарным характером [2, с. 66]. Разные отрасли знания трактуют экстремизм по-разному: с идеологической точки зрения его понимают как идеологию, предусматривающую принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление [3, с. 84]; в социологии – как тип девиантного поведения, направленный против существующих в обществе норм, правил, принципов, обычаев, традиций [4, с. 289], а в политологии – как инструмент разрушения существующей системы [2, с. 66].

С этим соглашается и В.А. Осипов, подчеркивая, что экстремизм и экстремистская деятельность не являются тождественными понятиями. По его мнению, экстремизм следует понимать как идеологию, основанную на приверженности радикальным взглядам, а экстремистская деятельность представляет собой практическое воплощение этих идей, включая насильственное изменение государственного строя, разжигание социальной, национальной и религиозной розни, а также пропаганду превосходства одной группы над другой [5, с. 35].

¹ Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 №203-З «О противодействии экстремизму» (ред. № 292-З от 17.07.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

Культурные особенности формируют разные представления о границах экстремистских проявлений в различных обществах. Как указывает Г.А. Городенцев, в современном мире восприятие экстремизма во многом определяется политическим контекстом и особенностями информационной среды, что приводит к различным подходам к его правовому регулированию. Социальные контексты также играют значительную роль в восприятии экстремизма, учитывая изменчивость общественных ценностей и норм, а также специфику взаимодействия различных социальных групп [6, с. 14]. Кроме того, идеологические разногласия могут оказывать влияние на понимание экстремизма, так как критерии отнесения тех или иных действий к экстремистской деятельности варьируются в зависимости от политической ситуации и правоприменительной практики конкретной страны. По мнению Г.А. Городенцева, современные технологии, включая социальные сети и цифровые платформы, создают новые вызовы в области противодействия экстремизму, позволяя радикальным группам эффективно координировать свои действия и распространять экстремистскую идеологию среди уязвимых слоев населения [6, с. 16].

В этом контексте актуальным остается необходимость открытого диалога и обмена мнениями как на международной арене, так и внутри государства. Как подчеркивает Е.В. Демидова, экстремизм следует рассматривать не только как юридическую категорию, но и как сложное социально-политическое явление, требующее многоуровневого анализа и координации усилий различных институтов [2, с. 67]. Такой подход позволяет учитывать разнообразие культурных традиций, общественных взглядов и правовых систем, что способствует более точному пониманию и эффективному регулированию вопросов, связанных с противодействием экстремизму.

Таким образом, несмотря на наличие четкого законодательного закрепления понятия «экстремизм (экстремистская деятельность)» в Республике Беларусь, данный вопрос остается предметом научных дискуссий. Различные исследователи по-разному трактуют сущность экстремизма: как идеологию, радикальные действия или угрозу общественному порядку. Подходы к определению экстремизма разнятся в зависимости от культурных, социальных, политических и правовых факторов, что усложняет его универсальную правовую дефиницию. Кроме того, современные технологии создают новые вызовы в сфере противодействия экстремизму, позволяя распространителям экстремистской идеологии адаптироваться к правоприменительным мерам.

Ввиду роста количества совершаемых преступлений экстремистской направленности в

2020 г. власти предприняли ряд важных шагов, направленных на ужесточение уголовной политики в данной сфере, что свидетельствует о попытке государства адаптировать правовые нормы к современным вызовам [7, с. 23]. Тем не менее в юридическом сообществе продолжается обсуждение того, какие действия следует считать экстремистскими, и насколько законодательные меры соответствуют международным стандартам. Важным шагом в совершенствовании законодательства стало принятие Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 года № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее – Закон «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»)², который внес коррективы в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК)³. В частности, ст. 130 УК, касающаяся разжигания расовой, национальной, религиозной или иной социальной вражды или розни, получила уточнение в части определения термина «иная социальная принадлежность». Под этим термином теперь понимается принадлежность лица к определенной социальной группе на основании таких признаков, как пол, возраст, профессия, род занятий, место жительства и других характеристик. Это уточнение направлено на устранение пробелов в правоприменительной практике, позволяя более точно квалифицировать преступления, связанные с разжиганием вражды.

Кроме того, Закон «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ввел уголовную ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 130-1 УК). Под реабилитацией нацизма понимаются умышленные действия, направленные на оправдание или восстановление нацистской идеологии. Введение данной нормы отражает международные тенденции в области уголовно-правовой защиты исторической памяти, что подтверждается опытом зарубежных стран, где подобные преступления уже давно получили правовую оценку. Как отмечает М.Г. Левандовская, установление уголовной ответственности за реабилитацию нацизма стало результатом длительного законодательного процесса, в ходе которого законодатели стремились не только зафиксировать запрет на публичное оправдание нацистских преступлений, но и сформировать механизмы пресечения подобных деяний [8, с. 160].

Также в УК была внесена норма, касающаяся пропаганды нацистской символики или атрибу-

² Закон Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (ред. № 61-3 от 17.02.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

тики. Согласно ст. 341-1 УК предусматривается ответственность за пропаганду или публичное демонстрацию нацистской символики или атрибутики, включая ситуации, связанные с использованием Интернета или иных информационных сетей, а также за изготовление, распространение, хранение или приобретение указанных предметов с целью их распространения, если такие действия совершаются неоднократно.

Деяние признается совершенным неоднократно, если лицо дважды в течение одного года подверглось административному взысканию за нарушения, предусмотренные ст. 19.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях⁴, после наложения второго административного взыскания за указанные деяния, если в течение года лицо снова их совершило. Установление механизма двойной административной преюдиции подчеркивает серьезное отношение к лицам, систематически совершающим административные правонарушения в данной сфере. Такой подход усиливает контроль и ответственность за нарушения, призванные предотвращать распространение экстремистских идей и их воздействие на общество. Как отмечает И.Э. Мартыненко, административная практика по данной статье только формируется. Включение норм, направленных на противодействие пропаганде и распространению нацистской символики, а также реабилитации нацизма, в Закон «О противодействии экстремизму» свидетельствует о системных мерах государства по противодействию экстремистским проявлениям. По его мнению, установление административной и уголовной ответственности за указанные деяния является частью целенаправленной государственной политики, направленной на обеспечение общественной безопасности и предотвращение распространения деструктивных идеологий [9, с. 200].

Важно отметить, что националистическая идеология, как показывает исторический и правоприменительный опыт, зачастую является основой для формирования экстремистских взглядов и действий, направленных на подрыв общественного порядка, разжигание розни и насилия. Именно поэтому законодатель, осознавая высокую степень общественной опасности подобных проявлений, предпринимает системные и последовательные меры по их пресечению на самом высоком уровне. Включение в уголовное законодательство норм, направленных на противодействие реабилитации нацизма, пропаганде нацистской символики, а также разжиганию расовой, национальной и

иной социальной вражды, свидетельствует о целенаправленной государственной политике по обеспечению мира, стабильности и безопасности общества. Установленный механизм двойной административной преюдиции усиливает ответственность за систематическое совершение подобных правонарушений, создавая эффективный правовой инструмент для предупреждения распространения деструктивных идеологий. Таким образом, законодательная деятельность в данной сфере направлена на формирование устойчивых правовых барьеров, исключающих возможность легализации и популяризации националистических и экстремистских идеологий в правовом поле государства.

Помимо теоретического и законодательного аспекта противодействия экстремизму, важную роль играет практическая реализация данных норм. В этом контексте следует обратиться к постановлению Совета Министров Республики Беларусь № 575 от 12 октября 2021 года (далее – постановление)⁵, которое конкретизирует меры по противодействию экстремизму и реабилитации нацизма. Согласно данному постановлению, в борьбе с экстремизмом задействован широкий круг государственных органов, включая органы внутренних дел, государственной безопасности, прокуратуры, пограничной службы, таможенные органы, а также Национальную академию наук Беларуси, Министерство образования и другие учреждения. Анализ практических аспектов применения данного постановления позволит оценить эффективность существующей системы противодействия экстремизму в стране.

Как отмечает А.В. Петрянин, уголовно-правовое регулирование экстремизма на постсоветском пространстве, в том числе в Беларуси, направлено не только на криминализацию конкретных деяний, но и на предотвращение экстремистской активности через систему превентивного контроля [10, с. 162]. Государственные органы, входящие в указанные субъекты противодействия, обязаны регулярно предоставлять информацию (не реже двух раз в год) через систему межведомственного электронного документооборота, соблюдая правила ограниченного распространения при необходимости. Важно отметить, что сведения из единого госбанка данных о правонарушениях не требуется направлять в Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) (согласно подп. 1.1 п. 1 постановления).

Ключевым администратором, ответственным за сбор информации об использовании мер по

⁴ Кодекс Республики Беларусь от 06.01.2021 № 91-3 «Об административных правонарушениях» (ред. от 17.02.2025 № 61-3) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

⁵ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12.11.2021 № 575 «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Республика Беларусь».

противодействию экстремизму и реабилитации нацизма, определено МВД, на которое возложена ответственность за ведение установленной формы перечней лиц и организаций, причастных к экстремистской деятельности. Перечни включают информацию об организациях, формированиях, индивидуальных предпринимателях, а также физических лицах – белорусских и иностранных гражданах и лицах без гражданства. Для включения в перечни МВД получает сведения от судов и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (далее – КГБ). Суды передают приговоры и судебные постановления по лицам и организациям, привлеченным к ответственности за экстремистскую деятельность, не позднее следующего за днем их вступления в законную силу. КГБ предоставляет решения о признании группы граждан экстремистским формированием и о запрете деятельности такого формирования. Перечни, сформированные МВД, размещаются на официальном сайте в течение трех дней с момента их создания или внесения изменений. Важно отметить, что теперь, согласно ст. 15 Закона «О противодействии экстремизму», МВД и КГБ имеют право принимать окончательные решения о признании группы граждан экстремистским формированием и о запрете его деятельности, что ранее требовало судебного решения.

Учитывая особую ответственность, возложенную на МВД в сфере противодействия экстремизму, необходимо уделить внимание деятельности оперативных подразделений. Как отмечает И.В. Федорова и соавторы, именно оперативные подразделения МВД играют ключевую роль в выявлении, пресечении и профилактике экстремистской деятельности, используя комплексный подход, включающий как административно-правовые, так и оперативно-разыскные меры. В качестве самого многочисленного компонента правоохранительной системы МВД несет основной груз обеспечения безопасности общества и государства от противоправных посягательств, включая противодействие экстремистским проявлениям [11, с. 247].

В условиях динамично меняющейся обстановки и сохраняющейся угрозы распространения деструктивных взглядов МВД Республики Беларусь демонстрирует высокую эффективность в противодействии экстремизму. Как следует из официальных данных, озвученных генеральным прокурором А. Шведом, в 2024 г. удалось сократить количество преступлений экстремистской направленности почти вдвое по сравнению с предыдущим периодом⁶. Данный факт отражает

положительные результаты системных мер, принятых для выявления, пресечения и профилактики экстремистских действий. Однако, несмотря на достигнутый прогресс, практика указывает на ряд особенностей, требующих дальнейшего совершенствования форм и методов правоохранительной деятельности.

Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на экстремистскую преступность, остается широкое использование сети Интернет для коммуникации, распространения пропагандистских материалов и координации противоправной деятельности. По данным правоохранительных органов, более 70% преступлений совершены в сети Интернет⁷, значительная часть которых совершается злоумышленниками, находящимися вне пределов республики⁸. Имеются многочисленные примеры, когда радикально настроенные лица, скрываясь за границей, продолжают вести агитацию, направленную на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране. Этот факт требует от оперативных подразделений особого внимания к трансграничному характеру угроз и дополнительно стимулирует внедрение новых подходов к мониторингу информационных ресурсов.

Успешные примеры привлечения к уголовной ответственности в заочном порядке доказывают результативность применяемых в Беларуси механизмов борьбы с экстремизмом. По данным Генеральной прокуратуры, в 2024 г. в суд были направлены материалы в отношении 62 экстремистов, скрывающихся за рубежом. Использование специальных процедур позволило обеспечить неотвратимость наказания, невзирая на фактическое местонахождение обвиняемых. Такой положительный опыт иллюстрирует, как совершенствование правовой базы, в том числе Уголовного кодекса и норм, регулирующих процесс заочного судопроизводства, дает правоохранительным органам возможность пресекать экстремистскую деятельность, имеющую внешние источники.

В то же время нельзя не отметить сохраняющиеся трудности. Наиболее существенной проблемой остается быстрый темп изменений в цифровой сфере. Современные технологии позволяют злоумышленникам использовать анонимные каналы коммуникации и сложные схемы маскировки, что

⁶ Андрей Швед: количество экстремистских преступлений в 2024 году сократилось вдвое [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ostrovets.by/news/novosti/news49700.html>

⁷ Генпрокурор: более 70% экстремистских преступлений совершены в интернете [Электронный ресурс]. – URL: <https://belta.by/society/view/genprokuror-bolee-70-ekstremistskih-prestuplenij-soversheny-v-internete-541856-2022/>

⁸ Как расследуются дела экстремистской и террористической направленности, рассказали в Следственном комитете [Электронный ресурс]. – URL: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/kak-rassledujutsja-dela-ekstremistskoj-i-terroristicheskoy-napravlenosti-rasskazali-v-sledstvennom-komitete-12033/>

затрудняет оперативно-разыскные мероприятия и расследование подобных дел. Распространение призывов к насилию, публикация экстремистских материалов, сбор средств и формирование «закрытых» радикальных сообществ зачастую происходят в труднодоступных сегментах Интернета, в том числе на анонимных площадках. Кроме того, международный характер экстремистских сетей требует углубленного взаимодействия с зарубежными правоохранительными организациями и экспертными структурами, так как многие ресурсы находятся за пределами национальной юрисдикции или располагаются на серверах иностранных провайдеров.

Принимая во внимание обозначенные сложности, представляется важным продолжить дальнейшее укрепление и модернизацию технических средств и методов борьбы с экстремизмом. Прежде всего это касается внедрения современных программно-аналитических комплексов, автоматизированных систем обработки и анализа больших массивов данных, технологий искусственного интеллекта, способных в режиме реального времени выявлять подозрительный контент и фиктивные аккаунты. Расширение взаимодействия с профильными ИТ-компаниями также может сыграть значимую роль, позволяя вовремя блокировать распространение запрещенных материалов. Важно при этом не только реагировать на уже выявленные случаи экстремистской агитации, но и формировать превентивные механизмы, способствующие раннему обнаружению и пресечению попыток вовлечения граждан в деструктивную деятельность⁹.

Отдельное направление, заслуживающее пристального внимания, – совершенствование подготовки кадров. Компетенции специалистов, участвующих в раскрытии и расследовании экстремистских преступлений, нуждаются в постоянном обновлении. Позитивные результаты последних лет, безусловно, свидетельствуют о высокой квалификации оперативных подразделений по борьбе с киберпреступностью¹⁰. Однако стремительные изменения в информационной среде требуют непрерывного повышения профессионального уровня, включая умение работать с цифровыми следами, собирать и интерпретировать доказательства, полученные из открытых и закрытых источников в сети Интернет. Расширение учебных программ и курсов повышения квалификации, ориентиро-

ванных на специфику экстремистской деятельности в киберпространстве, позволит сохранить достигнутую динамику снижения преступности и адаптироваться к новым вызовам.

Необходимо подчеркнуть и важность профилактических мер, о чем свидетельствует опыт мероприятий, направленных на упреждение экстремистских проявлений. Правоохранительные органы, взаимодействуя с другими государственными структурами и общественными институтами, уделяют повышенное внимание целевой работе с наиболее уязвимыми категориями граждан, а также мониторингу информационного поля в целях своевременного определения признаков зарождающихся деструктивных тенденций. Такая практика дает ощутимые результаты, снижая вероятность массовых вспышек экстремистской активности в периоды общественно-политической напряженности.

На основании вышесказанного возможно сформулировать несколько ключевых выводов:

1. Тенденция к снижению экстремистской преступности в 2024 г. подтверждает, что комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, четкое взаимодействие правоохранительных структур и активную работу оперативных подразделений в интернет-пространстве, дает значимый эффект.

2. Большинство экстремистских деяний совершается с использованием электронных коммуникаций и во многом дистанционно, нередко из-за рубежа. Данный факт обуславливает необходимость развивать международное сотрудничество, совершенствовать методики отслеживания и анализа сетевого контента и применять специальные инструменты привлечения к ответственности заочно.

3. Положительный опыт заочного судопроизводства демонстрирует способность национальной правовой системы противостоять радикально настроенным лицам, скрывающимся вне территории Беларуси. Тем самым достигается цель неотвратимости наказания, повышается уровень безопасности, а также снижается риск дальнейшей экстремистской деятельности со стороны таких правонарушителей.

4. Основная сложность – быстрое развитие цифровых технологий, используемых экстремистами для анонимного общения и агитации. Формирование специализированных подразделений, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, развитие научно-технической базы и тесное взаимодействие с ИТ-сектором становятся решающими факторами в противодействии «сетевому» экстремизму.

5. Профилактика остается важнейшим компонентом в системе мер по снижению уровня

⁹ Сфера применения ИТ в МВД продолжает расширяться [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/december/43801/>

¹⁰ Как в Академии МВД готовят специалистов по борьбе с киберпреступлениями [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sb.by/articles/vzyat-tsirovoy-sled.html/>

экстремистской активности. Информационно-разъяснительные мероприятия, взаимодействие с учебными заведениями, мониторинг социальных сетей и четкая обратная связь с населением помогают своевременно выявлять рискованную деятельность и локализовывать ее на ранних стадиях.

Подводя итог, можно отметить, что достигнутые в 2024 г. результаты свидетельствуют об успешной работе правоохранительных органов по снижению уровня экстремистской преступности. В условиях трансформации информационного пространства и появления новых форм проявления деструктивных

идеологий положительная динамика не должна ослаблять бдительность. Напротив, она призвана стимулировать дальнейшее совершенствование всей системы противодействия экстремизму – от законодательных поправок и технической модернизации до укрепления координации всех ведомств и дальнейшей профилактической работы с населением. Такой комплексный, научно обоснованный и гибкий подход позволит сохранять достигнутые успехи и своевременно отвечать на возникающие вызовы, обеспечивая внутреннюю стабильность и безопасность государства.

Литература

---

1. **Корнилов Т.А.** Понятие экстремизма и ответственность за него по законодательству зарубежных стран // Научный портал МВД России. – 2011. – № 3. – С. 95–99.
2. **Демидова Е.В.** Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2010. – № 2. – С. 66–69.
3. **Верещагин В.Ю., Лабунец М.И.** Политический экстремизм в контексте модернизации современной российской государственности // Философия права. – 2002. – № 2. – С. 7–11.
4. **Вехов И.В.** Экстремизм как объект социологического исследования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 284–290.
5. **Осипов В.А.** Экстремизм, экстремистская деятельность и преступления экстремистской направленности: понятия, содержание и соотношение // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4 (42). – С. 34–38.
6. **Городенцев Г.А.** Экстремизм как историко-правовой феномен: концептуализация понятия и основные теоретические подходы к изучению // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 3 (21). – С. 13–16.
7. **Васильев Э.А., Прокофьева Т.В.** К вопросу о мерах по противодействию экстремизму и терроризму в Республике Беларусь // Научный портал МВД России. – 2022. – № 3 (59). – С. 20–25.
8. **Левандовская М.Г.** Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 12 (52). – С. 155–162.
9. **Мартыненко И.Э.** Правовые меры недопущения реабилитации нацизма: опыт Республики Беларусь // Вестник Воронежского государственного университета. – 2022. – № 1 (48). – С. 191–202.
10. **Петрянин А.В.** Специфика уголовно-правового противодействия экстремизму на территории постсоветского пространства (на примере анализа законодательства Республики Беларусь и Грузии) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 160–164.
11. **Федорова И.В., Ржаницына И.А., Сухинина Я.В.** Деятельность органов внутренних дел по противодействию экстремизму // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 246–248.

References

---

1. **Kornilov T.A.** Ponyatie ekstremizma i otvetstvennost' za nego po zakonodatel'stvu zarubezhnykh stran // Nauchnyi portal MVD Rossii. – 2011. – № 3. – S. 95–99.
2. **Demidova E.V.** Ekstremizm: ponyatie i sushchnost' // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2010. – № 2. – S. 66–69.
3. **Vereshchagin V.Yu., Labunets M.I.** Politicheskii ekstremizm v kontekste modernizatsii sovremennoi rossiiskoi gosudarstvennosti // Filosofiya prava. – 2002. – № 2. – S. 7–11.
4. **Vekhov I.V.** Ekstremizm kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. – 2009. – № 111. – S. 284–290.
5. **Osipov V.A.** Ekstremizm, ekstremistskaya deyatel'nost' i prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti: ponyatiya, sodержание i sootnoshenie // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (42). – S. 34–38.
6. **Gorodentsev G.A.** Ekstremizm kak istoriko-pravovoi fenomen: kontseptualizatsiya ponyatiya i osnovnye teoreticheskie podkhody k izucheniyu // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 3 (21). – S. 13–16.
7. **Vasil'ev E.A., Prokof'eva T.V.** K voprosu o merakh po protivodeistviyu ekstremizmu i terrorizmu v Respublike Belarus' // Nauchnyi portal MVD Rossii. – 2022. – № 3 (59). – S. 20–25.
8. **Levandovskaya M.G.** Reabilitatsiya natsizma kak prestuplenie // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2018. – № 12 (52). – S. 155–162.
9. **Martynenko I.E.** Pravovye mery nedopushcheniya reabilitatsii natsizma: opyt Respubliki Belarus' // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 1 (48). – S. 191–202.
10. **Petryanin A.V.** Spetsifika ugovovno-pravovogo protivodeistviya ekstremizmu na territorii postsovetskogo prostranstva (na primere analiza zakonodatel'stva Respubliki Belarus' i Gruzii) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2014. – № 4 (28). – S. 160–164.
11. **Fedorova I.V., Rzhantsyna I.A., Sukhinina Ya.V.** Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po protivodeistviyu ekstremizmu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 4. – S. 246–248.

(статья сдана в редакцию 06.03.2025)

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ЗАКОННОСТИ
СОТРУДНИКАМИ МИЛИЦИИ ТАДЖИКИСТАНА****ADMINISTRATIVE-LEGAL MECHANISMS OF PREVENTION OF
VIOLATIONS OF LEGALITY BY OFFICERS OF THE TAJIK MILITSIYA**

УДК 342.9

С.Н. ШАРИПОВ,
адъюнкт
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
saifuddin.nuriddin@mail.ru

SAIFUDDIN N. SHARIPOV,
Postgraduate
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: в статье проводится анализ административно-правовых механизмов, регулирующих деятельность сотрудников милиции Таджикистана с целью предупреждения возможных нарушений закона. Главное внимание уделяется системному подходу к профилактике нарушений законности, осуществляемой Министерством внутренних дел Республики Таджикистан. Рассматриваются организационно-правовые условия, позволяющие формировать действенные средства профилактического, упреждающего характера, обеспечивающие строгое соблюдение закона сотрудниками милиции, осуществляющими административную деятельность, в том числе при реализации административной дискреции. Подчеркивается важность формирования эффективных профилактических мер, способствующих снижению числа противоправных действий сотрудников милиции. Важную роль играет изучение правовых аспектов дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел, где особое внимание уделено взаимосвязи дисциплинарных взысканий и улучшения качества профессиональной деятельности милиции.

В статье акцентируется внимание на важности баланса между жесткими санкциями и предупредительными мероприятиями, обеспечивающего устойчивое развитие системы охраны правопорядка и защиту законных интересов граждан страны. Отдельно рассматривается проблема правомерности применения милицией мер прямого принуждения, особенно вопросов, связанных с использованием физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, также отмечается значимость строгого соблюдения принципов юридической процессуальной практики в ходе осуществления административных функций милиции. Исследование представляет интерес для специалистов, занимающихся вопросами реформы полицейских служб в государствах бывшего СССР, а также предлагает ряд практических рекомендаций, пригодных для реализации в аналогичных социально-правовых условиях.

Ключевые слова: милиция Таджикистана, административная деятельность, превентивные меры, дисциплинарная ответственность, внутриведомственный контроль, требования нормативных правовых актов.

Для цитирования: Шарипов С.Н. Административно-правовые механизмы предупреждения нарушений законности сотрудниками милиции Таджикистана // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 94–102.

Abstract: the article analyzes administrative and legal mechanisms regulating the activities of Tajikistan's militsiya officers aimed at preventing possible violations of law. The main focus is on a systematic approach to preventing violations of legality carried out by the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. Organizational and legal conditions are considered that allow for the formation of effective preventive measures ensuring strict compliance with the law by militsiya officers engaged in administrative activities, including when exercising administrative discretion. Emphasis is placed on the importance of developing efficient preventive measures contributing to reducing the number of illegal actions committed by militsiya officers. A significant role is played by studying the legal aspects of disciplinary responsibility among employees of

internal affairs bodies, where particular attention is given to the interrelation between disciplinary penalties and improving the quality of professional activity within the militsiya force. The article highlights the importance of balancing severe sanctions and preventive measures, which ensures sustainable development of public order protection systems and safeguarding citizens' legitimate interests. Separately, it addresses the issue of the legitimacy of direct coercion measures used by the militsiya, particularly those related to the use of physical force, special means, and firearms. It is important to note the significance of strictly adhering to principles of judicial procedural practice during the implementation of administrative functions by the militsiya. This study will be interesting for specialists dealing with issues concerning reforming police services in post-Soviet states, offering practical recommendations suitable for implementation under similar socio-legal conditions.

Keywords: Tajik militsiya, administrative activity, preventive measures, disciplinary responsibility, intradepartmental control.

For citation: Sharipov S.N. Administrative-legal mechanisms of prevention of violations of legality by officers of the Tajik militsiya // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 94–102.

Законность является важнейшим принципом правоприменительной деятельности таджикской милиции, с которым тесно взаимосвязаны все остальные, она состоит в строгом соблюдении и исполнении сотрудниками всех требований нормативных правовых актов, регулирующих данную деятельность, в том числе и ведомственных. Принцип законности является всеохватывающим и не предполагает никаких исключений [1, с. 213]. В то же время следует учитывать, что законность в условиях распространения в обществе различных политико-правовых учений и социально-философских концепций демонстрирует крайне разнообразные и существенные моменты, не охватываемые в полной мере каким-то одним ее истолкованием или традиционно выделяемым набором признаков [2, с. 50].

Широкая компетенция сотрудников милиции в области обеспечения безопасности граждан, охраны правопорядка, административно-юрисдикционной деятельности и т.д. понуждает самого сотрудника милиции неукоснительно следовать требованиям законности и добиваться от граждан и должностных лиц соблюдения законности и правопорядка. Требование неукоснительного соблюдения законов формирует ответственное поведение субъектов правоотношений, которое должно соответствовать их содержанию и предписаниям [3, с. 8].

Принцип законности учрежден для всех направлений деятельности милиции. О нем как об основе деятельности милиции говорит ст. 4 Закона Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции»¹ (далее – Закон о милиции), хотя и не раскрывает содержание данного принципа.

Применительно к административно-юрисдикционной деятельности принцип законности установлен ст. 7 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях (далее – КоАП РТ)². В ст. 4 Закона Республики Таджикистан от 2 марта 2011 г. № 352 «Об оперативно-розыскной деятельности» говорится о принципе законности, на котором основывается указанная деятельность³. Наконец, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан⁴ (ст. 9) закрепляет принцип законности для производства по уголовным делам.

Первостепенное значение дальнейшего совершенствования организационно-правовых условий, создающих фундамент правомочности действий милиции, определяется тем, что оно позволяет формировать средства профилактического, упреждающего характера, обеспечивающие строгое соблюдение закона, в том числе при реализации административного усмотрения. Неслучайно Ю.П. Соловей дополнительно аргументирует необходимость дальнейшего развития таких направлений модернизации деятельности милиции, как совершенствование профессиональной подготовки, развитие наставничества в органах внутренних дел, оптимизация дисциплинарной практики, формирование норм профессиональной милицейской этики, развитие

¹ Закон Республики Таджикистан от 17.05.2004 № 41 «О милиции» [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30545639

² Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (принят Законом Республики Таджикистан от 31.12.2008 № 455) (с изм. и доп. по сост. на 14.05.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414710&pos=827;-48#pos=827;-48

³ Закон Республики Таджикистан от 02.03.2011 № 352 «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=43137

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 (с изм. и доп. по сост. на 03.01.2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304

процедур правоприменения в административной деятельности милиции и др. [4, с. 19].

Первым проведенным научным исследованием, выделившим административно-правовые способы (условия), направленные на предупреждение нарушений законности сотрудниками правоохранительных органов, можно отметить кандидатскую диссертацию Э.Х. Мамедова «Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения» [5]. В то же время в указанной работе административно-правовые способы отнесены к административно-правовым средствам, а сам научный труд посвящен обеспечению законности применения полицией лишь мер административного принуждения, то есть имеет значительно более узкий объект и предмет исследования. В настоящей статье, направленной на изучение организационно-правовых условий обеспечения законности в значительно более широкой сфере сложной и разнонаправленной административной деятельности милиции, указанные «предупредительные» способы будут выглядеть иначе.

Административно-правовые процедуры отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел. Первым этапом работы по предупреждению нарушений законности со стороны сотрудников милиции выступает, по нашему мнению, отбор кадров на службу в органы внутренних дел. Нормативной основой этой и других процедур, связанных с поступлением на службу в органы внутренних дел, выступает Положение о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Республики Таджикистан, утвержденное постановлением Правительства Республики Таджикистан от 5 апреля 2005 г. № 137⁵. На службу в органы внутренних дел принимаются в добровольном порядке граждане Республики Таджикистан от восемнадцати до тридцати пяти лет независимо от места проживания, национальности, религиозных убеждений, способные по своим личным, моральным и деловым качествам, образованию, физической подготовке и состоянию здоровья исполнять возложенные служебные обязанности сотрудников милиции. Особое внимание обращается на преданность будущего сотрудника милиции Конституции Республики Таджикистан, Лидеру нации и государству. Можно сказать, что сотрудника милиции в Таджикистане и его нани-

мателя связывают публично-правовые отношения службы и верности.

После прохождения военно-врачебной комиссии Министерства внутренних дел Республики Таджикистан кандидат на службу в органах внутренних дел получает заключение о годности к данной службе.

Происходит проверка близких родственников кандидата на судимость. Сам кандидат проверяется с использованием полиграфа на возможную причастность к противоправным деяниям. Кандидаты, принимаемые на службу в милицию, в обязательном порядке проходят специальное профессиональное обучение. Граждане не могут быть приняты на службу в милицию при следующих обстоятельствах:

- при наличии судимости;
- при наличии медицинских противопоказаний, препятствующих выполнению служебных обязанностей (не годные по состоянию здоровья);
- при отказе от прохождения процедуры специальной проверки и оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну;
- при наличии близкого родства или свойства (родители, братья, супруги, сестры, сыновья, дочери, а также братья, сестры, родители и дети супругов) с сотрудником, если их служба в органах внутренних дел связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому;
- при наличии иностранного либо двойного гражданства;
- при отказе от дактилоскопической регистрации;
- при фальсификации данных о себе или о своих родственниках;
- при недостаточной физической подготовке.

В практике кадровой работы таджикской милиции сложился жесткий подход к кадровой фильтрации. Так, в 2023 г. в процессе отбора кандидатов на службу в милицию города Душанбе было отклонено 15% заявлений из-за выявленных связей с криминальными элементами или недостаточной лояльности государственным структурам. В 2022 г. в УМВД Республики Таджикистан по Хатлонской области использование полиграфа позволило выявить трех кандидатов, скрывавших участие в мелких правонарушениях, что предотвратило их поступление на службу и снизило потенциальные риски нарушений законности.

Приведенную совокупность административно-правовых процедур считаем важнейшей среди всех, направленных на предупреждение нарушений законности со стороны сотрудников милиции. В плане ее совершенствования полагаем возможным придать ей большую открытость, которую

⁵ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 05.04.2005 № 137 «Об утверждении Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Республики Таджикистан» [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8296 (дата обращения 25.05.2025).

можно достичь более активным использованием контроля со стороны населения, в том числе и путем опубликования списков лиц, подавших заявление о поступлении на работу в милицию [6, с. 253].

Административно-правовые процедуры при приеме на службу в органы внутренних дел. Для лиц, впервые поступающих на службу в милицию, устанавливается испытательный срок от 3 до 6 месяцев. Так, в 2023 г. во время испытательного срока в УМВД Республики Таджикистан по Согдийской области двое кандидатов были отстранены от исполнения обязанностей за нарушение субординации и несоблюдение этических норм, что демонстрирует эффективность контроля на данном этапе.

Во время испытательного срока сотрудник обязан:

- систематически обновлять знания в области защиты человеческого достоинства, неприкосновенности частной жизни и других фундаментальных свобод, предусмотренных законом;
- постоянно совершенствовать свои личные и профессионально-этические качества;
- поддерживать субординационную культуру;
- быть примером законопослушного и этического поведения в обществе;
- уважать коллег, поддерживать позитивную атмосферу и конструктивное взаимодействие внутри коллектива;
- сохранять в строгой конфиденциальности сведения, связанные с государственными интересами и внутренней деятельностью органов внутренних дел, исключая их несанкционированное распространение;
- выполнять возложенные задачи в установленные сроки, действовать оперативно и ответственно, демонстрировать инициативность и наступательную позицию в решении рабочих вопросов.

Сотрудники милиции принимают торжественную Присягу, текст которой утверждается Президентом Республики Таджикистан. Суть Присяги сводится к ритуальному обещанию (клятве) до конца оставаться преданным своему народу, Главе государства, Родине и делу, которому сотрудник милиции посвящает свою жизнь, быть честным, мужественным, дисциплинированным, бдительным работником, образцово нести службу, строго соблюдать Конституцию и законы Республики Таджикистан, хранить государственную и служебную тайну.

В повседневной работе молодым сотрудникам милиции уделяется особое внимание. Процесс вхождения в службу молодого сотрудника психологически труден, так как наступают изменения условий жизни, ее привычного ритма. С учетом особого значения формирования устойчивости

у молодых сотрудников к любым проявлениям коррупции считаем необходимым рассматриваемую систему административных процедур, реализуемых на этапе приема кандидата на службу в милицию, дополнить процедурой получения подписки о недопустимости принятия подарков любой стоимости, если это связано с исполнением служебных обязанностей. Контракт о службе с сотрудником заключается после истечения установленного ему испытательного срока.

Институт наставничества. Отдел по воспитательной работе Управления кадров и по работе с личным составом МВД Таджикистана координирует работу наставников, обеспечивает их закрепление за молодыми сотрудниками на службе, проводит работу по воспитанию чувства долга, чести, гордости за службу в милиции, личной ответственности за добросовестное выполнение служебных обязанностей. Профессионально-нравственным руководством в работе с молодыми сотрудниками является приказ МВД Таджикистана от 1 января 2006 г. № 1 «О вежливом и бережном отношении сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск к гражданам»⁶. В период становления молодых сотрудников особый упор делается на изучении их морально-психологических качеств и систематическом проведении воспитательной работы. Работа с молодыми сотрудниками ведется как при выполнении ими служебных обязанностей, так и во внеслужебное время; упор делается на определение им индивидуальных заданий по самостоятельному изучению нормативных правовых актов, специальной литературы, вооружения и специальной техники.

Цели, задачи и порядок реализации института наставничества в органах внутренних дел Республики Таджикистан определены Положением об организации и реализации наставнической деятельности в Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан, утвержденным приказом МВД Таджикистана от 27 марта 2012 г. № 14⁷ (далее – Положение).

В соответствии с Положением наставник, в частности, обязан:

- изучать личные качества сотрудника, его

⁶ Приказ Министерства внутренних дел Республики Таджикистан от 01.01.2006. № 1 «О вежливом и бережном отношении сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск к гражданам» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Таджикистан. – URL: <https://mvd.tj> (дата обращения: 18.05.2025).

⁷ Положение об организации и реализации наставнической деятельности в Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vkd.tj/731-struktura.html> (дата обращения: 18.05.2025).

интересы и увлечения, образ жизни и поведение; принимать участие в разработке и реализации комплексной программы изучения личности сотрудника;

– оказывать всестороннюю помощь сотруднику в овладении профессиональными приемами и методами исполнения служебных обязанностей, своевременно выявлять и устранять ошибки в служебной деятельности;

– прививать сотруднику чувство профессиональной гордости, ответственное и добросовестное отношение к службе, уважение к служебным традициям милиции и своего подразделения;

– воспитывать у молодого сотрудника дисциплинированность и исполнительность, проявлять требовательность и принципиальность в вопросах соблюдения законности и норм профессиональной этики;

– обеспечивать контроль за несением службы молодым сотрудником, давать ему поручения по изучению необходимых нормативных правовых актов, проверять теоретические знания и правильность в их применении в практической деятельности.

Наставник имеет право:

– знакомиться в установленном порядке с материалами личного дела сотрудника;

– посещать сотрудника по месту жительства для ознакомления с условиями его проживания;

– участвовать в аттестации молодого сотрудника.

Наставники, находясь ежедневно в прямом контакте со своими подопечными, личным примером оказывают на них непосредственное влияние. Они призваны передавать не только свои знания и опыт, но и формировать стремление сотрудника к реализации себя в профессии. Поэтому необходимо строгое и неукоснительное соблюдение правила: наставником следует назначать сотрудника, пользующегося авторитетом в коллективе и досконально знающего свое дело. Главные условия осуществления наставничества – избегать формализма и применять индивидуальный подход к каждому молодому сотруднику [7, с. 65]. При хорошо налаженном наставничестве молодые сотрудники быстрее адаптируются и лучше интегрируются в коллективы.

Поддержание дисциплины сотрудников органов внутренних дел. Законность в административной деятельности милиции тесно связана с состоянием служебной дисциплины, уровнем культуры в работе. Конкретным проявлением принципа законности является строгое и безусловное выполнение сотрудниками органов внутренних дел приказов, инструкций, наставлений, уставов и других ведомственных нормативных актов. Специфика борьбы с преступностью и на-

рушениями общественного порядка требует особой точности, аккуратности, исполнительности, безупречного выполнения каждым сотрудником своих служебных обязанностей, четкого соблюдения, установленного в органах и подразделениях милиции порядка несения службы. Основой этого порядка является служебная дисциплина. Сотрудник милиции должен твердо знать возложенные на него обязанности, быть образцом в их исполнении.

Ст. 36 Закона о милиции говорит о том, что за нарушение законности, злоупотребление властью, превышение служебных полномочий, неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных обязанностей сотрудник милиции несет дисциплинарную, материальную, административную и уголовную ответственность в установленном законодательством Республики Таджикистан порядке. Поэтому необходимо добиваться, чтобы каждый сотрудник милиции хорошо знал свои обязанности и права и умел ими пользоваться.

Дисциплина и организованность все в большей степени становятся необходимым условием выполнения стоящих перед милицией задач. Строжайшее соблюдение дисциплины, порядок и организованность должны стать личным убеждением каждого сотрудника, нормой его поведения, первейшим служебным долгом и обязанностью. Правовой основой поддержания дисциплины в милиции выступает Дисциплинарный устав органов внутренних дел Республики Таджикистан, утвержденный постановлением Правительства Республики Таджикистан от 7 сентября 2006 г. № 424⁸ (далее – Дисциплинарный устав).

Дисциплина охватывает все стороны деятельности милиции: и выполнение сотрудниками служебных обязанностей, и поведение их в быту, в общественных местах, и функционирование всех аппаратов, служб и подразделений. Без дальнейшего укрепления дисциплины в указанных структурах милиции нельзя решать новые задачи. Милиция должна действовать с безупречной четкостью, обеспечивать правильное и своевременное решение всех вопросов, относящихся к ее компетенции. Здесь не может быть безответственности, проявления которой отрицательно отражаются на состоянии борьбы с правонарушениями.

Дисциплина в работе милиции предполагает разработку и четкое определение функций и пол-

⁸ Постановление правительства республики Таджикистан от 07.09.2006 № 424 «Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Таджикистан» [Электронный ресурс]. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=14744

номочий каждого органа, службы, подразделения, каждого сотрудника. Правильная и эффективная организация службы в органах внутренних дел требует служебной дисциплины ее личного состава. Вопрос укрепления служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел в настоящее время является одним из важных вопросов служебной деятельности сотрудников Министерства внутренних дел Республики Таджикистан. Корректное в рамках Дисциплинарного устава установление субординационных отношений между руководителями и подчиненными в милиции обеспечивает постоянную, надежную и стабильную организационную связь между субъектами и объектами управления. Поддержанию дисциплины и законности среди личного состава милиции способствует многолетняя сложившаяся практика, основанная на нормах Дисциплинарного устава и Положения о прохождении службы, строгая дисциплинарная ответственность начальников за проступки подчиненных.

В целях дальнейшего укрепления законности считаем целесообразным включить в Дисциплинарный устав перечень и описание служебных проступков, совершенных в отношении граждан, влекущих дисциплинарную ответственность.

Формирование и обеспечение соблюдения норм профессиональной этики сотрудниками таджикской милиции. Право и сегодня «остается необходимым средством для обуздания человеческого эгоизма и становления человека на путь нравственности» [8, с. 71]. Кодекс профессиональной этики сотрудников милиции – это совокупность правил поведения, принятых для установления служебного и неслужебного поведения сотрудника милиции, содействия повышению престижа и имиджа сотрудника, доверия граждан органам внутренних дел Республики Таджикистан и обеспечения единых норм служебного и внеслужебного поведения сотрудников⁹. Известно, что авторитет милицейской службы ставится под угрозу недостойным поведением сотрудников милиции в быту, во внеслужебных отношениях [9, с. 339].

В органах внутренних дел многие сотрудники безупречно, нередко самоотверженно и героически исполняют свои служебный долг. Образцовое выполнение обязанностей по службе получает широкую поддержку, распространение, гласность, а наиболее отличившиеся сотрудники представляются к различного рода поощрениям.

⁹ Кодекс профессиональной этики сотрудников милиции Республики Таджикистан (утв. распоряжением Министерства внутренних дел Республики Таджикистан от 17.02.2017 № 19) [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvd.tj/884-kodeks-professionalnoj-jetiki-sotrudnikov-milicii.html> (дата обращения: 18.05.2025).

Приказ Министерства внутренних дел Республики Таджикистан от 1 января 2006 г. № 1 «О вежливом и бережном отношении сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск к гражданам» требует, чтобы каждый сотрудник был вежлив и тактичен при обращении к гражданам, чутко относился к их просьбам и заявлениям, справедливо оценивал их поведение, внимательно и заботливо обращался с детьми, подростками, женщинами, престарелыми людьми. Сотрудник милиции обязан следить за культурной своей речью, внешним видом. Он должен быть самокритичен, учитывать справедливые замечания, трезво оценивать свои промахи, ошибки и своевременно устранять недостатки.

По словам Министра внутренних дел Республики Таджикистана Рамазона Рахимзоды, необходимо сделать все, чтобы понятие и представление о милиции у населения было связано только с честностью, культурностью, вежливостью и законностью. Сложные и почетные обязанности таджикского милиционера может выполнять лишь высококультурный человек, имеющий соответствующее образование, высокие нравственные качества, испытывающий постоянную потребность к совершенствованию своего профессионального мастерства¹⁰.

Считаем необходимым разработку и издание такого же приказа о вежливом и внимательном отношении к гражданам Министерством внутренних дел Российской Федерации, поскольку он может играть важную роль в претворении в жизнь важнейших норм профессиональной этики в деятельности российской полиции.

Обеспечение правомерного применения милицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Мы согласны с утверждением, что применение оружия, в силу его назначения и аномальности, относится к специальным мерам государственного принуждения [10, с. 549].

Согласно ст. 13 Закона о милиции сотрудник милиции имеет право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие только в установленных данным законом случаях и порядке. В указанной норме содержится концептуальная неточность, которую, считаем, следует устранить. Дело в том, что основания и порядок применения силы и оружия милицией нормируются как минимум еще двумя законами: Законом

¹⁰ Речь Министра внутренних дел Республики Таджикистан на собрании Министерства внутренних дел [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/laworder/20161109/rahimzoda-vse-nashi-usiliya-napravleni-navozrozhdenie-v-obtshestve-istinnogo-litsa-militsionera> (дата обращения 18.05.2025).

Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. № 720 «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых» и Законом Республики Таджикистан от 28 декабря 1993 г. № 916 «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Таджикистан». Считаем, что соответствующие нормы обоих этих законов должны быть имплементированы в текст будущего закона о милиции либо закона о полиции, который ожидается к принятию в ходе реформы милиции Республики Таджикистан, осуществлявшейся в период с 2013 по 2020 г. [11] и продолжающейся с 2021 по 2025 г.¹¹

В соответствии с п. 11 ст. 11 Закона о милиции сотрудник милиции имеет право хранить, носить и применять табельное оружие и специальные средства после прохождения соответствующей подготовки.

Российский Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» содержит более подробную и четкую формулировку. В частности, ст. 18 гласит, что сотрудник полиции обязан проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Аналогичную норму, считаем, также следует включить в текст будущего закона о милиции Республики Таджикистан.

Установление подробной процедуры реализации полномочий милиции. Рассматриваемое условие предупреждения нарушений законности со стороны сотрудников милиции Республики Таджикистан прежде всего связано с такими направлениями, как детализация компетенционной регламентации, понятийного аппарата, нормативного правового регулирования с дальнейшим сокращением пробелов в праве.

Профессор Ю.П. Соловей, анализируя правовой статус советской милиции, справедливо отмечал необходимость тщательного и детального определения обязанностей сотрудников милиции [4, с. 14]. Мы хотели бы отметить, что также необходимо четко определить и права милиции, но лучше использовать термин «полномочия». В частности, согласно ст. 61–64 КоАП РТ, таджикский законодатель в последние годы демонстрирует значительный прогресс в части более детальных формулировок оснований и порядка осуществления административного задержания, а также подробного нормативного регулирования

условий содержания лиц, задержанных за административное правонарушение, нарушение норм питания и порядка медицинского обслуживания таких лиц.

Нам представляется, что в подобной детализации оснований и порядка реализации нуждаются многие полномочия милиции, выступающие главным средством ее обеспечения общественного порядка. Яркой иллюстрацией этого положения может служить полномочие милиции по пресечению такого типичного административного правонарушения, как появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство, общественную нравственность (ч. 1 ст. 463 КоАП РТ). Милицейской и судебной правоприменительной практике в Таджикистане не свойственно применение медицинского освидетельствования как меры обеспечения производства по делу о названном административном правонарушении. Достаточным доказательством выступают показания сотрудников милиции и иных свидетелей о наличии запаха алкоголя изо рта, нарушения координации движений, агрессивного поведения, грязной, расстегнутой одежды, резкого изменения окраски кожных покровов лица и т.п.

В Российской Федерации в настоящее время, напротив, при пресечении такого административного правонарушения, как появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, согласно ст. 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) требуется обязательное проведение медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 27.12.1 КоАП РФ). Все лица, совершившие административные правонарушения, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, подлежат направлению на медицинское освидетельствование в соответствии с Правилами направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 37¹². Критерии, при наличии хотя бы одного из которых имеются достаточные основания полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствования

¹¹ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 01.06.2021 № 211 «О Программе реформы милиции на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35562328 (дата обращения 21.05.2025)

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 23.01.2015 № 37 «Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

(запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы и шаткость походки; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица), утверждены приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 декабря 2015 г. № 933-н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». В случае отказа от прохождения такого освидетельствования лица подлежат ответственности за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ). Такой порядок подтверждается складывающейся судебной практикой¹³.

Полагаем, что это ключевое направление в совершенствовании нормативного правового регулирования в аспекте дальнейшего укрепления законности в административной деятельности милиции.

Повышение эффективности реализации в деятельности милиции антикоррупционных норм таджикского законодательства. Коррупция в современном мире является серьезным барьером на пути экономического и социального развития стран и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. С первых дней обретения государственной независимости вопрос противодействия коррупции находится в центре политики Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, регулярно принимающем целевые меры по противодействию коррупции и последовательно создающим организационно-правовую платформу антикоррупционного пространства. В целях искоренения коррупции по инициативе Президента Республики Таджикистан принят Закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г. № 100 «О борьбе с коррупцией»¹⁴. В Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан создана комиссия по предотвращению коррупции, которая дважды в месяц проводит занятия с сотрудниками по профилактике коррупционных преступлений. В 2024 г. комиссией было проведено 80 профилактических мероприятий с сотрудниками ГАИ, паспортно-регистрационной системы и инспекторами милиции, милиционерами ППС.

¹³ См.: постановление Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2020 № 8-АД20-3; постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2023 № 16-4829/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Закон Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 100 «О борьбе с коррупцией» [Электронный ресурс]. – URL: <https://anticorruption.tj/Библиотека/законы/закон-республики-таджикистан-о-противодействии-коррупции> (дата обращения: 18.05.2025).

Борьба с коррупцией в деятельности таджикской милиции напрямую связана с укреплением законности, так как коррупционные практики подрывают доверие к правоохранительным органам, нарушают принципы равенства перед законом и создают условия для злоупотреблений (в 2023 г. в Бохтарском районе выявление взятки на ранней стадии позволило уволить участкового инспектора милиции и избежать ущерба репутации органов внутренних дел).

Предпринятая нами попытка систематизации административно-правовых механизмов предупреждения нарушений законности со стороны сотрудников милиции Республики Таджикистан при осуществлении ими административной деятельности позволяет составить целостное представление об основных, сложившихся в ходе многолетней практической деятельности формах, методах и административных процедурах воздействия на сотрудников в целях выработки у них личностных качеств, позволяющих на высоком профессиональном уровне осуществлять сложную и многогранную деятельность по охране правопорядка, не нарушая норм таджикского законодательства [12].

Полагаем, что проведенная в настоящем исследовании категоризация, раскрывая комплексную модель формирования профессионально-правовой культуры правоохранителей, внесет определенный вклад в теорию административного права. Результаты исследования позволяют утверждать, что выделенные организационно-профилактические, дисциплинарные, контрольно-надзорные механизмы образуют иерархическую систему, основанную на принципах превенции, неотвратимости ответственности и непрерывного обучения (подготовки). Это подтверждает тезис о том, что эффективность противодействия нарушениям законности зависит от синтеза применения норм «позитивного стимулирования» (например, аттестация сотрудника милиции с учетом соблюдения им этических норм при несении службы) и норм «негативного воздействия» (применение дисциплинарных взысканий в соответствии с Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Республики Таджикистан). Полагаем, что систематизация административно-правовых механизмов предупреждения нарушений законности не только структурирует накопленный богатый опыт деятельности органов внутренних дел, но и задает вектор для межотраслевых исследований на стыке административного и административно-процессуального права, административной деятельности органов внутренних дел, криминологии и психологии управления.

Литература

1. Административная деятельность полиции: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Ю.Н. Демидова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 527 с.
2. **Савенков А.А.** Диалектика законности в современной политико-правовой мысли // Государство и право. – 2025. – № 3. – С. 49–57.
3. **Андреева О.А., Оржаховский А.Ю.** Принцип законности в теоретико-исторической правовой науке: тенденции и механизмы формирования // Философия права. – 2024. – № 1 (108). – С. 7–13.
4. **Соловей Ю.П.** Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Москва, 1982. – 24 с.
5. **Мамедов Э.Х.** Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук – Санкт-Петербург, 2020. – 205 с.
6. **Бобров А.М.** Правовые основы организации приема граждан на службу в советскую милицию / Актуальные проблемы современного административного права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию кандидата юридических наук, доцента А.А. Демина. – Москва: РУДН, 2015. С. 82–90.
7. **Благовещенская М.А.** Управленческие компетенции руководителя органа внутренних дел Российской Федерации в развитии института наставничества // Философия права. – 2024. – № 3 (110). – С. 60–65.
8. **Горбань В.С.** Формирование современной исторической модели политико-правовых знаний // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 64–78.
9. **Кондрашов Б.П., Соловей Ю.П., Черников В.В.** Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции». – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ТК Велби; Проспект, 2006. – 448 с.
10. **Щербак С.И.** Применение оружия – вид государственного принуждения / Актуальные проблемы современного административного права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию кандидата юридических наук, доцента А.А. Демина. – Москва: РУДН, 2015. С. 525–549.
11. **Рахимов Р.Х.** Стратегия реформирования органов внутренних дел Республики Таджикистан: проблемы и перспективы: монография. – Душанбе, 2016. – 370 с.
12. **Розикзода А.Ш.** Становление милиции Таджикистана: монография. – Душанбе, 2011. – 206 с.

References

1. Administrativnaya deyatel'nost' policii: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti «Yurisprudenciya» / pod red. Yu.N. Demidova. – Moskva: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. – 527 s.
2. **Savenkov A.A.** Dialektika zakonnosti v sovremennoj politiko-pravovoy mysli // Gosudarstvo i pravo. – 2025. – № 3. – S. 49–57.
3. **Andreeva O.A., Orzhahovskij A.Yu.** Princip zakonnosti v teoretiko-istoricheskoy pravovoy nauke: tendencii i mekhanizmy formirovaniya // Filosofiya prava. – 2024. – № 1 (108). – S. 7–13.
4. **Solovej Yu.P.** Usmotrenie v administrativnoj deyatel'nosti sovetskoj milicii: avtoref. ... dis. kand. jurid. nauk. – Moskva, 1982. – 24 s.
5. **Mamedov E.H.** Obespechenie zakonnosti primeneniya policiej mer administrativnogo prinuzhdeniya: dis. ... kand. jurid. nauk – Sankt-Peterburg, 2020. – 205 s.
6. **Bobrov A.M.** Pravovye osnovy organizacii priema grazhdan na sluzhbu v sovetskuyu miliciyu / Aktual'nye problemy sovremenno administrativnogo prava: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu kandidata yuridicheskikh nauk, docenta A.A. Demina. – Moskva: RUDN, 2015. S. 82–90.
7. **Blagoveshchenskaya M.A.** Upravlencheskie kompetencii rukovoditelya organa vnutrennih del Rossijskoj Federacii v razvitii instituta nastavnichestva // Filosofiya prava. – 2024. – № 3 (110). – S. 60–65.
8. **Gorban' V.S.** Formirovanie sovremennoj istoricheskoy modeli politiko-pravovykh znaniy // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 7. – S. 64–78.
9. **Kondrashov B.P., Solovej Yu.P., Chernikov V.V.** Kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii «O milicii». – 5-e izd., pererab. i dop. – Moskva: TK Velbi; Prospekt, 2006. – 448 s.
10. **Shcherbak S.I.** Primenenie oruzhiya – vid gosudarstvennogo prinuzhdeniya // Aktual'nye problemy sovremenno administrativnogo prava: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu kandidata yuridicheskikh nauk, docenta A.A. Demina. – Moskva: RUDN, 2015. S. 525–549.
11. **Rahimov R.H.** Strategiya reformirovaniya organov vnutrennih del Respubliki Tadzhiqistan: problemy i perspektivy: monografiya. – Dushanbe, 2016. – 370 s.
12. **Rozikzoda A.Sh.** Stanovlenie milicii Tadzhiqistana: monografiya. – Dushanbe, 2011. – 206 s.

(статья сдана в редакцию 24.04.2025)

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
КРИПТОВАЛЮТ

WAYS TO COMMIT CRIMES USING CRYPTOCURRENCIES

УДК 343.9.01

А.В. РОЩУПКИНА,
адъюнкт
(Орловский юридический институт МВД России
имени В. В. Лукьянова,
Россия, Орел)
sasha-571@mail.ru

ALEKSANDRA V. ROSHCHUPKINA,
Postgraduate
(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: криптовалюты и другие цифровые активы составляют растущую долю глобальных финансовых активов. Развитие информационных технологий и изменение экономической ситуации в мире обусловили необходимость правового регулирования криптовалютного оборота. Широкое использование расчетов с помощью криптовалют со стороны лиц, причастных к совершению преступлений, потребовало детального рассмотрения способов их совершения, а также проработки потенциальных возможностей использования сведений о таких финансовых операциях в раскрытии преступлений. В статье автором проводится анализ существующих способов совершения преступления с использованием виртуальных активов.

Исследование и определение классификации способов совершения преступлений с использованием криптовалют, несомненно, поможет в выявлении и раскрытии данной категории дел. Цель анализа заключается в углублении правового знания в области способов совершения преступлений с использованием криптовалют и, следовательно, в постановке проблем, требующих совершенствования действующего законодательства. Автором были изучены отдельные положения оперативно-разыскной деятельности, практика правоохранительных органов, примеры правоохранительной деятельности, использован комплекс общих и частных научных методов исследования в целях определения классификации различных способов совершения преступлений с использованием криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальные активы, технология блокчейн, раскрытие преступлений, способы совершения преступлений, криптопреступность.

Для цитирования: Рощупкина А.В. Способы совершения преступлений с использованием криптовалют // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 103–107.

Abstract: cryptocurrencies and other digital assets account for a growing share of global financial assets. The development of information technology and the changing economic situation in the world have necessitated the legal regulation of cryptocurrency turnover. The widespread use of payments using cryptocurrencies by persons involved in the commission of crimes required a detailed consideration of the ways they were committed, as well as exploring the potential for using information about such financial transactions in solving crimes. In the article, the author analyzes the existing ways of committing a crime using virtual assets.

The study and determination of the classification of methods of committing crimes using cryptocurrencies will undoubtedly help in identifying and solving this category of cases. The purpose of the analysis is to

deepen legal knowledge in the field of ways to commit crimes using cryptocurrencies and, consequently, to identify problems that require improvement of current legislation. The author studied certain provisions of operational investigative activities, the practice of law enforcement agencies, examples of law enforcement activities, and used a set of general and private scientific research methods to determine the classification of various methods of committing crimes using cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency, virtual assets, blockchain technology, crime detection, methods of committing crimes, cryptocrime.

For citation: Roshchupkina A.V. Ways to commit crimes using cryptocurrencies // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 103–107.

Актуальность исследования преступлений, связанных с обращением криптовалют, обусловлена рядом объективных факторов, формирующих сложную и динамично изменяющуюся криминогенную ситуацию. Во-первых, распространение криптовалют, характеризующееся высоким темпом роста и широким внедрением в глобальную экономическую систему, создает новые возможности для совершения преступлений, не поддающихся полному контролю традиционными правоохранительными механизмами [1, с. 86]. Прежде всего необходимо рассмотреть признаки (свойства), присущие такому сложному и многогранному явлению, как криптовалюта, которое имеет разную составляющую, включая техническую, экономическую и правовую, что позволяет его рассматривать с различных позиций:

1. Децентрализованный характер. Любая криптовалюта во многих государствах в целом не контролируется государственными органами. К примеру, Росфинмониторинг в одном из своих писем отмечал, что «процесс выпуска и обращения распространенных криптовалют полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства»¹.

2. Анонимный и «псевдоанонимный» характер операций. Несмотря на то что в мировой практике имеется ряд положительных примеров по выявлению лиц, использующих данный технический инструмент, все же деанонимизация ее пользователей является сложным процессом. Так, Центральный банк Российской Федерации подчеркивал, что «в связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» неограниченным кругом субъектов и по их использованию для совершения операций граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию

(отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма»².

3. Прозрачность операций. Все транзакции с криптовалютой, которые когда-либо происходили, записываются в общедоступный блокчейн: когда кто-то создает транзакцию, она транслируется всем одноранговым узлам в сети. Чтобы создать транзакцию, пользователь должен иметь пару буквенно-цифровых ключей, состоящую из открытого ключа (хэш которого идентифицирует пользователя и аналогичен адресу учетной записи) и закрытого ключа (аналога ПИН-кода). Участники используют свои ключи для цифровых подписей, чтобы доказать, что владеют, к примеру, биткоином, который они отправляют, и указать нового владельца. Поэтому в научной литературе встречается мнение, что большинство криптовалют считается только псевдоанонимными (а не полностью анонимными) из-за прозрачного характера их транзакций, несмотря на то что они явно не связаны с конкретными физическими лицами и компаниями.

4. Необеспеченный характер криптовалют. Принимая во внимание тот факт, что за рубежом все больше магазинов принимают платежи в виде криптовалют, а некоторые отмечают, что биткоин является неким заменителем наличных денег в теневой экономике, все же стоит указать, что эта валюта ничем не подкреплена. Можно сказать, что цена криптовалют напрямую зависит от спроса и предложения между ее участниками.

5. Компьютеризованный и безналичный характер. Сама по себе криптовалюта обращается только при помощи электронно-вычислительных машин и, в отличие от электронных денег, которые вносятся наличными средствами на определенный банковский счет, генерируется исключительно в цифровом виде, что делает этот признак особенным. Соответственно, исключается наличный характер оборота криптовалют.

¹ Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.08.2024).

² Информация Банка России от 27.04.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности биткоина» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.08.2024).

В 2024 году криптовалютный мир столкнулся с новыми тенденциями в преступлениях с использованием виртуальных валют, которые с каждым годом становятся все более изощренными и сложными для выявления правоохранительными органами. Новые пользователи криптовалютных кошельков, которые только начали знакомиться с цифровыми валютами, часто становятся жертвами мошенников [2, с. 133]. Понимание основных тенденций криптовалютных преступлений и знание способов их совершения помогут правоохранительным органам в своевременном и эффективном выявлении и раскрытии этих преступлений.

Правонарушения, совершаемые с использованием криптовалют, охватывают широкий спектр незаконных действий, от кражи личных данных до манипулирования рынком. Согласно аналитическому отчету Chainalysis, объем незаконных средств, поступающих на централизованные сервисы, уже в 2024 году достигнет 8 млрд долларов³. В этой связи стоит рассмотреть наиболее частые преступления, совершаемые с использованием криптовалют. Самый распространенным способом таких преступлений, например в сфере незаконного оборота наркотических средств, является продажа наркотических веществ с помощью так называемых даркнет-рынков. Биткоин из-за псевдонимности практически сразу получил широкое распространение для оплат в даркнете. Преступные группы для повышения уровня анонимности применяют биткоин-миксер, который запутывает транзакции, вследствие чего их становится крайне сложно проследить. Так, например, с 2015 по 2022 г. существовал крупнейший в России даркнет-рынок «Гидра». По оценке экспертов, в 2019 году за день устанавливалось более 13 тыс. закладок общей суммой 227 млн рублей⁴.

Для следующего способа характерно использование защищенных каналов связи, это могут быть такие мессенджеры, как Tor, Signal, Element, Simplex Chat, Session, которые существенно отличаются от других своими возможностями шифрования. Кроме того, в 2024 году большие обороты набрала платформа Televend, которая реализована на базе мессенджера Telegram. Она имеет более 150 тыс. активных пользователей и представляет собой новую модель, позволяющую продавать контролируемые вещества через ав-

томатизированных чат-ботов. В данном случае контакт между продавцом и покупателем осуществляется через зашифрованный telegram-канал. Преступные элементы через эти мессенджеры предлагают работу так называемым закладчикам для осуществления непосредственного сбыта наркотических веществ. Одна из особенностей такой покупки является анонимность покупателя при оформлении заказа: он не проходит идентификацию личности и не оставляет никаких данных о себе. После того как покупатель и продавец заключают между собой соглашение, закладчик связывается с покупателем через социальные сети или мессенджеры для указания реквизитов и места получения товара. Зачастую переписка происходит с использованием лингвистических стегоконтейнеров. В свою очередь, это помогает превратить информацию в зашифрованный текст, который может быть прочитан только с помощью ключа для расшифровки. Как правило, сделка происходит по следующей схеме: покупатель переводит денежные средства не на крипто-, а на электронный кошелек. После чего злоумышленники покупают криптовалюту на биржах, которые не требуют идентификации либо находятся за рубежом, что усложняет их отслеживание. Полученная преступниками криптовалюта несколько раз конвертируется и в конечном итоге преобразовывается в фиатные деньги. Впоследствии эти денежные средства вновь зачисляются на анонимные электронные кошельки и только потом переводятся на банковские карты, которые чаще всего оформлены на подставных лиц [3, с. 108].

На сегодняшний день деятельность сотрудников правоохранительных органов по выявлению и раскрытию данного вида преступности затруднена в связи с такими факторами, как отсутствие международного сотрудничества (поставщики услуг по управлению виртуальными активами чаще всего находятся за рубежом, что существенно осложняет сотрудничество по предоставлению информации о владельцах криптокошельков); отсутствие опыта и специальных знаний в области блокчейн-технологий и криптовалют; сложность в изъятии или замораживании виртуальных активов и т.д. Поставщики услуг по управлению виртуальными активами чаще всего не требуют идентификацию у своих клиентов, поэтому приобретение криптовалют становится анонимным, что также затрудняет работу правоохранительных органов, но не делает ее невозможной.

Стоит отметить, что Росфинмониторинг неоднократно выявлял случаи использования криптовалют для финансирования терроризма. Особенно часто преступники используют Bitcoin, Monero, Ethereum. Средства, собранные террористами, идут непосредственно на организацию

³ Chainalysis. The 2024 Crypto Spring Report [Электронный ресурс]. – URL: <https://static.poder360.com.br/2024/06/Chainalysis-The-Crypto-Spring-Report-2024.pdf> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴ Секрет фирмы. Что не так с ICO Hydra? [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20210411185932/https://secretmag.ru/news/chto-ne-tak-s-ico-hydra-obyasnyayet-eksper.htm> (дата обращения: 17.09.2024)

и совершенствование преступлений, формирование штаба и подразделений, уже в процессе своей деятельности добывающих путем хакерских атак, вымогательств, продажи наркотических средств и т.д. новые финансовые ресурсы, которыми зачастую выступает криптовалюта.

Также нельзя не подчеркнуть популярность и многогранность способов совершения мошенничества с использованием криптовалют. Анонимный характер криптовалютных транзакций, а также недостаточная осведомленность населения в аспектах функционирования рынка виртуальных активов создает угрозу развития новых видов дистанционного мошенничества в России. Мошенничество с использованием криптовалют можно разделить на следующие виды: поддельные кошельки, электронные биржи, фишинг с биткоинами, фальшивые обменные пункты, мошенничество в облачном майнинге. Использование сайтов-двойников также один из способов совершения правонарушений. На этих платформах размещены похожие логотипы уже существующих бирж, они имеют схожий с ними интерфейс, что вводит в заблуждение пользователя. После регистрации на таком сайте или скачивании приложения с фальшивым криптокошельком пользователь автоматически открывает данные о своем кошельке мошенникам.

Намерение индивидуальных предпринимателей и юридических лиц уйти от уплаты налогов и получить как можно больше выгоды от своей деятельности нередко связан с мошенничеством: потерпевшие регистрировались на созданных мошенниками сайтах, где скачивали электронные кошельки, к которым у злоумышленников был доступ. Преступники отслеживали поступление криптовалют на этот кошелек, после сбора необходимой суммы закрывали к нему доступ и переводили оставшуюся криптовалюту на другие кошельки.

Облачный майнинг – это разновидность пассивной добычи криптовалюты с помощью чужого оборудования, которое арендуется без ее физической передачи. Злоумышленники создают сайты, которые якобы предоставляют дополнительную мощность для майнинга за определенную плату. Мошенники какое-то время действительно оказывают услуги своим клиентам, а потом пропадают вместе с похищенными средствами. Данная схема является типичной пирамидой, которая была создана Ч. Понци как инвестиционная деятельность⁵.

⁵ Что такое схема Понци? [Электронный ресурс]. – URL: <https://vc.ru/crypto/621379-cto-takoe-shema-ponci> (дата обращения: 09.09.2024).

Преступники нередко используют поддельные биржи и электронные обменные пункты, умышленно устанавливая на своих поддельных сайтах и банкоматах пониженную комиссию для транзакций с виртуальными активами, что делает эти сервисы более привлекательными для пользователей. Клиенты таких сервисов при совершении транзакции активируют свои криптокошельки, данные о которых впоследствии получают злоумышленники.

Нередко мошенники используют рассылку интернет-сообщений с активными ссылками. В тексте этих сообщений сообщается о выигрыше криптовалюты, где предлагается пройти по ссылке, войти в свой криптокошелек и получить так называемый приз. После того как получатель такого сообщения вводит данные своего криптокошелька, он навсегда теряет контроль над ним и содержащуюся там криптовалюту. В некоторых случаях переход по активной интернет-ссылке в таких сообщениях запускает установку вредоносного программного обеспечения на телефон потерпевшего, и уже с помощью этой программы злоумышленники завладевают данными криптокошелька.

Таким образом, анализируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что мошеннические способы совершения преступлений остались прежними, но адаптировались к виртуальным активам, при помощи которых достигается еще большая анонимность. [4, с. 11]. Для сокрытия преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, злоумышленники чаще всего применяют следующие методы или их сочетание: работу только с одноразовыми криптокошельками; торговлю вне биржи, а также использование услуг внебиржевых брокеров и столов; использование множества электронных устройств и сим-карт; создание электронных кошельков и банковских карт специально для конвертации криптовалюты и последующего обналичивания; создание банковских карт на подставных лиц, которые чаще всего не знают об этом; использование поставщиков по управлению виртуальными активами и бирж, которые находятся за рубежом и не идентифицируют своих клиентов; использование миксеров, тумблеров и подменных IP-адресов; работа с мессенджерами, которые имеют систему шифрования; использование анонимных криптовалют; осуществление быстрого вывода криптовалюты на личные кошельки в целях сокрытия транзакции; использование виртуальных активов совместно с TOR [5, с. 154].

Одной из главных проблем на сегодняшний день остается нерегулируемость поставщиков услуг по управлению виртуальными активами. Это не только не препятствует их работе, но и

привлекает преступников для работы с нерегулируемыми поставщиками таких услуг. Большое количество криптовалютных обменников осуществляют свою деятельность вне закона: они не регистрируются и не идентифицируют своих клиентов, а также не осуществляют контроль за законностью их действий. Для пресечения незаконной деятельности с криптовалютами в первую

очередь следует бороться с нерегулируемыми поставщиками услуг по управлению виртуальными активами, что возможно только лишь с помощью объединения усилий всех стран. Необходимо наладить эффективное международное сотрудничество в части обмена информацией, а также установление некоторых требований и контроля над поставщиками услуг.

Литература

---

1. **Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А., Суходолов Я.А.** Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 85–93.
2. **Долгиева М.М.** Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4 (101). – С. 128–139.
3. **Симаков А.А. Неелов В.В.** Схемы преступлений с использованием криптовалюты // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 106–109.
4. **Тисен О.Н.** Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики // Российский следователь. – 2024. – № 5. – С. 7–11.
5. **Тисен О.Н.** Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 152–157.
6. **Ситник А.А.** Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 11. – С. 110.
7. **Абрамова Е.Н.** К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // Банковское право: научно-практический журнал. – 2021. – № 2. – С. 19–27.
8. **Пушкарёв Г.Д.** Международный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты // Молодой ученый: научно-практический журнал. – 2021. – № 48 (390). – С. 34.
9. **Бардина П.Л.** Криптовалюта и цифровые активы: как суды толкуют новые понятия // Арбитражная практика для юристов. – 2019. – № 3 (43). – С. 52–60.
10. **Кунев Д.А.** Международно-правовые стандарты противодействия криминальному обороту криптовалют и иных виртуальных активов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 1 (87). – С. 146–151.

References

---

1. **Ivancov S.V., Sidorenko E.L., Spasennikov B.A., Suhodolov Ya.A.** Prestupleniya, svyazannye s ispol'zovaniem kriptovalyuty: osnovnyye kriminologicheskie tendencii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – T. 13. – № 1. – S. 85–93.
2. **Dolgieva M.M.** Operacii s kriptovalyutami: aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya ugovornogo zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 4 (101). – S. 128–139.
3. **Simakov A.A. Neelov V.V.** Skhemy prestuplenij s ispol'zovaniem kriptovalyuty // Zakon i pravo. – 2020. – № 5. – S. 106–109.
4. **Tisen O.N.** Mekhanizm soversheniya prestuplenij s ispol'zovaniem kriptovalyut: po rezul'tatam analiza sledstvennoj i sudebnoj praktiki // Rossijskij sledovatel'. – 2024. – № 5. – S. 7–11.
5. **Tisen O.N.** Dokazyvanie prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem kriptovalyut: sledstvennaya i sudebnaya praktika v usloviyah probelov v pravovom regulirovanii // Kriminologicheskij zhurnal. – 2023. – № 2. – S. 152–157.
6. **Sitnik A.A.** Cifrovyje valyuty: problemy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – T. 15. – № 11. – S. 110.
7. **Abramova E.N.** K voprosu o ponyatii kriptovalyuty: problemy terminologii i formirovaniya definicii // Bankovskoe pravo: nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2021. – № 2. – S. 19–27.
8. **Pushkarev G.D.** Mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya prestupnoj deyatel'nosti s ispol'zovaniem kriptovalyuty // Molodoy uchenyj: nauchno - prakticheskij zhurnal. – 2021. – № 48 (390). – S. 34.
9. **Bardina P.L.** Kriptovalyuta i cifrovyje aktivy: kak sudy tolkuyut novye ponyatiya // Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov. – 2019. – № 3 (43). – S. 52–60.
10. **Kunev D.A.** Mezhdunarodno-pravovye standarty protivodejstviya kriminal'nomu oborotu kriptovalyut i inyh virtual'nyh aktivov // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2022. – № 1 (87). – S. 146–151.

(статья сдана в редакцию 09.12.2024)

**ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКАХ КАК
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА РАССЛЕДОВАНИЯ**

**CRIMINAL MISCONDUCT PROCEEDINGS AS AN ALTERNATIVE FORM
OF INVESTIGATION**

УДК 343.10

С.В. ФОК,
адъюнкт
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
foksvetlana1984@yandex.ru

SVETLANA V. FOK,
Postgraduate
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: тематика настоящей статьи обусловлена проводимым диссертационным исследованием, в ходе которого на основании полученных эмпирических данных выявлена одна из частично озвученных еще в 90-е г. XX в. проблем, состоящая в том, что цифровые ресурсы усложняют рабочий процесс в органах предварительного расследования. В настоящее время в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий при производстве предварительного расследования значительно увеличился естественный документооборот, но также за последние 20 лет возросло и количество составов преступлений, по которым предварительное расследование осуществляется органами внутренних дел. Все это во взаимосвязи с кадровым некомплектом усиливает негативные факторы, влияющие на качество расследования преступлений, то есть на эффективность деятельности уполномоченных лиц и соблюдение принципов уголовно-процессуального законодательства. Оживленную дискуссию в научном сообществе вызвала инициатива законодателя, направленная на введение понятия «уголовный проступок», который, по мнению сторонников законодателя, должен повысить эффективность уголовного судопроизводства. Однако введение указанного понятия окажет положительное воздействие на деятельность органов предварительного расследования только с одновременным выделением в уголовно-процессуальном законодательстве альтернативной формы расследования.

Целью исследования является обоснование необходимости выделения альтернативной формы расследования – производства по делам об уголовных проступках. Методологическую основу исследования составляет совокупность всеобщего (диалектического), общенаучного (анализа и синтеза, индукции и дедукции, моделирования) и частного (эмпирического) методов. В ходе изучения проблемы автором обоснована точка зрения о том, что соблюдение принципов уголовно-процессуального законодательства, достижение эффективности деятельности сотрудников органов внутренних дел по производству предварительного расследования возможно при выделении производства по делам об уголовных проступках в качестве альтернативной формы расследования.

Ключевые слова: уголовный проступок, эффективность, предварительное расследование, альтернативная форма расследования.

Для цитирования: Фок С.В. Производство по делам об уголовных проступках как альтернативная форма расследования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 108–113.

Abstract: the topic of this article is determined by the ongoing dissertation research, during which, based on the empirical data obtained, one of the problems partially voiced back in the 90s of the twentieth century was identified, which is that digital resources complicate the workflow in the bodies of preliminary investigation. Currently, due to the development of information and telecommunication technologies during the preliminary investigation, the natural document flow has increased significantly, but also over the past 20 years, the number of crimes for which preliminary investigation is carried out by internal affairs bodies has increased. All this, combined with a shortage of personnel, increases the negative factors affecting

the quality of crime investigation, that is, the effectiveness of authorized persons and compliance with the principles of criminal procedure legislation. A lively discussion in the scientific community was sparked by the legislator's initiative aimed at introducing the concept of «criminal misconduct», which, according to the legislator's supporters, should increase the effectiveness of criminal proceedings. However, the introduction of this concept will have a positive impact on the activities of the preliminary investigation authorities only with the simultaneous identification of an alternative form of investigation in the criminal procedure legislation.

The purpose of the study is to substantiate the need to identify an alternative form of investigation – criminal misconduct proceedings. The methodological basis of the research is a combination of universal (dialectical), general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, modeling) and private (empirical) methods. In the course of studying the problem, the author substantiates the point of view that compliance with the principles of criminal procedure legislation and achieving the effectiveness of the activities of law enforcement officers in conducting a preliminary investigation are possible if criminal misconduct proceedings are identified as an alternative form of investigation.

Keywords: criminal misconduct; effectiveness; preliminary investigation; alternative form of investigation.

For citation: Fok S.V. Criminal misconduct proceedings as an alternative form of investigation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 108–113.

Достижение эффективности, разделение полномочий, сокращение сроков уголовного судопроизводства являются определяющими принципами не только отечественного, но и зарубежного уголовно-процессуального законодательства. Так, еще в 1987 г. Комитет министров Совета Европы в рекомендациях № R (87) 18 «Об упрощении уголовного правосудия» обозначил, что «задержка в раскрытии преступлений ведет к дискредитации уголовного права и сказывается на надлежащем отправлении правосудия», а также отметил, что «задержки в отправлении уголовного правосудия могут быть устранены не только выделением особых ресурсов и способом их использования, но... более четким определением приоритетов проведения уголовной политики относительно формы и содержания»¹.

В соответствии с первоначальной редакцией Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ органами внутренних дел дознание осуществлялось по 87 составам, а предварительное следствие – по 92 составам преступлений. В соответствии с действующей редакцией УПК РФ дознание производится уже по 111 составам, а предварительное следствие – по 124 составам преступлений. Информационно-телекоммуникационные технологии, с одной стороны, оптимизируют жизненные и рабочие процессы, с другой стороны, неблагоприятно воздействуют на дея-

тельность органов предварительного расследования, увеличивая существующий процессуальный документооборот. Частое обновление состава сотрудников, нехватка высококвалифицированных специалистов влияют на избыточность нагрузки. Указанные причины во взаимосвязи с количеством совершаемых преступлений и кадровым некомплектом в органах внутренних дел являются факторами, оказывающими негативное влияние на деятельность по расследованию преступлений и соблюдение таких принципов уголовно-процессуального законодательства, как разумный срок уголовного судопроизводства и доступ граждан к правосудию.

В 2017 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял решение о необходимости введения понятия «уголовный проступок» в действующее законодательство, в связи с чем постановил внести на рассмотрение проект федерального закона, который вызвал оживленную дискуссию в научном сообществе². С нашей точки зрения, отсутствие в действующем законодательстве понятия уголовного проступка, а вследствие этого и альтернативной упрощенной формы расследования, является дополнительным негативным фактором, влияющим на эффективность деятельности сотрудников органов внутренних

¹ Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам № R (87) 18 «Об упрощении уголовного правосудия». Принята Комитетом министров Совета Европы 17.09.1987 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199470> (дата обращения: 18.09.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/24308/> (дата обращения: 18.09.2024).

дел по производству предварительного расследования и соблюдению принципов уголовно-процессуального законодательства.

Понятие маловажного преступления или проступка в истории российского законодательства впервые закрепились в Своде законов Российской империи 1835 г., определяя его как деяние, запрещенное под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления³. При этом еще во времена правления Екатерины II малозначительные преступления упоминались в документе «Устав благочиния, или полицейский», в соответствии с которым Управа благочиния принимала по ним итоговые решения без направления уголовного дела в суд⁴.

Несмотря на то что понятие «уголовный проступок» исчезло в период действия советского законодательства, особого внимания заслуживает Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. б/н «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР»⁵, в соответствии с которым для повышения эффективности в деятельности органов дознания, предварительного следствия и суда Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. дополнили протокольной формой досудебной подготовки материалов. Введение указанной формы было направлено на ускорение досудебного производства, в связи с чем законодатель установил максимальный срок расследования 10 суток; сократил объем доказательств, предоставляемых в суд; предусмотрел в качестве итогового документа протокол. При этом объяснение, полученное от правонарушителя, использовалось в качестве доказательств. Расследование осуществлялось по отдельным преступлениям, не представляющим значительной общественной опасности. Таким образом, протокольная форма досудебной подготовки материалов являлась упрощенным производством.

Реализуя рассмотренное выше решение, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в 2021 г. повторно внес законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процес-

суальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», согласно которому под уголовным проступком должно пониматься впервые совершенное лицом преступление небольшой или средней тяжести, но только по определенным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)⁶.

В научном же обществе такие ученые, как Л.Л. Кругликов, В.Ф. Лапшин [1, с. 84], И.А. Подройкина [2, с. 244], Я.М. Плошкина, Л.В. Майорова [3, с. 140] отрицательно отнеслись к введению понятия «уголовный проступок» в действующее законодательство. В.В. Хилjuta в научном труде, посвященном уголовному проступку, утверждает, что «введение... в уголовный закон понятия «уголовный проступок» не только будет означать движение назад, но и противоречит сущности межотраслевой дифференциации ответственности и принципам криминализации... не востребовано современными социально-политическими, экономическими, правовыми и иными процессами жизнедеятельности государства» [4, с. 152]. Однако большинство ученых, среди которых Н.А. Лопашенко [5, с. 93], Д.А. Печегин, [6, с. 99], Ю.И. Абравитова, О.А. Чабукиани [7, с. 5], В.А. Маслов [8, с. 145], поддерживают позицию введения в действующее законодательство понятия «уголовный проступок». При этом Б.Я. Гаврилов, В.А. Крымов, Ю.В. Шпагина в своем исследовании не только положительно относятся к законодательному закреплению уголовного проступка, но и предполагают, что «расследование уголовных проступков должно осуществляться по протокольной форме в течение 48 часов и с последующим их судебным разбирательством в срок до 72 часов, что повысит в целом эффективность уголовного судопроизводства и уровень обеспеченности прав участников указанного производства» [9, с. 136]. Поддерживая позицию сторонников относительно введения понятия уголовного проступка, мы считаем, что создание упрощенной формы расследования снизит нагрузку на органы предварительного расследования, тем самым окажет благоприятное воздействие на эффективность деятельности и соблюдении принципов уголовно-процессуального законодательства.

Интересно отметить, что в Кыргызской Республике в период с 1991 г. по настоящее время принят уже третий Уголовно-процессуальный

³ Свод законов Российской Империи. Свод законов уголовных. Т. 15 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. – URL: <https://www.priib.ru/item/364033>. (дата обращения: 18.09.2024).

⁴ Полное собрание законов Российской империи в 45 томах. Том XXI. № 15379. [Электронный ресурс]. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. б/н «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1985. – № 5. – Ст. 163.

⁶ Законопроект №1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. Информационный ресурс Государственной Думы. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 18.09.2024).

кодекс (далее – УПК КР). В соответствии с законом Кыргызской Республики от 24 января 2017 г.⁷ вводится в действие второй УПК КР и Кодекс о проступках, согласно которому проступком признавалось «совершенное субъектом проступка виновное, противоправное деяние (действие или бездействие), причиняющее вред или создающее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, наказание за которое предусмотрено указанным Кодексом»⁸. Досудебное производство по делам о проступках осуществлялось органами дознания в соответствии с УПК КР⁹: срок составлял 20 дней, не допускалось применение мер пресечения, связанных с ограничением свободы, итоговым документом являлся обвинительный акт. В действующем законодательстве Кыргызской Республики понятие «уголовный проступок» не закреплено, однако в 2021 г. введен в действие Кодекс о правонарушениях. К числу правонарушений отнесены преступления, которые в Российской Федерации относятся к преступлениям небольшой тяжести, такие как побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью¹⁰. Вышеуказанный кодекс содержит в себе понятие, определение правонарушений, правовые последствия, а также порядок производства по делам указанной категории. В соответствии с Кодексом Кыргызской Республики о правонарушениях доказательствами являются любые фактические данные, которые устанавливаются путем получения объяснения лица, привлекаемого к ответственности, свидетелей и потерпевшего.

В Республике Казахстан, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (далее –

УПК РК), принятым 4 июля 2014 г.¹¹, по уголовным проступкам досудебное производство осуществляется в протокольной форме, в срок не более 10 суток с момента допроса лица в качестве подозреваемого. В ходе расследования дел уполномоченное лицо вправе производить следственные и процессуальные действия, фиксируя следы уголовного правонарушения, а также доказательства вины подозреваемого или обвиняемого. Итоговым документом по окончании расследования является протокол. При этом уголовными проступками признается «совершенное виновное деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства»¹². Таким образом, в законодательстве указанных стран – членов СНГ закреплены понятия «уголовный проступок» и «правонарушение», производство по которым осуществляется в кратчайшие сроки и упрощенной форме. На наш взгляд, это позволяет снизить нагрузку, повысить эффективность деятельности уполномоченных лиц, обеспечивать соблюдение таких принципов уголовно-процессуального законодательства, как разумный срок производства и доступ граждан к правосудию. При этом характерно отметить, что при производстве рассматриваемой категории дел осуществляются лишь неотложные следственные действия, а в качестве доказательств возможно использовать объяснения.

Согласно данным о состоянии преступности, в Российской Федерации в 2022 г. из 1 966 795 преступлений органами внутренних дел выявлено 1 830 424, небольшой тяжести – 739 330, предварительное расследование осуществлялось по 826 747 преступлениям, из них 461 015 – по преступлениям небольшой тяжести. В 2023 г. из 1 947 161 преступления органами внутренних дел выявлено 1 806 968, небольшой тяжести –

⁷ Закон Кыргызской Республики № 10 от 24.01.2017 «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики «Об основах амнистии и порядке ее применения» [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-2514/edition/1107448/ru> (дата обращения: 20.09.2024).

⁸ Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 01.02.2017 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111529/edition/1107370/ru> (дата обращения: 20.09.2024).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111530/edition/1138542/ru> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁰ Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28.11.2021 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112306/edition/14341/ru> (дата обращения: 20.09.2024).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 [Электронный ресурс] // Эділет Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 21.09.2024).

¹² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 [Электронный ресурс] // Эділет Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z460> (дата обращения: 21.09.2024).

701 436, предварительное расследование осуществлялось по 792 771 преступлению, из них 441 172 – по преступлениям небольшой тяжести¹³. В 2024 г. из 1 911 258 преступлений органами внутренних дел выявлено 1 750 640, небольшой тяжести – 697 637, предварительное расследование осуществлялось по 695 053 преступлениям, из них 384 145 – по большой тяжести. Это свидетельствует о том, что основная масса зарегистрированных преступлений выявляется и расследуется сотрудниками органов внутренних дел, а также что значительная часть преступлений, по которым осуществлялось предварительное расследование, относится к категории небольшой тяжести, которые, как правило, совершаются в условиях очевидности. При этом предварительное расследование осуществляется органами внутренних дел по 33 составам преступлений небольшой тяжести, за которые не предусмотрено наказания в виде лишения свободы. Подчеркнем, что стадии предварительного расследования предшествует стадия возбуждения уголовного дела, в ходе которой в настоящее время возможно осуществление не только проверочных, но и следственных действий, а максимальные сроки равны первоначальному сроку дознания. Проведение предварительного расследования в сокращенной форме по делам указанной категории возможно, но при одновременном соблюдении ряда условий. Соответственно, если предварительное расследование осуществляется не в сокращенной форме, то по преступлениям небольшой тяжести подлежат установлению те же обстоятельства, что по тяжким и особо тяжким, а сбор доказательств производится в полном объеме.

В историческом развитии уголовного процесса основаниями дифференциации стадий и форм досудебного производства являлись разграничение полномочий должностных лиц; сокращение сроков доступа к правосудию; уменьшение объемов делопроизводства; эффективность и полнота проведенных расследований. В настоящее время, по нашему мнению, такими основаниями являются разграничение полномочий должностных лиц; сокращение сроков доступа к правосудию; достижение существенной процессуальной экономии; сокращение процессуальных издержек; повышение эффективности производства следственных действий. Полностью согласны с мнением О.И. Даровских о том, что «эффективная уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность, направленная на достижение

поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями, охватываемыми понятиями справедливости, качества, доступности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности» [10, с. 31].

Необходимо отметить, что в качестве приоритетных направлений повышения эффективности уголовного судопроизводства в рекомендациях Комитета министров Совета Европы были указаны «внесудебные решения властей, компетентных в уголовных делах, и других соответствующих органов как возможной альтернативе преследованию; упрощенные процедуры; упрощение обычных судебных процедур»¹⁴. В 2024 г. Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности в качестве неотложной меры, направленной на сокращение кадрового некомплекта в органах внутренних дел, предложил проработать вопрос о «внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в целях исключения избыточности процессуальных процедур и снижения уровня необоснованной нагрузки на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»¹⁵. При этом внесенный Пленумом Верховного Суда Российской Федерации рассмотренный выше законопроект не предусматривал изменений УПК РФ относительно процедуры досудебного производства по делам об уголовных проступках.

На наш взгляд, в связи с кадровым некомплектом и избыточностью нагрузки на сотрудников предварительного расследования органов внутренних дел назрела необходимость поддержать инициативу законодателя в отношении введения понятия «уголовный проступок». К этой категории необходимо отнести преступления небольшой тяжести, в исключительных случаях – средней тяжести, совершенные лицом впервые, за которое действующим законодательством не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Наряду с этим с целью достижения эффективности деятельности уполномоченных лиц и соблюдения

¹⁴ Рекомендация Комитета министров Совета Европы № 6 R(87) 18 «Относительно упрощения процедуры уголовного правосудия». Принята Комитетом министров Совета Европы 17.09.1987 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199470> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁵ Решение Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности от 01.07.2024 №3.3-12/1923 по вопросу «О неотложных мерах, направленных на сокращение кадрового некомплекта в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнения социальных гарантий и установленных льгот сотрудникам и работникам» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (дата обращения: 18.09.2024).

принципов уголовно-процессуального законодательства считаем необходимым предусмотреть особую упрощенную форму расследования, при производстве которой будут осуществляться только неотложные следственные действия, а итоговое решение, содержащее необходимые для рассмотрения судом сведения, будет оформляться протоколом.

Резюмируя вышесказанное и поддерживая инициативу законодателя и его сторонников, считаем, что введение понятия уголовного проступка окажет положительное воздействие на эффективность деятельности сотрудников органов внутренних дел по производству предварительного

расследования и доступа граждан к правосудию в разумные сроки, то есть обеспечит соблюдение принципов уголовного судопроизводства. При введении понятия уголовного проступка в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве альтернативной формы расследования необходимо предусмотреть производство по делам об уголовных проступках со следующими особенностями: максимальный срок 10 суток; сокращение объема доказательств; использование полученных объяснений в качестве доказательств; возможность производства только неотложных следственных действий; оформление итогового решения в виде протокола.

Литература

---

1. **Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф.** О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 80–84.
2. **Подройкина И.А.** Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2017. – 498 с.
3. **Плошкина Я.М., Майорова Л.В.** Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 8. – С. 133–141.
4. **Хиллута В.В.** Уголовный проступок: быть или не быть? // Юристы-Правоведы. – 2019. – № 2 (89). – С. 147–152.
5. **Лопашенко Н.А.** Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 84–93.
6. **Печегин Д.А.** Процессуальные проблемы введения категории «уголовный проступок» в уголовное законодательство Российской Федерации // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 98–99.
7. **Абрамцова Ю.И., Чабукяни О.А.** Институт уголовных проступков: история и перспективы // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 3. – С. 1–6.
8. **Маслов В.А.** Перспективы введения уголовного проступка в отечественное уголовное законодательство. Законопроекты Верховного Суда Российской Федерации // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 5. – С. 136–149.
9. **Гаврилов В.Я., Крымов В.А., Шпагина Ю.В.** Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 115–139.
10. **Даровских О.И.** Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – 240 с.

References

---

1. **Kruglikov L.L., Lapshin V.F.** O posledstviyah vkljuchenija kategorii «ugolovnyj prostupok» v rossijskij ugolovnyj zakon // Ugolovnoe pravo. – 2017. – № 4. – S. 80–84.
2. **Podrojkina I.A.** Teoreticheskie osnovy postroenija sistemy nakazanij v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 2017. – 498 s.
3. **Ploshkina Ja.M., Majorova L.V.** Zakonoprojekt ob ugolovnom prostupke s uchetom germanskogo opyta pravovogo regulirovanija // Lex russica. – 2021. – T. 74. – № 8. – S. 133–141.
4. **Hiljuta V.V.** Ugolovnyj prostupok: byt' ili ne byt'? // Jurist#-Pravoved#. – 2019. – № 2 (89). – S. 147–152.
5. **Lopashenko N.A.** Snizhenie repressivnosti ugolovnogo zakona: predlagaemye mery i ih ocenka // Ugolovnoe pravo. – 2017. – № 4. – S. 84–93.
6. **Pechegin D.A.** Processual'nye problemy vvedenija kategorii «ugolovnyj prostupok» v ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe pravo. – 2017. – № 4. – S. 98–99.
7. **Abavitova Ju.I., Chabukiani O.A.** Institut ugolovnyh prostupkov: istorija i perspektivy // Zhurnal pravovyh i jekonomicheskikh issledovanij. – 2018. – № 3. – S. 1–6.
8. **Maslov V.A.** Perspektivy vvedenija ugolovnogo prostupka v otechestvennoe ugolovnoe zakonodatel'stvo. Zakonoproekty Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Lex russica. – 2023. – T. 76. – № 5. – S. 136–149.
9. **Gavrilov V.Ja., Krymov V.A., Shpagina Ju.V.** Ugolovnyj prostupok: novye grani rossijskogo zakonodatel'stva // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki. – 2022. – T. 15. – № 1. – S. 115–139.
10. **Darovskih O.I.** Sredstva i sposoby obespechenija jeffektivnosti ugolovno-processual'noj dejatel'nosti: monografija. – Moskva: Jurliinform, 2022. – 240 s.

(статья сдана в редакцию 14.02.2025)

**О СВОБОДЕ ВОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО И СООТНОШЕНИИ СО
СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ****ON THE VICTIM'S FREE WILL AND ITS RELATION TO RELATED
CATEGORIES IN CRIMINAL LAW**

УДК 343

Н.Р. ШЕВЕЛЕВ,

аспирант

(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)

jikod46@yandex.ru

NIKOLAI R. SHEVELEV,

Postgraduate

(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: актуальность исследования обусловлена несколькими аспектами. Во-первых, активная работа законодателя по внесению изменений и дополнений в уголовный закон приобретает хаотичный характер, когда в стремлении достичь быстрого положительного результата бессистемно используются отдельные дефиниции. Это требует от науки повышенного внимания к точности соблюдения языковых форм, способных оказать влияние на неверное толкование правоприменителем новых норм, и изменение подходов к давно существующим. Во-вторых, прослеживается явная тенденция к расширению диспозитивности в публично-правовых отношениях, что предполагает необходимость поиска баланса соблюдения прав и законных интересов всех участников уголовно-правового конфликта. Степень научной разработки темы признается недостаточной, так как с позиций изучения воли потерпевшего в уголовно-правовых отношениях исследования имеют фрагментарный характер или ограничиваются констатацией факта наличия уголовно-правового значения воли потерпевшего. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие ввиду уголовно-правового конфликта между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим. Предметом исследования являются нормы уголовного и уголовно-процессуального закона, регулятивного законодательства, доктринальные подходы по исследуемой тематике в юриспруденции, психологии, философии, лингвистике, а также справочники. Цель работы заключается в установлении уголовно-правового значения воли потерпевшего и способах юридического отражения данного феномена. Методологическую основу составили такие методы, как анализ, синтез, системный подход, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. В результате исследования проанализированы понятия «свобода воли», «волеизъявление», «согласие». Определено соотношение данных понятий и представлены различия, имеющие юридическое значение. Теоретическая значимость работы заключается в развитии теории уголовного права, практическая – в установлении критериев рассмотренных концептов, имеющих значение для правотворческой деятельности.

Ключевые слова: потерпевший, свобода воли, волеизъявление, согласие на причинение вреда.

Для цитирования: Шевелев Н.Р. О свободе воли потерпевшего и соотношении со смежными категориями в уголовном праве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 3. – С. 114–120.

Abstract: the relevance of the study consists of several aspects. Firstly, the active work of the legislator to introduce amendments and additions to the criminal law becomes chaotic when, in an effort to achieve a quick positive result, individual definitions are haphazardly used, which requires science to pay increased attention to the accuracy of linguistic forms that can influence the misinterpretation of new norms by law enforcement and change approaches to long-standing ones. Secondly, there is a clear tendency to expand dispositivity in public law relations, which implies the need to find a balance between respecting the rights and legitimate interests of all participants in a criminal law conflict. The degree of scientific development of the topic is considered insufficient, since from the standpoint of studying the victim's will in criminal law relations, research is fragmentary or even at the level of ascertaining the existence of the criminal legal significance of the victim's will. The object of the study is the social relations that arise due to the criminal conflict between the person who committed the crime and the victim. The subject of the research is the norms of criminal and criminal procedure law, doctrinal approaches on the subject under study in jurisprudence, psychology, philosophy, and linguistics. The purpose of the work is to

establish the criminal-legal significance of the victim's will and the ways of legal reflection of this phenomenon. The methodological basis was formed by such methods as analysis, synthesis, a systematic approach, formal legal, comparative legal methods. As a result of the research, the concepts of free will, expression of will, and consent are analyzed. The correlation of these concepts is determined and the differences of legal importance are presented. The theoretical significance of the work lies in the development of the theory of criminal law, the practical one is the establishment of criteria for the concepts considered that are important for law-making activities.

Keywords: victim, freedom of will, expression of will, consent to harm.

For citation: Shevelev N.R. On the victim's free will and its relation to related categories in Criminal Law // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2025. – № 3. – P. 114–120.

Свобода воли и волеизъявление – категории смежные, требующие своего изучения и соотношения взаимосвязи. Этимологически свобода воли есть свобода выбора варианта поведения без внешнего воздействия. В философии данная категория прочно связана с такими понятиями, как детерминизм и индетерминизм. Психологи рассуждают о градациях свободы воли, о промежуточных состояниях полусвободы, а известные психологические эксперименты¹ могут привести к пессимистичному выводу об отсутствии свободы воли [1, 2]. Но если взять за основу то обстоятельство, что поступки людей детерминированы настолько, что не остается места собственному решению, то и вопрос ответственности теряет смысл, так как ответственность может нести лишь тот, кто был свободен в выборе варианта поведения. «Только за действия, продиктованные свободным волеизъявлением, человека можно считать ответственным» [3, с. 49]. Свобода воли – обязательное условие ответственности.

Этимологическое значение волеизъявления сводится к обнаружению воли, выражения своего желания, согласия на что-нибудь [4]; обнаружению желания, воли [5]. В исследованиях по философии волеизъявление рассматривается в соотношении с поступком, где поступок – некая «единица» волеизъявления [6], с покорностью существующим традициям, обычаям [7, с. 48] (типичные идеи детерминистов). Лингвисты указывают, что ядерным смыслом слова «воля» является «направленное желание». «Воля – это желание, т.е. стремление к

осуществлению чего-либо, обладанию, это то, что напрямую связано со сферой чувств, устремлений, потребностей человека» [6, с. 160]. Психологи проблему волеизъявления вообще ставят под сомнение, вытесняя проблемой мотива, а воля воспринимается как некая умозрительная конструкция, фикция, иллюзия разума [8, с. 118].

Свобода воли и волеизъявление, не являясь по сути правовыми понятиями, представляют предмет научного интереса не только специалистов в области общей теории права, но и в отраслевых исследованиях. В последние годы наибольшее количество работ о соотношении свободы воли со смежными или противоположными категориями (принуждение) получило развитие в уголовно-правовых исследованиях, что связано с расширением диспозитивных начал в публичной уголовно-правовой отрасли. Так, по уголовному процессу стоит назвать работу Е.А. Артамоновой, касающуюся волеизъявления обвиняемого [9], в уголовном праве – диссертационное исследование С.В. Шевелевой, поднимающее проблематику влияния свободы воли в уголовно-правовых отношениях [10]. Свобода воли и уголовная ответственность рассматриваются через призму новых открытий в нейробиологии [11, с. 45–51]. Заслуживает внимания диссертационное исследование А.А. Нассонова, посвященное уголовно-процессуальному согласию как фактически ключевой форме юридической фиксации волеизъявления участника уголовно-правового конфликта [12, с. 4].

Отдельным блоком можно выделить работы, касающиеся диспозитивности в уголовном праве и процессе. Так, Э.Л. Сидоренко раскрывает вопросы диспозитивности в уголовном праве как потребность в расширении свободы частного лица в публичной правовой отрасли [13, с. 5], А.В. Сумачев рассматривает диспозитивность в уголовном праве как отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся по воле независимых друг от друга субъектов права, реализующих свой частный интерес [14, с. 7]. И.С. Дикарев определяет сущность и

¹ Эксперимент Ф. Зимбардо, суть которого сводится к опыту над добровольцами, разделенными на «тюремщиков» и «заключенных». «Тюремщики» должны были наказывать «заключенных» за непослушание. В итоге к шестому дню эксперимента психически здоровые молодые люди стали устраивать такие изощренные издевательства, что эксперимент вынуждены были остановить. Сходный по сути и эксперимент С. Милгрема, в котором участвовали «ученики» и «учитель». «Учитель», находясь в отдельной комнате, должен был управлять генератором, от которого электричество подключалось к «ученику». Чем больше «ученик» давал неверных ответов, тем больше его должен был наказывать ток «учитель». Ни один из «учителей» не отказался от осуществления пытки над «учеником», хотя внешнего воздействия на него не осуществлялось.

формы проявления диспозитивности в различных стадиях уголовного процесса [15, с. 5]. В.В. Хатуаева разработала модель реализации частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве, сосредоточив внимание на реализации материальных и процессуальных прав основных участников уголовного процесса [16, с. 7]. Стоит отметить, что проблемы диспозитивности в уголовном процессе являются предметом изысканий большой группы ученых [17; 18; 19; 20; 21].

Несмотря на разные направления и предмет исследования, авторы солидарны в том, что категории «свобода воли» и «волеизъявление» прочно вошли в терминологический аппарат наук криминального цикла, а их становление связано с расширением субъективных начал в уголовном праве и процессе.

В исторической ретроспективе можно выделить периоды, когда частный интерес выступал основой начала судопроизводства (вплоть до XI в.). Так, по «Русской Правде», описывающей «свод» и «гонение по следу» [22, с. 410], презюмируется активная роль потерпевшего, которому в поисках обидчика власть оказывала максимальную помощь. Инициатива уголовного преследования была на стороне потерпевшего. Второй период (XV–XX вв.) – период «жесткой публичности уголовного судопроизводства, когда основой уголовного процесса стала воля государства... воля частных лиц, прежде всего потерпевшего и обвиняемого, практически не учитывалась» [9, с. 43].

Современный этап характеризуется максимальным расширением учета и реализации воли вовлеченных в уголовные правоотношения лиц. Действительно, государство должно выступать независимым арбитром в разрешении уголовно-правового конфликта. И коль скоро происходит расширение норм, учитывающих волеизъявление участников такого конфликта, важно найти золотую середину и не сместить акцент внимания на интересы обвиняемого (подсудимого) как человека, чья судьба решается, так и потерпевшего – человека пострадавшего, но желающего в силу эмоционального состояния наказать обидчика максимально строго, а в некоторых случаях – извлечь выгоду или попытаться злоупотребить своим положением пострадавшего. Поиск такого баланса, полагаем, необходимо начать с определения соотношения категорий «свобода воли» и «волеизъявление», сходных по содержанию, но имеющих разное выражение в правовых актах и, как следствие, ведущих в разным правовым результатам.

С.В. Шевелева утверждает: «...воля в юридическом понимании может быть свободна либо нет; здесь нет промежуточных состояний полусвободы» [10, с. 26]. Уголовное право основывается на опровержимой презумпции свободы воли, в соответствии с которой действия человека предполагаются

свободными до тех пор, пока не доказано обратное [23, с. 114]. На первый взгляд, такое утверждение слишком безапелляционно. В гражданском праве существует четко устоявшийся термин «порок воли», хотя и не имеющий нормативной фиксации. Суть этого термина сводится к тому, что человек действует свободно, но в условиях, противоречащих истинному волеизъявлению. И.М. Змановская разделяет сделки «без наличия воли к совершению сделки» и «внутренняя воля в которых сформировалась неправильно» [24, с. 109]. С.В. Шевелева, Е.Н. Шатанкова также указывают на некую «порочность» в свободе действий лица, совершающего уголовно-наказуемый поступок, когда имеет место принуждение и иные способы воздействия на принятие решения. По существу, И.М. Змановская, С.В. Шевелева и Е.Н. Шатанкова говорят об одном и том же, но в контексте разных отраслевых исследований. Сделка без наличия воли к совершению и совершение преступления под принуждением с позиций субъективного восприятия лица – идентичные категории. Человек изначально ограничен в выборе варианта поведения, интеллектуально он осознает, что его воля порочна. Вторая группа условий порока воли специалистами в области уголовного права именуется как иные способы воздействия с расшифровкой, это может быть обман, злоупотребление доверием, подкуп, уговор, обещание, призыв, пропаганда [23, с. 114]. Цивилисты обозначают ее как внутреннюю волю, «которая сформировалась неправильно» [24, с. 110]. Идя на сделку (в гражданских правоотношениях) или совершая уголовно-правовой деликт, человек не осознает в полном объеме последствия, он только полагает, что обладает вариативностью поведения, т.к. действует в искаженной реальности.

В обеих группах юридические последствия следующие: чем интенсивнее воздействие на волю, тем меньше ответственность (в уголовном праве) и выше возможность признания договора недействительным (в гражданском праве). Иными словами, абсолютный порок воли – это ее отсутствие. Следовательно, утверждение С.В. Шевелевой об отсутствии полусвободы в праве является верным тезисом по своей сути. Еще М.Д. Шаргородский писал: «...«нет выбора» и «выбор детерминирован» – это вовсе не одно и то же» [25, с. 34].

Волеизъявление как юридическая категория в большей мере представлена в исследованиях по гражданскому праву [26, с. 84]. Содержание данного феномена определяется через «внешнее выражение воли», где воля есть желание, а волеизъявление – способ выражения [27, с. 77]; существует презумпция воли: «пока не доказано обратное, предполагается, что волеизъявление (выражение воли) лица соответствует своему смыслу подлинной воле данного лица» [28, с. 190]; «надо исходить из презумпции совпадения воли и волеизъявления,

констатируя обратное лишь при наличии соответствующих доказательств» [29, с. 8] и т.д.

Волеизъявление как уголовно-правовая категория рассматривается в некоторых публикациях в качестве составной части свободы воли² [30, с. 168–170] либо как синонимичное понятие [31, с. 116–122]. В уголовно-процессуальной науке данный термин определяется с позиций волеизъявления обвиняемого. Е.А. Артамонова данную дефиницию обозначает как противоположность возложенных на обвиняемого обязанностей и требований со стороны лиц, ведущих производство по уголовному делу. По ее мнению, волеизъявление – это «... активная, инициативная деятельность обвиняемого, направленная на защиту его прав и законных интересов», где наступление желаемого результата зависит не только от обвиняемого, но и от усмотрения правоприменителя, основанного на предписании закона и/или на потребностях производства по уголовному делу [32, с. 146]. Посредством волеизъявления обвиняемый не только защищает (реализует) свои законные интересы, но и влияет на выбор формы судопроизводства, ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности [9, с. 27].

В зависимости от этого автор выделяет формы волеизъявления: единоличное проявление (когда оно имеет прямое действие, является пусковым механизмом осуществления обязательных, императивно определенных действий со стороны правоприменителя, например ходатайства о назначении защитника); неединоличное проявление (когда закон требует сочетания воли двух, трех и более субъектов уголовно-процессуальных отношений, и достижение результата зависит от совпадения воли этих участников). При неединоличном проявлении возможно парное волеизъявление. Например, примирение потерпевшего и подсудимого по делам частного обвинения является обязанностью суда прекратить уголовное преследование. При этом суд не должен выяснять истинность причин примирения, хотя с обеих сторон может иметь место порок воли: давление, угрозы, обман, принуждение с противоположной стороны.

Многосубъектное волеизъявление включает волю трех и более субъектов. Например, примирение с потерпевшим в порядке ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) по преступлениям небольшой или средней тяжести. Здесь желание примириться должно быть высказано подсудимым, потерпевшим и одобрено волей правоприменителя. Лишь когда объединяются три воли, можно достичь желаемого

результата. Таким образом, волеизъявление может носить правообязывающий характер и волеизъявление, реализация которого зависит от усмотрения управомоченного лица (дознателя, следователя, прокурора суда) [32, с. 148]. В первом случае лицо имеет возможность реализовать свою волю свободно без учета мнения (воли) третьих лиц (например, заявить ходатайство о предоставлении защитника или нет, давать показания против себя или нет и т.д.). Во втором случае воля зависит от позиции третьих лиц, и обвиняемый (подсудимый) имеет возможность высказать волеизъявление, а искомый результат может не наступить ввиду противоположных интересов потерпевшего, государства (в лице правоприменителя).

Волеизъявление потерпевшего также является предметом научных изысканий в области уголовного процесса. Оно рассматривается в контексте примирения с обвиняемым (подсудимым). Не выделяя многосубъектность воли в вопросе примирения, авторы тем не менее акцентируют внимание на том аспекте, что если интересы государства не затронуты, а уголовно-правовой спор касается только двух лиц, то государство не может (и не должно) «вмешиваться» в вопрос примирения, а должно лишь обеспечить уголовно-процессуальную форму. Суть большинства предложений сводится к возможности расширения статей, по которым уголовные дела могут возбуждаться и прекращаться на основании волеизъявления потерпевшего [33, с. 163–164; 34].

Свобода воли и волеизъявление имеют единое ядро – возможность выражения желания вовне. Обе категории имеют субъективный и объективный критерий. По мнению С.В. Шевелевой, субъективный компонент свободы воли выражается через идиомы «хочу», «не хочу», объективный – «могу», «есть объективная возможность» [10, с. 13]. Субъективный компонент волеизъявления может выражаться только через «хочу», объективный – «есть возможность».

Рассматриваемые категории в уголовном законе, как правило, выражаются через дефиницию «согласие». Концепт «согласие» – это утвердительный ответ на просьбу [35, с. 731]. Подобное понимание этого концепта не согласуется с общей идеей употребления данного термина в Уголовном кодексе Российской Федерации. Второе значение – «положительное отношение к чему-либо» [36, с. 179], что больше соответствует закладываемому законодателем смыслу. Нормативное толкование согласия дается в п. 41.1 УПК РФ, где говорится о разрешении руководителя следственного органа на производство следователем или разрешении прокурора, начальника органа дознания на производство дознавателем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений. Данное

² Волосюк Е.А., Иванов С.А. Свободу воли в уголовно-правовом значении разделяют на три компонента: свобода волеобразования, волеопределения и свобода волеизъявления. Последняя категория является заключительным этапом реализации свободы воли.

понятие подвергается справедливой критике [37], поскольку касается узкого сегмента уголовно-процессуального согласия и не охватывает случаи, когда согласие дает неуполномоченный субъект (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, свидетель).

Доктринальные подходы в юридических исследованиях показывают разную смысловую нагрузку данной дефиниции в различных отраслях права. Например, в диссертации А.А. Нассонова, посвященной уголовно-процессуальному согласию, дается следующее определение: «...основанное на законе и выраженное в письменной форме сообщение одних участников уголовного судопроизводства и лиц, не получивших процессуального статуса, об одобрении просьбы других участников уголовного судопроизводства, касающейся возможности выполнения того или иного процессуального действия, принятия решения, перехода к определенной процедуре» [12, с. 39]. Автором предлагаются классификации согласия, исходя из характера уголовно-процессуальной деятельности (стадии уголовного процесса), видов согласия, обусловленных формой его выражения (устная и письменная), где он последовательно отстаивает идею письменного согласия со стороны невластных субъектов, чтобы не придавать юридического значения неконкретизированному или молчаливому согласию [12, с. 264–292].

Данную позицию поддерживают и другие ученые [38, с. 10; 39, с. 151–157]. Так, Т.Ю. Вилкова пишет: «...не должно иметь юридического значения ни молчаливое согласие... per se не исключающее предположения или неверного истолкования со стороны правоохранительных органов, ни открытая дверь в жилище, ни устное согласие ввиду сложности его проверяемости. Поэтому в удостоверительных целях следует придавать согласию письменную форму, включая его в протокол следственного действия и заверяя подписью лица, проживающего в данном жилище» [40, с. 329–331]. По мнению А.А. Нассонова, уголовно-процессуальное согласие может быть классифицировано еще по таким критериям, как способ регламентации согласия в нормативных актах; объект согласия; процессуальная принадлежность лица, дающего согласие; обладание лицом, дающим согласие, властными полномочиями; обусловлен-

ность дачи уголовно-процессуального согласия наличием у того или иного лица процессуального иммунитета... [12, с. 293] и другим. Применительно к согласию потерпевшего автор говорит о достижении компромисса [12, с. 140].

Как видно, уголовно-процессуальное согласие никак не согласуется с согласием в уголовном праве, исходящем от потерпевшего. Поэтому предлагаемые конструкции из смежных отраслевых исследований не могут быть экстраполированы на уголовно-правовые отношения. В то же время оперирование данным термином в конструкциях составов преступлений следует признать наиболее удачным конструктом для юридической фиксации волеизъявления потерпевшего.

Подводя итог, следует сказать следующее. Водораздел между свободой воли и волеизъявлением заключается в том, что свобода воли реализуется безоговорочно, волеизъявление – это высказанное намерение о желаемом векторе развития событий, но результат не имеет прямой корреляции с волеизъявлением. Следуя такой логике, можно предположить, что до возникновения уголовно-правовых отношений (т.е. до момента совершения преступления) всегда имеет место свобода воли: совершить преступление или отказаться от его совершения, согласиться на причинение вреда или не давать согласие. После совершенного деликта в рамках уголовно-правовых, уголовно-процессуальных или уголовно-исполнительных правоотношений правильнее говорить о волеизъявлении участника, так как воля лица «контролируется» государственной автономией на соблюдение прав и законных интересов всех участников. Исключение составляют ситуации, когда волеизъявление является единоличным, т.е. четко и императивно определено законом как право участника на получение конкретного результата независимо от воли других участников. В связи с этим можно выделить еще одну отличительную черту: волеизъявление имеет нормативно определенную форму (ходатайство, заявление, жалоба и т.д.). Свобода воли выражается поступком. Таким образом, с точки зрения закона свобода воли оценивается (охрана законных прав или привлечение к ответственности за нарушение), а волеизъявление является отправным механизмом реализации закона.

Литература

1. *Haney C., Banks C., Zimbardo P.* A study of prisoners and guards in a simulated prison // *Naval Research Review*. – 1973. – № 9. – P. 1–17.
2. *Milgram S.* Behavioral Study of Obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1963. – № 67. – P. 371–376.
3. *Волков Д.Б.* Свобода воли. Иллюзия или возможность. – Москва: Карьера Пресс, 2018. – 550 с.
4. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. – изд. 26-е, перераб. и доп [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/>
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vseslova.ru> (дата обращения: 20.11.2024)
6. *Красильникова Е.В.* Лексикографический аспект исследования семантики волеизъявления // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – 2009. – № 101. – С. 160–163.

7. **Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А.** Идея приверженности: между свободным волеизъявлением и покорностью // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 4. – С. 48–50.
8. **Ильин Е.П.** Психология воли. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 288 с.
9. **Артамонова Е.А.** Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ставрополь, 2019. – 439 с.
10. **Шевелева С.В.** Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2015. – 403 с.
11. **Хиллута В.В.** Свобода воли и уголовная ответственность в фокусе новых открытий нейробиологии // Право.by. – 2021. – № 6 (74). – С. 45–51.
12. **Нассонов А.А.** Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2024. – 655 с.
13. **Сидоренко Э.Л.** Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2013. – 418 с.
14. **Сумачев А.В.** Диспозитивность в уголовном праве (теоретико-прикладной анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 420 с.
15. **Дикарев И.С.** Диспозитивность в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 238 с.
16. **Хатуаева В.В.** Реализация частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2006. – 393 с.
17. **Пономаренко С.С.** Диспозитивные начала в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2002. – 156 с.
18. **Шамардин А.А.** Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2001. – 26 с.
19. **Касаткина С.А.** Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – 24 с.
20. **Тензина Е.Ф.** Производство по делам частного обвинения как форма диспозитивности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. – 30 с.
21. **Штоль Д.С.** Диспозитивность и ее отдельные проявления в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2009. – 211 с.
22. **Юшков С.В.** История государства и права России (IX–XIX вв.). – Ростов-на-Дону: Феникс 2003. – 735 с.
23. **Шевелева С.В., Шатанкова Е.Н.** О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы // Российский девиантологический журнал. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 109–123.
24. **Змановская И.М.** Сделки с «пороком воли» как разновидность понуждения к заключению договора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 5-3 (56). – С. 109–114. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-5-3-109-114.
25. **Шаргородский М.Д.** Избранные работы по уголовному праву / сост. и предисл. Б.В. Волженкина. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 434 с.
26. **Муртазалиева С.М.** Воля и волеизъявление как условия действительности сделок // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 84–85.
27. **Май С.К.** Очерк общей части буржуазного обязательственного права. – Москва: Внешторгиздат, 1953. – 220 с.
28. **Гутников О.В.** Недействительные сделки в гражданском праве: (теория и практика оспаривания). – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Статут, 2008. – 489 с.
29. **Рабинович Н.В.** Недействительность сделок и ее последствия. – Ленинград: изд-во ЛГУ, 1960. – 171 с.
30. **Волосюк Е.А., Иванов С.А.** Категория «свобода воли» и ее роль в уголовном праве / Актуальные проблемы современной науки: материалы V Международной научно-практической конференции в 2 т., Ставрополь, 16–20 февраля 2016 г. – Ставрополь: ЧОУ ВО «Ставропольский университет», 2016. Т. 1. С. 168–170.
31. **Жигарев Е.С.** Объективный и субъективный детерминизм в контексте теории причинности преступлений // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 116–122. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10335.
32. **Артамонова Е.А.** О формах реализации волеизъявления обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 146–151. – DOI 10.37494/2409-1030-2018-4-146-151.
33. **Петрухин И.Л.** Правосудие: время реформ. – Москва: Наука, 1991. – 207 с.
34. **Левинова Т.А.** Уголовно-процессуальное понятие «согласие»: теоретический и практический аспекты // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2019. – № 18. – С. 122–131.
35. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: АЗЪ, 1995. – 938 с.
36. **Кожевников А.Ю.** Большой синонимический словарь русского языка. – Москва: ПФ Красный пролетарий, 2003. Т. 2: О-Я. – 476 с.
37. **Марфицин П.Г.** Некоторые несогласия с понятием «согласие» в уголовном судопроизводстве // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 3. – С. 65–66.
38. **Широков И.В.** Особенности реализации прав потерпевшего при осуществлении уголовного судопроизводства в особом порядке: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – 204 с.
39. **Хайдаров А.А.** О понятии «согласие» в уголовном процессе России // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 151–157.
40. **Вилкова Т.Ю.** Система принципов российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2022. – 443 с.
41. **Глазунов Ю.Т.** Поступок как «единица» волеизъявления [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 5. – С. 7–16.
42. **Варлаховская Е.М.** Волеизъявление потерпевшего – одно из условий реализации его процессуальных прав на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 2 (6). – С. 12–21.

References

---

1. **Haney C., Banks C., Zimbardo P.** A study of prisoners and guards in a simulated prison // Naval Research Review. – 1973. – № 9. – P. 1–17.
2. **Milgram S.** Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – № 67. – P. 371–376.
3. **Volkov D.B.** Svoboda voli. Illuziya ili vozmozhnost'. – Moskva: Kar'era Press, 2018. – 550 s.

4. **Ozhegov S.I.** Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – izd. 26-e, pererab. i dop [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/>
5. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.vseslova.ru> (data obrashcheniya: 20.11.2024)
6. **Krasil'nikova E.V.** Leksikograficheskij aspekt issledovaniya semantiki voleiz'yavleniya // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2009. – № 101. – S. 160–163.
7. **Bikmetov E.Yu., Luk'yanov A.V., Pushkareva M.A.** Ideya priverzhennosti: mezhdu svobodnym voleiz'yavleniem i pokornost'yu // Social'no-gumanitarnye znaniya. – 2023. – № 4. – S. 48–50.
8. **Il'in E.P.** Psihologiya voli. – Sankt-Peterburg: Piter, 2008. – 288 s.
9. **Artamonova E.A.** Voleiz'yavlenie obvinyaemogo v sisteme pravovyh kategorij i osnovnyh nachal ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Stavropol', 2019. – 439 s.
10. **Sheveleva S.V.** Svoboda voli i prinuzhdenie v ugolovnom prave: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 2015. – 403 s.
11. **Hilyuta V.V.** Svoboda voli i ugolovnaya otvetstvennost' v fokuse novyh otkrytij neirobiologii // Pravo.by. – 2021. – № 6 (74). – S. 45–51.
12. **Nassonov A.A.** Soglasie i ego realizaciya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: teoreticheskie osnovy, pravovoe regulirovanie i pravoprimenenie: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Voronezh, 2024. – 655 s.
13. **Sidorenko E.L.** Dispozitivnost' kak rezhim ugolovno-pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 2013. – 418 s.
14. **Sumachev A.V.** Dispozitivnost' v ugolovnom prave (teoretiko-prikladnoj analiz): dis. ... d-ra jurid. nauk. – Ekaterinburg, 2006. – 420 s.
15. **Dikarev I.S.** Dispozitivnost' v ugolovnom processe Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. – Volgograd, 2004. – 238 s.
16. **Hataeva V.V.** Realizaciya chastnogo (dispozitivnogo) nachala v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 2006. – 393 s.
17. **Ponomarenko S.S.** Dispozitivnye nachala v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. – Orenburg, 2002. – 156 s.
18. **Shamardin A.A.** Chastnye nachala obviniya i stanovlenie principa dispozitivnosti v ugolovnom processe Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Orenburg, 2001. – 26 s.
19. **Kasatkina S.A.** Publichnost' i dispozitivnost' v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2002. – 24 s.
20. **Tensina E.F.** Proizvodstvo po delam chastnogo obviniya kak forma dispozitivnosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Izhevsk, 2004. – 30 s.
21. **Shtol' D.S.** Dispozitivnost' i ee ot del'nye proyavleniya v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. – Chelyabinsk, 2009. – 211 s.
22. **Yushkov S.V.** Istoriya gosudarstva i prava Rossii (IH–HIH vv.). – Rostov-na-Donu: Feniks 2003. – 735 s.
23. **Sheveleva S.V., Shatankova E.N.** O svobode voli, prinuzhdenii, manipuljacii v filosofii, psihologii i prave: k postanovke problemy // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. – 2022. – T. 2. – № 1. – S. 109–123.
24. **Zmanovskaya I.M.** Sdelki s «porokom voli» kak raznovidnost' ponuzhdeniya k zaklyucheniyu dogovora // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2021. – № 5-3 (56). – S. 109–114. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-5-3-109-114
25. **Shargorodskij M.D.** Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu / sost. i predisl. B.V. Volzhenskina. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2003. – 434 s.
26. **Murtazaliev S.M.** Volya i voleiz'yavlenie kak usloviya dejstvitel'nosti sdelok // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 2. – S. 84–85.
27. **Maj S.K.** Ocherk obshchej chasti burzhuaznogo obyazatel'stvennogo prava. – Moskva: Vneshtorgizdat, 1953. – 220 s.
28. **Gutnikov O.V.** Nedejstvitel'nye sdelki v grazhdanskom prave: (teoriya i praktika osparivaniya). – 3-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Statut, 2008. – 489 s.
29. **Rabinovich N.V.** Nedejstvitel'nost' sdelok i ee posledstviya. – Leningrad: izd-vo LGU, 1960. – 171 s.
30. **Volosyuk E.A., Ivanov S.A.** Kategoriya «svoboda voli» i ee rol' v ugolovnom prave // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v 2 t., Stavropol', 16–20 fevralya 2016 g. – Stavropol': ChOU VO «Stavropol'skij universitet», 2016. T. 1. – S. 168–170.
31. **Zhigarev E.S.** Ob»ektivnyj i sub»ektivnyj determinizm v kontekste teorii prichinnosti prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 6. – S. 116–122. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10335.
32. **Artamonova E.A.** O formah realizacii voleiz'yavleniya obvinyaemogo v ugolovnom sudoproizvodstve // Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya. – 2018. – № 4. – S. 146–151. – DOI 10.37494/2409-1030-2018-4-146-151.
33. **Petruhin I.L.** Pravosudie: vremena reform. – Moskva: Nauka, 1991. – 207 s.
34. **Levinova T.A.** Ugolovno-processual'noe ponyatie «soglasie»: teoreticheskij i prakticheskij aspekty // Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoj sistemy obshchestva. – 2019. – № 18. – S. 122–131.
35. **Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.** Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: AZ», 1995. – 938 s.
36. **Kozhevnikov A.Yu.** Bol'shoy sinonimicheskij slovar' russkogo yazyka. – Moskva: PF Krasnyj proletarij, 2003. T. 2: O-Ya. – 476 s.
37. **Marficin P.G.** Nekotorye nesoglasiya s ponyatiem «soglasie» v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii. – 2016. – № 3. – S. 65–66.
38. **Shirokov I.V.** Osobennosti realizacii prav poterpevshego pri osushchestvlenii ugolovnogo sudoproizvodstva v osobom poryadke: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2022. – 204 s.
39. **Hajdarov A.A.** O ponyatii «soglasie» v ugolovnom processe Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. – 2016. – № 10. – S. 151–157.
40. **Vilkova T.Yu.** Sistema principov rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 2022. – 443 s.
41. **Glazunov Yu.T.** Postupok kak «edinica» voleiz'yavleniya [Elektronnyy resurs] // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». – 2016. – № 5. – S. 7–16. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/16088.htm>.
42. **Varpahovskaya E.M.** Voleiz'yavlenie poterpevshego – odno iz uslovij realizacii ego processual'nyh prav na stadiyah predvaritel'nogo rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2014. – № 2 (6). – S. 12–21.

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

